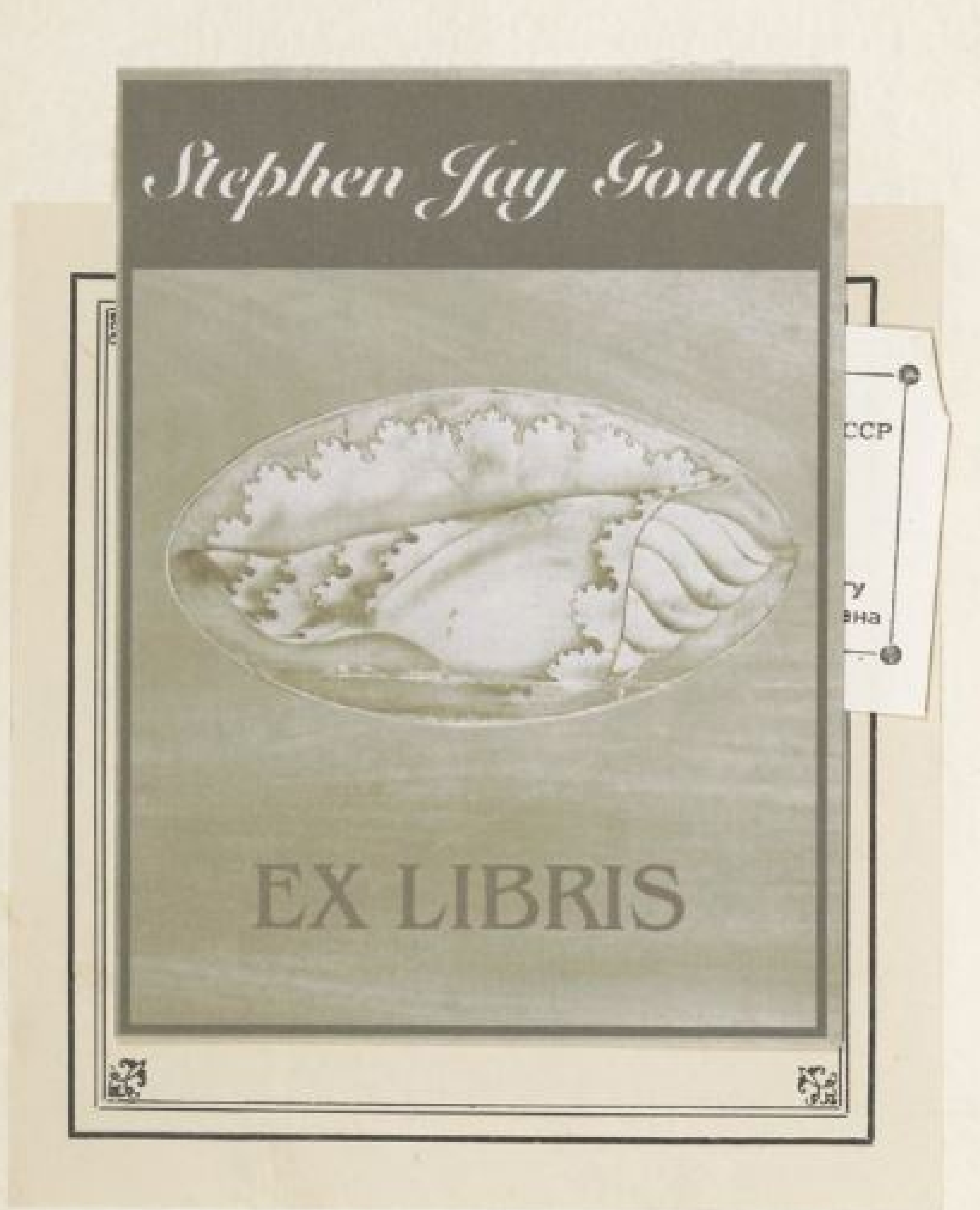
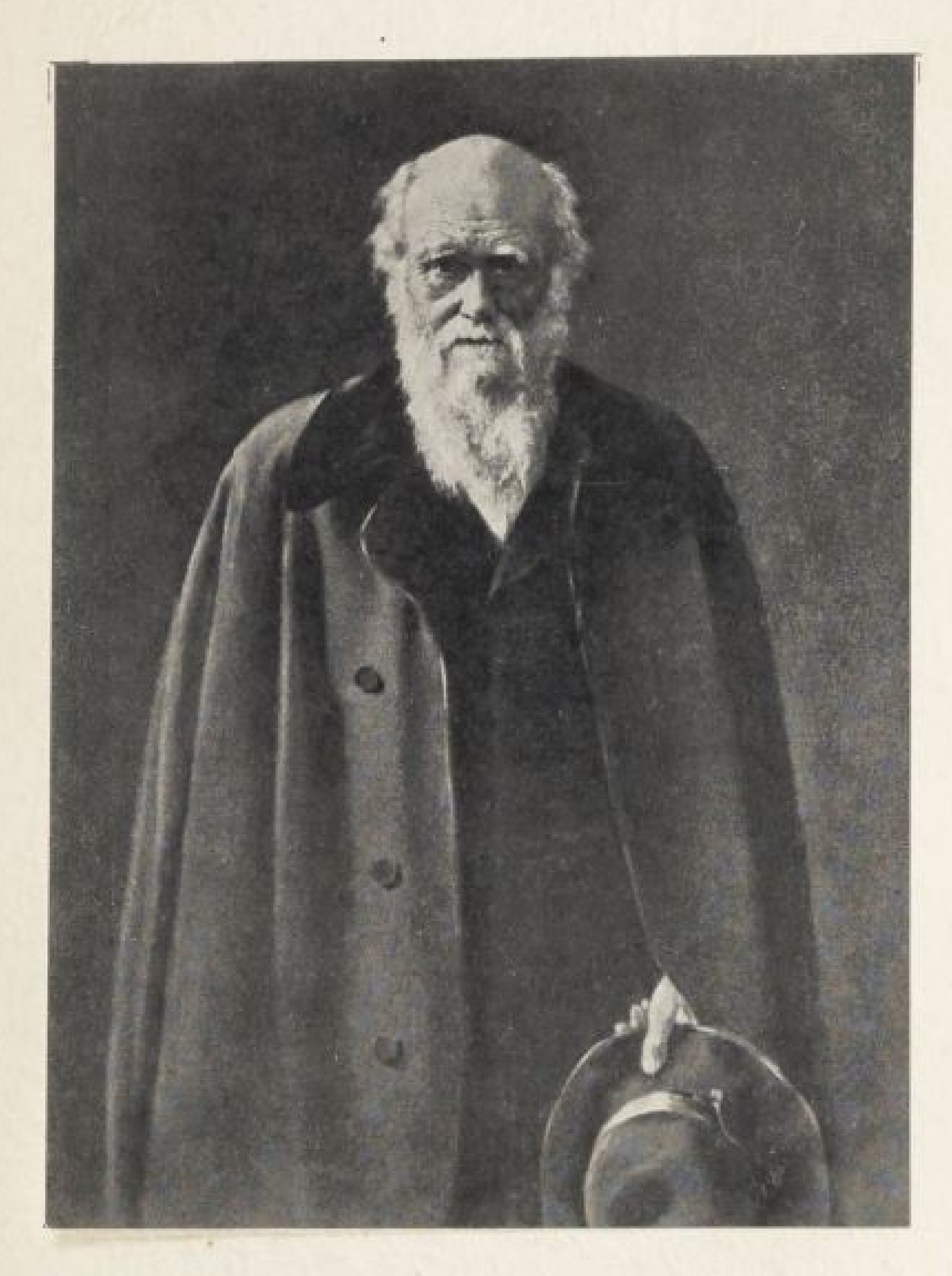
Ч. ДАРВИН

Автобиография


Stephen Jay Gould
EX LIBRIS

Ralph W. Lewis

А К А Д Е М И Я Н А У К
С С С Р



ЧАРЛЗ ДАРВИН

Портрет маслом работы Джона Кольера (1881 г.)

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗВИТИИ МОЕГО УМА И ХАРАКТЕРА (АВТОБИОГРАФИЯ)

ДНЕВНИК РАБОТЫ И ЖИЗНИ

Полный перевод с рукописей Ч. Дарвина,
вступительная статья и комментарии
проф. С. Л. СОБОЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва • 1957

Ответственный редактор
Академик В. Н. СУКАЧЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

То обстоятельство, что всем известная «Автобиография» Чарлза Дарвина представляет собою сильно сокращенный вариант «Воспоминаний», написанных Ч. Дарвином в 1876—1881 гг., было достаточно очевидно уже при первой публикации «Автобиографии» сыном Ч. Дарвина Френсисом в 1887 г. в составе первого тома L. L.* Как видно из вступительной ремарки Френсиса Дарвина к «Автобиографии» (там же, стр. 26), заглавие это принадлежит ему, а не Ч. Дарвину, который,— очевидно, с целью подчеркнуть, что его главным стремлением было показать историю своего духовного развития,— назвал свои записки «Воспоминания о развитии моего ума и характера». В 1887 г., через пять лет после смерти отца, Френсис Дарвин не счел возможным полностью опубликовать «Воспоминания» отца, в ряде отношений слишком откровенные. Он предпочел придать «Воспоминаниям» характер главным образом рассказа об основных фактах жизни Ч. Дарвина, т. е. характер именно автобиографии, а не воспоминаний, и для этого исключил из текста «Воспоминаний» все те разделы, абзацы и фразы, которые не содержали прямых данных о событиях жизни Ч. Дарвина и его научно-литературной работе. Некоторые из этих исключенных из «Воспоминаний» разделов, например раздел об отношении Ч. Дарвина к религии, рассказ его об отце и брате (в значительно сокращенном, в свою очередь, виде)

* О принятых в настоящей книге сокращениях см. стр. 10.

даны Френсисом Дарвином в главах восьмой и первой того же первого тома L. L. с указанием, что эти тексты извлечены из «Воспоминаний». Несколько более мелких отрывков из «Воспоминаний» даны в других местах трех томов L.L. и в M.L.

Все это и прямые указания Фр. Дарвина в тексте «Автобиографии» о произведенных им сокращениях говорили о том, что до сведения широких кругов читателей «Воспоминания» Чарлза Дарвина доведены далеко не в полном виде. В 1933 г. внучка Ч. Дарвина Нора Барло опубликовала полностью тот отрывок «Воспоминаний» Дарвина, в котором дана подробная характеристика капитана Роберта Фиц-Роя (см. ниже примечания к «Воспоминаниям», стр. 196). Однако вплоть до настоящего времени полный текст «Воспоминаний» Ч. Дарвина остался неопубликованным и широким кругам читателей неизвестным; что же касается русских читателей, то в огромном большинстве они знакомы только с текстом «Автобиографии», опубликованным Фр. Дарвином во 2-й главе L. L. и переведенным на русский язык К. А. Тимирязевым еще в конце 90-х годов прошлого века. Так называемая глава о религии была переведена на русский язык с немецкого перевода Б. Вилле в 1907 г. (см. стр. 198) и с тех пор, в противоположность «Автобиографии» (в переводе К. А. Тимирязева), больше ни разу не переиздавалась.

Готовя к печати 9-й том академического издания «Сочинений» Ч. Дарвина, в состав которого должны войти и различные автобиографические материалы Ч. Дарвина, пишущий эти строки сделал попытку воссоздать первичный текст «Воспоминаний» по всем опубликованным до настоящего времени отрывкам и извлечениям из него. Произведенная работа дала известный положительный эффект, однако полученный таким путем текст оставался явно мозаичным и отрывочным. Стало еще более очевидным, что значительные и, видимо, весьма интересные части «Воспоминаний» Ч. Дарвина остаются необнародованными,— обстоятельство, крайне печальное: через 75 лет после смерти гениального ученого было бы вполне естественно ознакомить широкие круги читателей всего мира с полным текстом «Воспоминаний» — этого важнейшего автобиографического документа,

оставленного гениальным основоположником современной биологии.

Редакционная коллегия академического издания «Сочинений» Ч. Дарвина считала чрезвычайно желательным дать в томах, посвященных жизни и переписке Дарвина, полные тексты «Воспоминаний» и ряда других остающихся еще не опубликованными документов и писем Дарвина — «Дневника» его жизни и работы, первой эволюционной «Записной книжки» 1837—1838 гг., некоторых писем к Ч. Лайеллю и др. Так как подлинники или копии большинства рукописей Дарвина хранятся главным образом в Библиотеке Кембриджского университета, было решено обратиться туда (через Фундаментальную библиотеку Академии наук СССР) с просьбой о предоставлении Редколлегии «Сочинений» Дарвина фотокопий или микрофильмов указанных документов Дарвина. Библиотека Кембриджского университета с величайшей любезностью предоставила нам микрофильмы перечисленных документов, а на нашу просьбу разрешить нам опубликовать полный русский перевод этих документов Дарвина секретарь Кембриджской библиотеки м-р А. Тиллотсон в письме на имя главного редактора академического издания «Сочинений» Ч. Дарвина академика В. Н. Сукачева любезно сообщил: «Dear Sir, I thank you for the letter from yourself and Professor Sobol about the Darwin material. We are glad to enable you to publish a complete Russian translation of Darwin's works by means of microfilms of documents in this Library. We have no objection to their being translated and published.— Yours truly A. Tillotson (Secretary of the University Library, Cambridge, England)». [«Милостивый государь, я благодарю Вас и профессора Соболя за письмо по вопросу о материалах Дарвина. Мы рады предоставить вам возможность опубликовать полный русский перевод работ Дарвина путем использования микрофильмов документов, хранящихся в нашей Библиотеке. У нас нет возражений против того, чтобы они были переведены и опубликованы.— Преданный вам А. Тиллотсон (Секретарь Университетской библиотеки, Кембридж, Англия)».]

Пользуюсь случаем, чтобы от имени всех советских биологов, редакционной коллегии академического издания «Сочинений» Ч. Дарвина и лично от себя выразить глубокую благодарность Библиотеке Кембриджского университета и ее Секретарю м-ру А. Тиллотсону за этот подлинно дружественный акт, который как нельзя более будет служить сближению и взаимопониманию народов и ученых Англии и Советского Союза, одинаково почитающих светлую личность величайшего биолога всех времен и народов.

Из ряда полученных нами из Кембриджа документов Дарвина мы публикуем в данной книге, не дожидаясь выхода в свет 9-го тома «Сочинений», полный перевод двух автобиографических документов — «Воспоминаний» и «Дневника». О первом из них было уже достаточно сказано выше. Предварительно, до получения нами микрофильма полного текста «Воспоминаний», мы намерены были использовать для 9-го тома «Сочинений» старый перевод «Автобиографии», выполненный К. А. Тимирязевым (или вероятнее — под его редакцией), который был пересмотрен и уточнен по опубликованному Фр. Дарвином тексту и пополнен переводом других опубликованных отрывков из «Воспоминаний».

Ознакомление с полученным из Кембриджа рукописным текстом «Воспоминаний» привело нас, однако, к решению отказаться от старого перевода и сделать совершенно новый перевод, единый по стилю и точно соответствующий английскому тексту, каким он стал известен нам по подлинной рукописи Ч. Дарвина. Дарвин, как он сам говорит во вступительных строках «Воспоминаний», совершенно не заботился о стиле изложения; кроме того, в 1877—1879 и 1881 гг. он написал ряд обширных вставок, нарушивших и без того не очень строгую архитектурную стройность «Воспоминаний». Все это придает «Воспоминаниям» характер предварительного наброска, не вполне отделанного в стилистическом отношении. Надо думать, что одной из целей, которые преследовал Фр. Дарвин, производя свою обработку «Воспоминаний», было придать «Воспоминаниям» более стройный и удобочитаемый вид. Поскольку, однако,

мы преследовали совершенно иную цель — ознакомить широкие круги читателей с этим важнейшим документом в том виде, как он вышел из-под пера самого Дарвина, было естественным требование, которое мы поставили себе: возможно точнее отразить в переводе все мельчайшие особенности, все нюансы дарвиновского подлинника, считаясь при этом, разумеется, с законами русского языка.

То же относится и к небольшому «Дневнику», в котором Ч. Дарвин] очень коротко отмечал, начиная с 1838 г. и кончая 1881 г., важнейшие события своей научно-литературной деятельности и своей жизни. Этот «Дневник» был широко использован Френсисом Дарвином в его пояснительных заметках к письмам Ч. Дарвина, включенным в L. L. и M. L. Однако только немногие записи «Дневника» Фр. Дарвин привел текстуально. «Дневник» (или, как он назван в каталоге Библиотеки Кембриджского университета, «Личный дневник») Дарвина написан крайне лаконичным языком, и чтобы сделать его несколько более удобочитаемым, в текст его пришлось ввести довольно много дополнительных слов, заключенных в квадратные скобки.

О внешних особенностях обеих рукописей — «Воспоминаний» и «Дневника» — достаточно сообщить следующее. Рукопись «Воспоминаний» представляет собою первичную рукопись Дарвина, написанную его собственной рукой очень мелким, но достаточно разборчивым почерком на 206 страницах тетради крупного формата. Основная нумерация (т.е. нумерация страниц текста, написанного в 1876 г.) охватывает 121 страницу. Вставки, написанные в 1877—1879 и 1881 гг., обозначены номером той страницы, к которой они относятся, и в тех случаях, когда вставка занимает несколько страниц, — последовательными буквами английского алфавита. В примечаниях мы даем подробный перечень как ранее опубликованных частей «Воспоминаний», так и всех существенных не опубликованных до настоящего времени частей. Перевод «Дневника» сделан нами с рукописной копии, изготовленной по поручению Френсиса Дарвина, вероятно, в те годы, когда он готовил к печати тома L. L. В ряде мест этой копии (занимающей 24 страницы формата

ученической тетради) имеются на полях сделанные рукою Френсиса Дарвина исправления слов, неправильно прочитанных или и вовсе неразобранных переписчиком. В двух-трех местах, однако, и Френсис Дарвин оказался не в состоянии разобрать руку отца.

Характер обоих документов, в которых упоминается очень большое число событий, имен и географических мест, мало знакомых или совершенно неизвестных современному советскому читателю, вызвал необходимость дать достаточно обширный комментарий, без которого значительная часть «Воспоминаний» и «Дневника» могла бы остаться непонятной. При подборе иллюстраций я стремился дать возможно более свежий для советских читателей материал, остающийся мало известным у нас.

Я хочу выразить здесь свою искреннюю признательность работникам Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР А. И. Широковой и А. И. Павловой за их активную помощь в получении из Библиотеки Кембриджского университета материалов и документов Чарлза Дарвина. Я приношу также свою благодарность А. О. Зелениной, которая взяла на себя нелегкий труд по сопоставлению рукописного текста «Воспоминаний» с опубликованными ранее частями и сумела таким путем выявить остававшиеся до настоящего времени не известными части «Воспоминаний», кандидату филологических наук С. К. Апту, который произвел указанную выше работу по улучшению старого перевода «Автобиографии» и переводу некоторых ранее опубликованных в Англии, но не переведенных на русский язык отрывков из «Воспоминаний», и за помощь в составлении некоторых примечаний к «Воспоминаниям» — профессорам С. Г. Геллерштейну (примеч. № 13а) и Ф. Т. Гринбауму (примеч. № 15а) и доцентам П. Е. Заблудовскому (примеч. № 73) и В. Л. Левину (примеч. № 22а и 67).

С. Л. Соболь

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Условные знаки и сокращения 10

Перечень иллюстраций 11

С. Л. Соболь — Новые материалы к биографии Ч. Дарвина 15

ЧАРЛЗ ДАРВИН

Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). 1876—1881. Recollections of the development of my mind and character (Autobiography) 37

Со времени моего рождения до поступления в Кембридж 1809—1828 39

[Характеристики отца и брата. Стр. 47—59.]

Жизнь в Кембридже. 1828—1831 73

Путешествие на «Бигле» с 27 декабря 1831 г. по 2 октября 1836 г. 86

Со времени возвращения на родину до моей женитьбы, 2 октября 1836 г. — 29 января 1839 г. 96

[Религиозные взгляды. Стр. 98—107].

Со времени моей женитьбы и жизни в Лондоне до нашего переселения в Даун, 29 января 1839 г. — 14 сентября 1842 г. . . 107

Жизнь в Дауне с 14 сентября 1842 г. до настоящего времени (1876). — Описание того, как возникли мои различные книги 122

Добавление (написано 1 мая 1881 г.) 143

[Оценка моих умственных способностей. Стр. 145—153.]

Дневник работы и жизни. 1838—1881. Journal (Personal diary) . . 155

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания к «Воспоминаниям о развитии моего ума и характера». Составил С. Л. Соболь 195

Примечания к «Дневнику». Составил С. Л. Соболь 234

Указатель имен 247

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ И СОКРАЩЕНИЯ

В публикуемых в настоящей книге текстах Ч. Дарвина, а также во вступительной статье и в примечаниях в конце книги приняты следующие условные знаки и сокращения:

( ) — круглые скобки: заключают слова, взятые в скобки автором.

〈 〉 — угловые скобки: заключают слова, зачеркнутые Ч. Дарвином, в его рукописных текстах.

[ ] — квадратные скобки: заключают слова, добавленные переводчиком в тексте Ч. Дарвина.

[2 нераз.]— цифра и слово «неразборчиво» в квадратных скобках означают число оставшихся неразобранными слов в данном месте рукописей Ч. Дарвина.

В конце каждого примечания указана страница текста Дарвина, к которой данное примечание относится.

L. L.=The Life and Letters of Charles Darwin... Edited by his son, Francis Darwin. Vls. I—III. London, J. Murray, 1887 (или стереотип 1888 г.).

Фр. Дарвин, 1949=Autobiography of Charles Darwin... Edited by his son, Sir Francis Darwin. London, Watts, 1949. (Это издание воспроизводит главы II, III и VIII предыдущего сочинения — L. L., с добавлением лишь нескольких небольших подстрочных примечаний, подписанных буквами F. D. и использованных в наших примечаниях)

M. L.=More Letters of Charles Darwin... Edited by Francis Darwin and A. C. Seward. Vls. I—II. London, J. Murray, 1903.

E. D.=Emma Darwin. A Century of Family Letters, 1792—1896. Edited by her daughter Henrietta Litchfield. Vls. I—II. London, J. Murray 1915.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Чарлз Дарвин. Портрет маслом работы Джона Кольера (1881 г.), находящийся в конференц-зале Линнеевского общества в Лондоне 1

Первая страница рукописи Ч. Дарвина «Воспоминания о развитии моего ума и характера». Библиотека Кембриджского университета 19

Д-р Роберт Уоринг Дарвин, отец Ч. Дарвина. Из книги K. Pearson, The Life, Letters and Labours of F. Galton, Cambridge, 1914, т. I, табл. VIII . . . . 40—41

Сусанна Веджвуд, мать Ч. Дарвина. Оттуда же, табл. IX. . 40—41

«Маунт». Дом д-ра Роберта Дарвина в Шрусбери, где родился Ч. Дарвин. Из книги H. Ward, C. Darwin, London, 1927, стр. 12 41

«Маунт». Вид с садовой площадки перед домом на реку Северн. Из книги A. Keith, Darwin revalued, London. 1955, стр. 46. 43

Школа д-ра Батлера в Шрусбери, в которой учился Ч. Дарвин. Перед зданием, в котором в настоящее время находится Шрусберийская библиотека, поставлен памятник Дарвину. Из книги H. Ward, стр. 4. 45

Ч. Дарвин и его сестра Кэтрин в 1816 г. Акварель того времени. Из M. L., т. I., (фронтиспис) . . . . 48—49

Студенческие билеты Ч. Дарвина на право посещения в Эдинбургском университете лекций проф. Хопа по химии и фармации, лекций проф. Монро по анатомии, физиологии и патологии, а также Эдинбургской клинической больницы (Королевского госпиталя). Из «Proceedings of the Royal Society of Edinburgh», т. LV, ч. II (№ 10), 1935 (табл. I к статье Ашуорта). . . . . 64—65

Эдинбургская записная книжка Ч. Дарвина. Вверху—подпись Дарвина и дата (март 1827 г.); внизу — страница с записью наблюдений над «яйцами» (личинками) пиявки Pontobdella от 28 марта. Оттуда же (табл. III к статье Ашуорта) . . 67

Колледж Христа в Кембриджском университете. Вход в здание, где жил Дарвин. Фото академика Е. Н. Павловского . . 77

Титульная страница брошюры с извлечениями из писем Ч. Дарвина к проф. Генсло, изданной Генсло 1 декабря 1835 г., когда Дарвин находился еще на «Бигле», для ознакомления натуралистов Кембриджа с геологическими и биологическими наблюдениями Дарвина 95

Дом в Лондоне на Гауэр-стрит, где Дарвин жил в 1839—1842 гг. Фото академика Е. Н. Павловского 109

Ч. Дарвин. Акварель работы Дж. Ричмонда (1839 г.). Даун, дом Дарвина. Из книги K. Pearson, т. IIIA, табл. XXXV . . 112—113

Эмма Дарвин (Веджвуд), жена Ч. Дарвина. Акварель Дж. Ричмонда (1839 г.). Даун, дом Дарвина. Из книги E. D., фронтиспис . . . . 112—113

Даун, дом Дарвина. Вид со стороны въезда из деревни. Налево от портика в первом этаже два окна старого кабинета Дарвина, направо —окна нового кабинета. — Современная фотография 123

Даун. План первого этажа дома Дарвина. Комнаты слева (новые кабинет и гостиная) представляют собою позднейшую пристройку. Из книги A. Keith, рис. 3. 125

Даун. План земельного участка, принадлежавшего Дарвину и некоторым его ближайшим соседям. Оттуда же, рис. 4. . 125

Ч. Дарвин в годы создания им «Происхождения видов». По фотографии, снятой в 1860 г. Редкий подлинник этой фотографии хранится в доме Дарвина в Дауне. . . . . . . 128—129

Даун. Старый кабинет Дарвина, где было написано «Происхождение видов» в 1858—1859 гг. Современная фотография 128—129

Проект титульного листа «Происхождение видов», собственноручно составленный Ч. Дарвином и посланный им на апробацию Лайеллю. Перевод: «Извлечение из труда о происхождении видов и разновидностей путем естественного отбора. Чарлза Дарвина, магистра искусств, Члена Королевского, Геологического и Линнеевского обществ. Лондон, 1859». Как известно, против помещения на титуле слов «Извлечение из труда» решительно воспротивился издатель

работ Дарвина Дж. Мёррей и настоял на своем. Фотография с оригинала 131

Титульный лист первого издания «Происхождение видов», вышедшего 24 ноября 1859 г. в количестве 1250 экземпляров и распроданного полностью в день выхода в свет 133

Книжные полки в новом кабинете Ч. Дарвина в Дауне. Современная фотография 137

Препаровальная лупа («микроскоп») Ч. Дарвина на подоконнике в его кабинете в Дауне. Современная фотография 139

Ч. Дарвин. По фотографии, снятой около 1880 г. Из книги «Darwin and modern Science». Ed. by A. C. Seward, Cambridge, 1910, стр. 493 . . . . 144—145

Даун. Дом Дарвина. Вид со стороны сада. Из книги A. Keith, рис. 2 154

Первая страница рукописной копии «Личного дневника» Ч. Дарвина. Библиотека Кембриджского университета 159

Ч. Дарвин в возрасте 40 лет. Рисунок Т. Мегайра (1849 г.). Музей Ч. Дарвина в Дауне . . . . 160—161

Вестминстерское аббатство в Лондоне, где находится могила Ч. Дарвина. Современная фотография . . . . 184—185

Внутренняя стена северной галереи Вестминстерского аббатства, на которой укреплены медальоны с барельефами и мемориальные доски в память великих английских натуралистов близ места, где в полу захоронены гробы с их останками. Верхний ряд (справа налево): Дарвин, Уоллес, Листер, Адамс, Ньютон; боковой ряд (сверху вниз): Джоуль, Гукер, Рамзай. С современной фотографии . . . . 184—185

Мемориальная доска на стене у въездных ворот в дом Дарвина в Дауне: «Здесь Дарвин мыслил и трудился в течение сорока лет и умер в 1882 году». Современная фотография 192

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Ч. ДАРВИНА

«Автобиография» Чарлза Дарвина,— в том виде, в каком она была опубликована в 1887 г. Френсисом Дарвином в первом томе L. L.,— явилась, несомненно, одним из важнейших источников для всех без исключения авторов многочисленных жизнеописаний Дарвина с 80-х годов прошлого века и до наших дней. Объяснение этому заключается прежде всего в прямоте, правдивости, искренности, простоте и скромности, которые овевают повесть Дарвина о самом себе. Если не считать немногочисленных, по большей части незначительных и притом вполне естественных ошибок в датах, именах и т. п., на каждое слово Дарвина можно вполне положиться, каждый сообщаемый Дарвином факт находит подтверждение в многочисленных других дарвиновских документах — его дневниках, записных книжках, переписке, в «Воспоминаниях» о нем его родных и друзей, а также многочисленных посетителей Дауна и корреспондентов Дарвина и т. д.

Однако, как уже было указано в «Предисловии», «Автобиография» представляет собою лишь значительно сокращенный и в некоторой мере литературно обработанный текст «Воспоминаний о развитии моего ума и характера» Ч. Дарвина. Вполне естественно поэтому ожидать, что для биографов Дарвина, для историков эволюционного учения, биологии и естествознания в целом, наконец для всех, кто интересуется жизнью и творчеством Дарвина, еще большее значение, чем «Автобиография»,

представит полный, пока еще остающийся в Англии неопубликованным текст «Воспоминаний» Дарвина.

Существенной особенностью «Воспоминаний» — в отличие от «Автобиографии»— является тенденция Дарвина внимательно всмотреться в свой духовно-этический облик и, поскольку это представлялось ему возможным, проследить развитие некоторых сторон своего мировоззрения и характера с детства и до старости. Обильный материал для характеристики «ума и характера» Дарвина, а вернее — его мировоззрения и его психических особенностей, дают воспоминания Дарвина о его поведении в детстве, о его отношении к литературе, искусству и к вопросам морали в науке, его воспоминания об отце, старшем брате и капитане Фиц-Рое, и в особенности раздел «Воспоминаний», посвященный отношению Ч. Дарвина к религии и те краткие, но многозначительные характеристики ряда видных ученых и других деятелей Англии, которые с такой щедростью даны Ч. Дарвином в его «Воспоминаниях о развитии моего ума и характера», но которые либо значительно сокращены, либо полностью опущены Френсисом Дарвином в тексте «Автобиографии». Большой материал для характеристики отношения Дарвина к труду дают некоторые замечания в его «Дневнике» и вся система погодных записей «Дневника».

Склонность к самонаблюдению и стремление проследить генезис своих основных психических особенностей возникли, несомненно, у Ч. Дарвина уже в молодые годы. Мы знаем во всяком случае, что уже в 1838 г., когда Дарвину исполнилось только двадцать девять лет, он приступил к составлению своих «Воспоминаний», которые, однако, довел тогда лишь до середины 1820 г., т. е. до того времени, когда ему исполнилось одиннадцать лет. В этих «Воспоминаниях» о раннем детстве, текст которых был обнаружен Френсисом Дарвином среди бумаг отца при перевозке их из Дауна в Кембридж, уже ясно обозначился интерес Ч. Дарвина к истории возникновения и развития у него различных вкусов и навыков, интерес, который впоследствии получил значительно более выраженный характер в «Воспоминаниях о развитии моего ума и характера».

То обстоятельство, что Дарвин сразу же оборвал работу над «Воспоминаниями» о раннем детстве, свидетельствует не только о крайней занятости его. Несомненно, 1837—1842 годы были в жизни Ч. Дарвина временем исключительной активности и многообразной научно-литературной деятельности, оставлявшей ему мало досуга. Можно думать, однако, что главной причиной прекращения этой работы послужило другое: вероятно, приступив к описанию своей жизни и своего духовного развития в 1838 г., Дарвин уже очень скоро понял, что в возрасте двадцати девяти лет делать это преждевременно. Но самую мысль о составлении в том или ином отдаленном будущем автобиографических «Воспоминаний» он не оставил, и быть может именно этим объясняется тот факт, что в том же 1838 г. он приступил к составлению «Дневника» своей жизни и работы, того «Дневника», который только сейчас впервые увидит свет — в переводе на русский язык — в настоящей книге. Вероятно, Дарвин вместо составления «Воспоминаний» решил ограничиться «Дневником», который когда-нибудь впоследствии послужит ему хронологической канвой и основной памяткой при составлении «Воспоминаний». Проявляя, как и всегда в своей работе, чрезвычайную методичность, Дарвин не прекращал в течение всей жизни из года в год аккуратно заполнять столбцы своего «Дневника» то более, то менее подробно. Начав его в 1838 г. и кратко записав главные события своей жизни до 1837 г., он сделал последнюю запись в «Дневнике» 13—20 декабря 1881 г., за четыре месяца до смерти. Несомненно, «Дневник» был использован Дарвином в 1876 г., когда он впервые написал основной текст «Воспоминаний», и затем в 1878—1879 и в 1881 гг., когда им были написаны главные крупные вставки и дополнения к «Воспоминаниям».

Задача настоящей статьи — обратить внимание читателей на те наиболее существенные новые данные, которые можно извлечь из публикуемых в этой книге двух документов Ч. Дарвина — «Воспоминаний» и «Дневника» — для характеристики его мировоззрения и его личности. В первую очередь мы остановимся на данных, позволяющих уяснить отношение Дарвина

к религии. Мы частично используем для этого весь раздел «Воспоминаний», названный Дарвином «Религиозные взгляды», поскольку раздел этот даже в опубликованном ранее сокращенном виде мало известен широким кругам советских читателей, но будем особо отмечать те отрывки раздела о религии, которые до настоящего времени остаются неопубликованными на английском языке.

Дарвин начинает эту часть своих «Воспоминаний» заявлением, что в течение двух лет его холостой жизни в Лондоне, с 7 марта 1837 г. до 29 января 1939 г., ему «пришлось много размышлять о религии» (см. ниже стр. 98). В «Дневнике» мы находим за указанный период времени только одну запись, позволяющую уточнить то время, когда Дарвин «много размышлял о религии»: это было «в течение всего сентября» и «в начале октября» 1838 г. Возможно, впрочем, что записи в «Дневнике» от 23 июня и 1 августа того же года, в которых говорится о «метафизических изысканиях» и «метафизических вопросах», также относятся к размышлениям о религии. Так или иначе, но можно с несомненностью установить, что период особенно интенсивных размышлений Дарвина над вопросами религии приходится на то время, когда он закончил уже свою «Первую записную книжку по вопросу о трансмутации видов», которую, как известно, он вел с июля 1837 г. до февраля 1838 г. Если же учесть слова Дарвина в «Воспоминаниях» о том, что он много размышлял о религии с начала марта 1837 г., то становится ясным, что размышления эти стояли в тесной, непосредственной связи с размышлениями его над вопросами о происхождении многообразия и целесообразности органического мира. Иными словами, с самого начала своей работы над теорией эволюции, — это следует подчеркнуть, — Дарвин, отказавшись от креационизма — учения о неизменности организмов, их первозданном многообразии и изначальной целесообразности, понял, что он тем самым поставлен в необходимость решительно порвать и с какими бы то ни было религиозными верованиями.

Следует, впрочем, отметить, что уже с юных лет Дарвин относился к религии в достаточной мере формально.

«Воспоминания о развитии моего ума и характера»
Первая страница рукописи Ч. Дарвина (1876 г.)

Из «Автобиографии» Дарвина хорошо известен его рассказ о том, как по настоянию своего отца, доктора Роберта Дарвина, Чарлз перешел в возрасте девятнадцати лет из Эдинбургского в Кембриджский университет для подготовки в священники. Это предложение было сделано Чарлзу отцом по той причине, что после двух лет пребывания на медицинском факультете Эдинбургского университета Чарлзу стало ясно, что карьера врача его не привлекает. Он просил у отца разрешения в течение известного времени обдумать вопрос и, ознакомившись с некоторыми богословскими сочинениями, пришел к выводу, что у него нет возражений против карьеры священника, тем более что у него, как он говорит в «Автобиографии», «не было в то время ни малейшего сомнения в буквальной истинности каждого слова Библии». Поэтому, заключает Дарвин, «я очень скоро убедил себя в том, что наше вероучение [т. е. англиканское исповедание] необходимо считать полностью приемлемым».

Весь этот рассказ Дарвина принимает, однако, существенно иной характер в свете имеющихся в «Воспоминаниях», но отсутствующих в «Автобиографии» двух фраз, которые следуют непосредственно за только что приведенными. В этих двух фразах Дарвин говорит следующее: «Меня, однако, поражало, насколько нелогично говорить, что я верю в то, чего я не могу понять и что фактически вообще не поддается пониманию. Я мог бы с полной правдивостью сказать, что у меня не было никакого желания оспаривать ту или иную религиозную догму, но никогда не был я таким дураком, чтобы чувствовать или говорить: «Credo quia incredibile» [т.е. «Верую, потому что это невероятно»].

Ясно, таким образом, что и «веру» Дарвина в «буквальную истинность каждого слова Библии» и «полное принятие» им англиканского исповедания надо принимать с серьезными оговорками. По существу мы имеем дело с безразличным отношением к вопросам религии, с известного рода религиозным индифферентизмом юного Дарвина или с такого рода пассивностью, когда готов принять известное положение, хотя активно, своим разумом и волей, его и не поддерживаешь. Для Дарвина, как и для его отца, который, как мы увидим дальше, также был,

по свидетельству самого Чарлза, человеком неверующим, выбор карьеры священника был вопросом выбора профессии, а не вопросом тех или иных убеждений. В те времена в Англии карьеры врача и священника (особенно сельского священника) были очень широко распространены среди интеллигенции. Карьера сельского священника тем более улыбалась Дарвину, что она оставляла достаточно досуга, позволявшего заниматься наукой — изучением природы, археологии, истории своего прихода и т. п. Дарвин знал много примеров этого рода, да и среди крупных естествоиспытателей — учителей Дарвина в Эдинбурге и (позже) в Кембридже — было немало «преподобных».

Путешествие на много лет отвлекло Дарвина от вопроса о подыскании для себя какого-либо сельского прихода, как это сделали многие из его товарищей по Кембриджскому колледжу Христа, которые, как и он, увлекались естествознанием. После путешествия он быстро стал известным и признанным геологом и зоологом, и мысль о карьере священника как-то сама собой отпала не только у Дарвина, но и у всех членов его семьи, включая отца. Однако теперь вопрос о религии встал перед Дарвином уже по существу, а не формально, поскольку он всем ходом своих научных исследований был приведен к необходимости признать историческое развитие органического мира, т. е. учение, в корне противоречившее всякой религиозной концепции как концепции метафизической. До нас, к сожалению, не дошла «Записная книжка, относящаяся к метафизическим изысканиям», которую Дарвин начал вести, как он говорит в своем «Дневнике» (см. ниже стр. 163), в Шрусбери во второй половине июля 1838 года. В «Воспоминаниях» же, в 1876 г., он говорит, что его отход от религии в 30-х годах начался в форме критико-скептического отношения к книгам Старого и Нового завета, т. е. к Библии и Евангелию.

В «Жизни и письмах» (L.L., т. I, стр. 308) фраза о Ветхом завете в результате значительных сокращений почти утратила сходство с оригиналом и имеет следующий вид: «Я постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий завет заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов». В действи-

тельности же, в рукописи «Воспоминаний» Дарвина, фраза эта выглядит так: «Я постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий завет — с его до очевидности ложной историей мира, с его вавилонской башней, радугой в качестве знамения завета и с его приписыванием богу чувств мстительного тирана — заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов или верования какого-нибудь дикаря». Таким образом, в 1836—1838 гг. у Дарвина, как мы видим, уже не только не было веры «в буквальную истинность каждого слова Библии», а, наоборот, развилось отчетливое понимание того, что библейские рассказы — не более, чем литературно оформленные мифы древнейшей, первобытной религии, аналогичные мифам древних индусов и верованиям первобытных народов.

Точно так же, постепенно, хотя и значительно медленнее и преодолевая известное внутреннее сопротивление, Дарвин (начиная приблизительно с того же 1838 г.) «перестал верить в христианство как божественное откровение». Примечательно и здесь одно место, опущенное в L.L. Дарвин говорит, что, став «совершенно неверующим», он уже не мог понять людей, которые, осознав противоречивость и невероятность евангельских рассказов, тем не менее испытывают желание получить доказательства того, что христианство является «истинным учением». Если, говорит Дарвин, это учение истинно, то «незамысловатый текст Евангелия показывает, по-видимому, что люди неверующие — а в их число надо было бы включить моего отца, моего брата и всех моих лучших друзей — эсхатологически [т. е. в силу возмездия при «вечном суде»] потерпят наказание». И выражая свое глубокое презрение и отвращение к подобного рода «истинной религии», Дарвин восклицает: «Это учение отвратительно»!

Приведенное место «Воспоминаний» представляет исключительно большой интерес прежде всего как прямое, непосредственное свидетельство Дарвина о том, что не только он сам, но и его отец, старший брат и ближайшие друзья, т. е. такие люди, как Лайелль, Гукер, Гёксли, были людьми неверующими. Во-вторых, интересно сопоставить это место с дальнейшими

высказываниями Дарвина и его ссылкой на то, что работы Тэйлора и Спенсера позволяют проследить возникновение первобытных религиозных верований. Из этого сопоставления следует, что Дарвин отчетливо представлял себе существование генетической связи между так называемыми «высшими религиями», с одной стороны, и верованиями первобытного человека — с другой, между идеей возмездия во время «вечного суда» в «конце мира», с одной стороны, и страхом дикаря перед «таинственными силами» и его стремлением умилостивить эти силы при помощи различных жертвоприношений, вплоть до человеческих, — с другой.

Мстящий и карающий бог, бог, сеющий в мире бесконечные страдания ни в чем неповинных живых существ, вряд ли соответствует представлению о всемогущем, всезнающем и всеблагом существе, каким рисуют бога различные религии. Некоторые религиозные мыслители, говорит Дарвин, доказывали, «будто страдание служит нравственному совершенствованию человека. Но число людей в мире ничтожно по сравнению с числом всех других чувствующих существ, а им часто приходится очень тяжело страдать без какого бы то ни было отношения к вопросу о нравственном совершенствовании... предположение, что благожелательность бога не безгранична, отталкивает наше сознание, ибо какое преимущество могли бы представлять страдания миллионов низших животных на протяжении почти бесконечного времени? Этот весьма древний довод против существования некой разумной Первопричины, основанный на наличии в мире страдания, кажется мне очень сильным, между тем как это наличие большого количества страданий... прекрасно согласуется с той точкой зрения, согласно которой все органические существа развились путем изменения и естественного отбора». Этот пример наглядно показывает, что для Дарвина научное, эволюционное объяснение таких биологических явлений, как наличие неизбежных страданий животных в борьбе за существование или целесообразность в строении и жизнедеятельности растений и животных, было прямой антитезой объяснения религиозного, телеологического, метафизического.

Разобрав несколько других доводов в пользу существования бога и показав их несостоятельность, Дарвин заключает свое рассуждение указанием на то, что в течение довольно долгого времени наиболее убедительным казался ему довод, заключающийся, как он говорит, в «крайней трудности или даже невозможности представить себе эту необъятную и чудесную вселенную, включая сюда человека с его способностью заглядывать далеко в прошлое и будущее, как результат слепого случая или необходимости». Эта мысль и вынуждала его, по его словам, признать существование Первопричины, которая «обладает интеллектом, в какой-то степени аналогичным разуму человека», в силу чего он и склонен был называть себя «теистом». Но далее, рассмотрев ряд аргументов и против этого довода, он добавляет: «Насколько я в состоянии вспомнить, это умозаключение сильно владело мною приблизительно в то время, когда я писал «Происхождение видов», но именно с этого времени его значение для меня начало, крайне медленно и не без многих колебаний, все более и более ослабевать».

Это было, следовательно, в 1858—1859 гг. Много позже, 3 июля 1881 г., Дарвин писал У. Греэму, возражая против его доказательств существования бога: «Главный пункт заключается в том, будто существование так называемых естественных законов подразумевает цель. Я этого не вижу. Не будем говорить о том, что когда-нибудь, как надеются многие, будет показано, что различные великие законы являются неизбежным следствием одного единственного закона. Но если даже взять законы природы такими, какими мы знаем их ныне, то я не могу, например, усмотреть необходимости в какой-то особой цели в отношении луны, где вполне имеют силу закон тяготения и, без всякого сомнения, закон сохранения энергии, законы атомной теории и пр. и пр.» (L. L., т. I, стр. 315).

В заключительной части раздела о религии в «Воспоминаниях» (части, остававшейся неопубликованной) Дарвин ставит следующий вопрос: если человек раз и навсегда отказался от «твердой и никогда не покидающей его веры в существование личного бога и в будущую жизнь», то что́ же может заменить

ему эту утраченную им веру? Дарвин считает, что единственным достойным ответом на этот вопрос может быть только следующий: «...человек может предвидеть и оглядываться назад и сравнивать различные свои чувства, желания и воспоминания. И вот, в согласии с суждением всех мудрейших людей, он обнаруживает, что получает наивысшее удовлетворение, если следует определенным импульсам, а именно — социальным инстинктам, которые побуждают его действовать на благо других людей. Он будет в таком случае получать одобрение со стороны своих ближних и приобретать любовь тех, с кем он живет, а это последнее и есть, несомненно, наивысшее наслаждение, какое мы можем получить на нашей Земле. Постепенно для него будет становиться невыносимым охотнее повиноваться своим дурным страстям, нежели своим высшим импульсам...» и даже в тех случаях, когда он будет чувствовать необходимость «действовать вразрез с мнением других людей, чье одобрение он в таком случае не заслужит, он все же будет испытывать полное удовлетворение от сознания, что он следовал своему глубочайшему убеждению или совести».

Если оставить в стороне несколько отвлеченный характер этих высказываний, в которых Дарвин не учитывает конкретных, исторически складывающихся общественно-экономических условий жизни, в основном определяющих поведение людей, если, далее, не придавать особого значения таким не вполне точным терминам Дарвина, как «социальные инстинкты», то в целом надо признать, что в приведенных словах с большой силой встает пред нами образ Дарвина-гуманиста. И необходимо согласиться, что проповедуемая Дарвином гуманность, основанная не на религии, не на вере в бога, а на высшем социальном стремлении действовать на благо других людей стоит неизмеримо выше «добродетели» религиозных людей, творящих добро во имя веры или «из страха божия».

Для нас совершенно очевидно теперь, что Дарвин был атеистом. Сам он, однако, называл себя «агностиком». В этом, несомненно, сказывалось желание Дарвина отдать дань своей семье и своему классу. Он и сам признавал это. В письме

к К. Марксу от 13 октября 1880 г. он говорит: «Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю (правильно или неправильно, все равно), что прямые доводы против христианства и теизма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мысли приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки... Впрочем, возможно, что тут на меня повлияла больше, чем следует, мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию» («Под знаменем марксизма», 1931, № 1/2, стр. 203). Эта позиция Дарвина вполне соответствует тому агностицизму немецких неокантианцев и английских юмистов, известную характеристику которого дал в «Людвиге Фейербахе» Ф. Энгельс, указавший, что агностицизм тех и других «в научном смысле... представляет собою попятное движение, а на практике дает этим стыдливым людям возможность впустить через заднюю дверь тот самый материализм, который изгоняется на глазах публики» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 646, М.—Л., 1931).

Но если круги либеральной английской интеллигенции, к которым принадлежал сам Дарвин, охотно соглашались с тем, что он агностик, а не атеист, ибо чаще всего они и сами занимали аналогичную позицию, то представители реакционного лагеря английской буржуазии более правильно распознали в Дарвине атеиста и материалиста. Не малый интерес представляет в этом отношении письмо Томаса Карлейля, опубликованное в конце 1876 г. в некоторых английских газетах. Занявший после революции 1848 г. крайне реакционные позиции по отношению к чартистскому движению, Карлейль, как и надлежит представителю воинствующей политической реакции, выступил на защиту религии против материализма, атеизма и новейших достижений естествознания. Карлейль был в приятельских отношениях со старшим братом Чарлза Дарвина Эразмом, у которого нередко бывал в гостях, встречаясь здесь иногда и беседуя с Чарлзом Дарвином. Это свое знакомство и беседы он и использовал в указанном выше письме для беззастенчивого выступления про-

тив Дарвинов. Он писал: «Так называемые литературные и научные круги в Англии позволяют в настоящее время протоплазме, происхождению видов и т. п. со священным трепетом убедить себя, что не бог создал вселенную. Я знал три поколения Дарвинов — деда, отца и сына,— все атеисты! Брат современного знаменитого натуралиста... рассказал мне, что в имуществе своего деда [т. е. доктора Эразма Дарвина] он обнаружил печать с выгравированной на ней надписью: «Omnia ex conchis» [т. е. «Всё — из раковин»]. Несколько месяцев назад я видел натуралиста; я сказал ему, что читал его «Происхождение видов» и другие сочинения и что он никоим образом не убедил меня в том, будто люди произошли от обезьян, но гораздо более преуспел убедить меня, что он и его так называемые научные собратья весьма близко привели современное поколение англичан к обезьянам. Прекрасный человек этот Дарвин и с добрыми намерениями, но с очень слабым интеллектом*. О! Печально и ужасно видеть почти целое поколение мужчин и женщин, претендующих на то, чтобы называться культурными, и смотрящих на все вокруг с тупым видом и не находящих бога в этой вселенной. Я полагаю, что это — реакция против господства ханжества и пустого лицемерия, признававших за веру то, во что в действительности вовсе не верили. И вот чего мы достигли: все произошло из лягушачьей икры, евангелие грязи — порядок дня. Чем более я старею,— а я стою уже на краю вечности,— тем чаще вспоминаю поучение катехизиса, которое я выучил, будучи ребенком, и смысл которого становится для меня всё яснее и глубже: «В чем великая цель человека? Славить господа и вечно радоваться ему!» Никакое евангелие грязи, учащее, что человек произошел от лягушек через обезьян, никогда не сможет оставить эти слова без внимания»**.

---

* Как бы в ответ на это Дарвин следующим образом охарактеризовал Карлейля: «...никогда не встречал я человека, который по складу своего ума был бы в такой степени неспособен к научному исследованию» (см. ниже стр. 122).

** Цит. по книге J. Cook, Biology, Glasgow, 1878, стр. 108—109.— Любопытно отметить «трогательное» совпадение изложенного выступ-

Эта смесь невежества, мракобесия и злобы, это противопоставление религии, слащавых слов катехизиса величайшим открытиям и теориям биологии середины XIX века великолепно иллюстрируют ту общественную обстановку в Англии, в условиях которой Дарвину и его единомышленникам приходилось отстаивать новое учение об историческом развитии растений, животных и человека. Прошло уже 17 лет после выхода в свет «Происхождения видов» и пять лет после публикации «Происхождения человека». Передовая наука всего мира стала под знамя эволюционного учения Дарвина, положившего начало новой эре в истории биологии. А между тем, виднейший английский историк и писатель позволяет себе неприличную выходку по адресу величайшего английского биолога и всей прогрессивной английской биологической науки при молчаливом попустительстве печати, ряд органов которой (газеты «Таймс», «Дейли трибюн») услужливо перепечатали письмо Карлейля. Примечательно, что спустя еще три-четыре года, в 1879—1880 гг., когда против Дарвина выступил с совершенно нелепыми обвинениями Сэмюэл Батлер, повторилась та же история. Надо согласиться с известным учеником Э. Геккеля Эрнстом Краузе, который писал по поводу выступления С. Батлера: вся эта история «ясно показывает, что в Англии под покровом внешней вежливости всё еще тлеет глубокая ненависть к нарушителю квиетизма [т. е. к Дарвину], ибо многие из газет и журналов Англии не осмелились реагировать на легкомысленные и абсурдные жалобы Батлера, обнаружив таким образом свой истинный образ мыслей»*.

ления английского историка, христианина и реакционера с совершенно аналогичным по своему содержанию, «научному» уровню и тону выступлением нашего отечественного историка, христианина и реакционера М. П. Погодина. Погодин выступил против учения Дарвина за четыре года до Карлейля буквально с теми же «аргументами», какие выдвинул Карлейль. Несомненно, его пасквильная книга («Простая речь о мудреных вещах», 2-е изд., М., 1874) не была переведена на английский язык, иначе можно было бы предположить, что... Карлейль все списал у Погодина!

* E. Krause, C. Darwin und sein Verhältnis zu Deutschland, Лейпциг, 1885, стр. 186.

Всё это вынуждает думать, что высказанный Дарвином в самом конце раздела о религии (в неопубликованной части «Воспоминаний») оптимистический взгляд на якобы большую быстроту, с какой «религиозное неверие, или рационализм», распространилось в Англии в течение второй половины его жизни, был довольно далек от истинного положения вещей. Дарвин судил об этом преимущественно на основании того, что ему приходилось видеть и встречать в кругу своих родичей и знакомых, а это по большей части были люди, являвшиеся, по свидетельству самого Дарвина, атеистами либо же, в худшем случае, прикрывавшие свое неверие внешней церковной обрядностью. Об отношении этих либеральных кругов к религии дает известное представление рассказ Дарвина о видном английском экономисте Чарлзе Баббедже, не включенный Ф. Дарвином в «Автобиографию» и потому остававшийся до настоящего времени неизвестным. Этот рассказ показывает (см. ниже стр. 117), какую глубокую ненависть питал Баббедж к ханжеской набожности и к национальному шовинизму, который он называл «патриотизмом». Для советского читателя рассказ этот представит тем больший интерес, что К. Маркс в «Капитале» часто ссылается на данные известного труда Баббеджа «On the Economy of Machinery».

Знакомство с изложенными данными не оставляет, как нам кажется, и тени сомнения в том, что Чарлз Дарвин был атеистом. Оговорки, которые мы кое-где встречаем в печатных высказываниях Дарвина, и его заявления о том, что сам он считает себя агностиком, являлись для него, с одной стороны, лишь прикрытием от нападок церковных противников эволюционного учения, с другой — средством продвижения его идей в широкие круги читателей, которых он боялся сразу же отпугнуть прямыми атеистическими декларациями. Первых, как хорошо известно, это не остановило, и они безошибочно распознали в Дарвине материалиста и атеиста. Вспомним приведенное выше выступление Карлейля, речь епископа Уилберфорса на съезде Британской ассоциации в Оксфорде в 1860 г., получившую знаменитый отпор со стороны Гексли, многочисленные злобные

рецензии на «Происхождение видов» и «Происхождение человека», написанные церковниками и их реакционными сторонниками, которых Дарвин называл «черными бестиями». В отношении вторых поведение Дарвина, возможно, и имело известный тактический смысл, тем более, что и в собственной семье он встречал некоторое давление со стороны самого близкого ему человека — своей жены, которая была верующей англиканкой. Этим, можно думать, объясняется и включение в известную заключительную фразу второго издания «Происхождения видов» слова «Творец», которое отсутствовало в первом издании.

Однако это слово, как и другие подобные маскировочные слова и выражения Дарвина, не могло ввести в заблуждение тех, кто внимательно изучал труды и учение Дарвина, с очевидностью свидетельствующие о его материализме и атеизме. Остававшиеся до сих пор неизвестными тексты «Воспоминаний» Дарвина дают совершенно недвусмысленное документальное подтверждение полной правоты всех тех авторов, которые настаивали на том, что Дарвина должно рассматривать как безусловного атеиста, а не как агностика, сознательно оставлявшего в системе своих воззрений место для таинственной «первопричины», т. е. для бога. Тем более неправы те реакционные ученые, — а их было немало, особенно во второй половине прошлого века, — которые доказывали, будто Дарвин не видел противоречия между эволюционным учением и верой в бога. Даже в наши дни всё еще находятся в буржуазных странах, и прежде всего в Америке и Англии, авторы, пытающиеся доказать полную совместимость эволюционного учения с религией. Правда, почти как правило, эти авторы отвергают единственное подлинно материалистическое эволюционное учение — теорию естественного отбора Дарвина. Именно это проповедует, например, в своей книге «Органическая эволюция в историческом аспекте» («Historical aspects of organic evolution»), вышедшей в Лондоне в 1952 г., преподаватель ботаники Дургамского университета Ф. Фозергилл (Ph. G. Fothergill), и его полностью поддерживает в этом Дж. Гаррисон, снабдивший его книгу предисловием. Нет никакого сомнения, что именно

против такого рода религиозных ханжей своего времени Дарвин направил иронический рассказ о некой престарелой миссис Барло, которая пыталась обратить его отца в «истинную веру» словами: «Доктор! Я знаю, что сахар сладок во рту у меня, и я так же знаю, что мой Спаситель существует». «Science has nothing to do with Christ» [«Науке нечего делать с Христом»], — сурово отвечал Дарвин ученым ревнителям религии и церкви (L. L., т. I, стр. 307).

* * *

Характеристики некоторых английских ученых, писателей и мыслителей, не включенные Френсисом Дарвином в известный текст «Автобиографии», представляют двойной интерес: они дают в очень сжатой, но подчас замечательно острой и меткой форме правдивые образы ряда видных деятелей Англии 50—80-х годов прошлого века и вместе с тем характеризуют самого Чарлза Дарвина. В высшей степени примечательными являются характеристики геологов Бекленда, Мурчисона и Лайелля, ботаников Броуна и Гукера, зоологов Оуэна и Гёксли и др., в большинстве своем совершенно новые и часто неожиданные. Выраженные в этих характеристиках симпатии и антипатии Дарвина вполне соответствуют сложившемуся в нашем представлении образу его — несколько застенчивого, скромного в оценке самого себя, бескорыстно преданного науке человека, для которого единственно важным и ценным в научном исследовании было стремление раскрыть объективные законы природы. Дарвин придавал поэтому исключительно большое значение таким качествам ученого, как чувство скромности, отсутствие тщеславия и необузданного стремления к славе; он не любил проявлений научной скаредности, зависти к собрату по науке, хвастовства своими достижениями и т. п., — словом, всего того, что не только не имеет прямого отношения к научному исследованию, но мешает ученому, отвлекает его от искреннего, неподдельного интереса к науке.

Вот несколько примеров его характеристик ученых. С явной неприязнью он отмечает, что для геолога Бекленда стимулом, побуждавшим его заниматься научным исследованием,

«была скорее страсть к славе, которая по временам заставляла его действовать подобно шуту, нежели любовь к науке»; в знаменитом геологе Мурчисоне ему казались смехотворными крайние проявления тщеславия, хвастовства и афиширование благосклонного отношения к нему со стороны императора Николая I; он с сожалением вынужден признать, что Ричард Оуэн стал его «злейшим врагом... из зависти к успеху» «Происхождения видов», и должен согласиться с Фоконером, который «был убежден, что Оуэн не только честолюбив, крайне завистлив и высокомерен, но и неправдив и недобросовестен». Глубоко симпатизируя знаменитому ботанику Роберту Броуну, он с сожалением отмечает проявление у него непозволительной научной скаредности,— Броун отказался одолжить Гукеру свой гербарий растений с Огненной Земли, «хотя отлично знал, что сам он никогда не займется обработкой» этой своей коллекции. Даже в бесконечно дорогом ему Чарлзе Лайелле, которого он почитал и всем сердцем любил как своего великого учителя и друга, он все же указывает на черту, крайне ему несимпатичную, на то, что Лайелль, очень любил бывать в обществе «лиц высокого положения» и проявлял «чрезмерно большое преклонение перед положением, которое человек занимает в свете».

В противоположность этому он с чувством уважения и глубокой симпатии говорит о крайней скромности и застенчивости знаменитого астронома Джона Гершеля, о внимательности к собеседнику Маколея (в противоположность Боклю и Карлейлю, которые в обществе говорили только сами, никого не слушая и некому не давая и слова промолвить), о простоте и отсутствии какой-либо претенциозности у знаменитого историка Древней Греции Грота. С большой теплотой и любовью написаны Дарвином характеристики Роберта Броуна и особенно трех его ближайших друзей и соратников Лайелля, Гукера и Гёксли; он указывает на их выдающиеся способности, глубокий ум, необычайно обширные знания, на их энергию, искреннюю любовь к науке, веру в прогресс человечества, на благородство характера, прямоту, честность во взглядах, убеждениях и т. д.

Исключительно интересна та оценка Спенсера, которую мы находим в «Воспоминаниях» Дарвина. Дарвин говорит, что чтение произведений Спенсера обычно вызывало у него «восторженное восхищение перед его необыкновенными талантами». «И тем не менее,— говорит он дальше,— у меня нет такого чувства, что я извлек из сочинений Спенсера какую-либо пользу для моих собственных трудов». Причину этого Дарвин усматривал в том, что принятый Спенсером метод трактовки любого вопроса прямо противоположен методу,— в основном индуктивному методу,— применяемому Дарвином. Дарвину был глубоко чужд метод построения дедуктивных обобщений, под которые затем насильственно подгоняется разнообразный обширный фактический материал. Ставя перед собою какой-нибудь вопрос, он начинал затем тщательнейшим образом, кропотливо и всесторонне исследовать весь возможный фактический материал. И только длительный, тщательный и непредвзятый анализ всего собранного материала приводил его к тому или иному обобщению, которое затем подвергалось проверке путем анализа всех видимо противоречивших этому обобщению данных. Это был метод подлинного естествоиспытателя. Вот почему Дарвин и говорит: «Его [Спенсера] дедуктивный метод... совершенно противоположен строю моего ума, и прочитав какое-либо из его рассуждений, я снова и снова говорил самому себе: «Да ведь это было бы превосходным объектом на десяток лет работы».

Свою характеристику Спенсера Дарвин заканчивает следующими замечательными словами: «Должен сказать, что его [Спенсера] фундаментальные обобщения (которые некоторыми лицами сравнивались по их значению с законами Ньютона!), быть может, и представляют большую ценность с философской точки зрения, но по своему характеру не кажутся мне имеющими сколько-нибудь серьезное научное значение. Характер их таков, что они напоминают скорее простые определения, нежели формулировки законов природы. Они не могут оказать никакой помощи в предсказании того, что должно произойти в том или ином частном случае. Как бы то ни было, но мне они не принесли

никакой пользы». Эти слова показывают, насколько далеко стихийный материализм Дарвина увел его от простой созерцательности в ту эпоху, когда в биологических науках еще господствовали идеализм и метафизический материализм. В каждом теоретическом обобщении Дарвин ценил не «простые определения», а «формулировки законов природы», позволяющие предвидеть, предсказывать то, что «должно произойти в том или ином частном случае».

В построении своей эволюционной теории Дарвин впервые в истории биологии исходил из практики, положив в основу своего учения данные сельскохозяйственного опыта в выведении новых пород животных и новых сортов растений. Революционный переворот, произведенный Дарвином в мировоззрении людей, разрушение его учением теолого-телеологических метафизических представлений о происхождении и развитии органического мира уже сами по себе явились в эпоху Дарвина, да и много позже, важнейшим научным актом, получившим и широкий практический отклик, ибо учение Дарвина изменило весь ход развития биологических наук и оказало мощное воздействие на сельскохозяйственные и медицинские науки. Подлинное отношение Дарвина к Спенсеру только теперь впервые становится нам известным, и надо признать, что отношение это вполне отражает всю глубину различия между действенным материалистическим эволюционизмом Дарвина и созерцательным метафизическим эволюционизмом Спенсера. Еще в 1859 г. Дарвин писал на заключительных страницах своего «Происхождения видов»: «Возрастет в громадной степени значение изучения наших домашних пород. Новая разновидность, выведенная человеком, представится более любопытным и важным предметом изучения, чем добавление еще одного вида к бесконечному числу уже занесённых в списки»*. Это было написано почти сто лет назад, в эпоху, когда не только биологи, растениеводы и животноводы, но даже ученый, одновременно с Дарвином раскрывший закон естественного отбора, А. Р. Уоллес,

* Ч. Дарвин, Сочинения, т. 3, стр. 664, изд. АН СССР, 1939.

были бесконечно далеки даже от простого понимания связи между вопросами биологической теории и сельскохозяйственной практики.

* * *

В «Дневнике» Дарвина имеется следующая любопытная запись, сделанная Дарвином в самом конце 1839 г.: «Во время моего пребывания в Мэре немного читал, был очень нездоров и скандально бездельничал. В результате я весьма основательно понял, что нет ничего более невыносимого, чем безделие». И надо признать, что вся жизнь Дарвина является одним из самых ярких примеров огромного, упорного и систематического труда. Известно, что с 1842 г. Дарвин переселился из Лондона в деревню Даун с целью прежде всего возможно более изолировать себя от городских условий, мешающих систематической работе. С 1846 г. он применил новую форму ведения своего личного «Дневника»: он делил каждую страницу на две колонки, занося в левую колонку преимущественно данные о ходе своей работы, а в правую — главным образом данные о различных поездках: на курорты, к родственникам и друзьям, в Лондон и другие города с научными целями, на научные съезды и пр. Отмечая в «Дневнике» с большой аккуратностью сроки начала и окончания каждой из своих больших работ, а также время, отнятое у него поездками и болезнями (а Дарвин, как хорошо известно, почти всю свою жизнь тяжело болел), Дарвин в момент выхода в свет той или иной из своих работ подсчитывал время, затраченное на данную работу. При этом он с сокрушением отмечал, сколько времени было потеряно им из-за болезней и отъездов из дому.

Эта своеобразная бухгалтерия, которую Дарвин не прекращал вести до года смерти, показывает, с каким огромным чувством ответственности перед наукой относился Дарвин к своему труду. Он уже в молодые годы, по возвращении из путешествия, как бы наметил себе программу научной деятельности на всю жизнь и стремился, не теряя ни одного дня, выполнить эту программу. И за шесть лет до смерти, в 1876 г., он вправе был написать в своих «Воспоминаниях»: «Я думаю, что поступал

правильно, неуклонно занимаясь наукой и посвятив ей всю свою жизнь». С крайней скромностью оценивая свои дарования, он думал, что все его достижения — лишь результат упорного систематического труда. Он отрицательно относился к возвеличению роли выдающихся личностей. Реакционные идеи Карлейля о «сильной личности», «герое», «вожде», якобы призванных творить историю народов, вызывали в нем протест. Что же касается науки, то вот что он писал по этому поводу в 1881 г. в уже цитированном выше письме к Греэму: «Думаю, что я мог бы привести убедительные возражения против исключительно важной роли, которую вы приписываете нашим величайшим людям; я привык придавать весьма большое значение, по крайней мере в области науки, людям второго, третьего и четвертого ранга». (L. L., т. I, стр. 316).

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗВИТИИ МОЕГО УМА И ХАРАКТЕРА

(Автобиография)

1876—1881

—

CHARLES DARWIN

RECOLLECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF MY MIND AND CHARACTER

(Autobiography)

1876—1881

ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗВИТИИ МОЕГО УМА И ХАРАКТЕРА [АВТОБИОГРАФИЯ][1]

31 мая 1876 г. *Ч. Дарвин*

Содержание:[2]

Со времени моего рождения до поступления в Кембридж. — Жизнь в Кембридже. — Путешествие на «Бигле». — Со времени возвращения на родину до моей женитьбы. — Религиозные взгляды. — Со времени моей женитьбы и жизни в Лондоне до нашего переселения в Даун. — Жизнь в Дауне. — Описание того, как возникли мои различные книги. — Оценка моих умственных способностей.

СО ВРЕМЕНИ МОЕГО РОЖДЕНИЯ ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В КЕМБРИДЖ

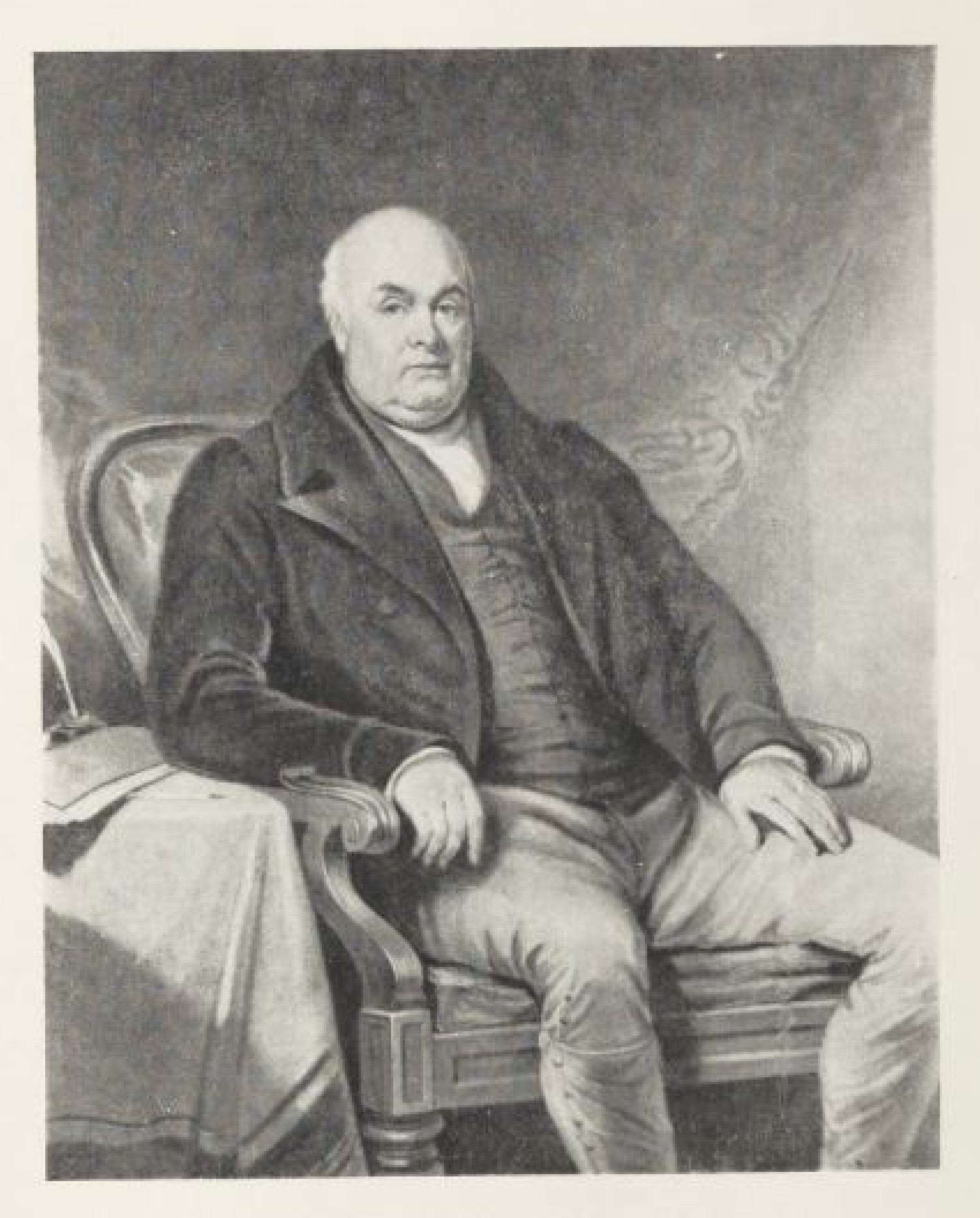
Когда один немецкий издатель обратился ко мне с просьбой рассказать о развитии моего ума и характера и дать краткий очерк моей автобиографии, я подумал, что такая попытка развлечет меня и, быть может, представит интерес для моих детей или внуков. Знаю, что мне самому было бы очень интересно прочитать даже самый краткий и скучный очерк о складе ума моего деда[3], написанный им самим,— о чем он думал, что делал и как работал. Нижеследующий рассказ о самом себе я старался написать так, словно бы меня уже не было в живых и я оглядывался бы на свою жизнь из другого мира. И не скажу, чтобы это было для меня трудно, ибо жизнь моя почти закончена. О стиле изложения я совершенно не заботился.

Я родился в Шрусбери [4] 12 февраля 1809 г. Мне приходилось слышать от отца[5], что, по его мнению, люди с сильной

памятью обычно обладают воспоминаниями, уходящими далеко назад, к очень раннему периоду их жизни. Не так обстоит дело со мною, ибо самое раннее мое воспоминание относится лишь к тому времени, когда мне было четыре года и несколько месяцев, — мы отправились тогда на морские купанья близ Абергела[6], и я помню, хотя и очень смутно, некоторые события и места, связанные с пребыванием там[7].

Моя мать умерла в июле 1817 г., когда мне было немногим более восьми лет, и странно, что я почти ничего не могу вспомнить о ней, кроме кровати, на которой она умерла, ее черного бархатного платья и ее рабочего столика какого-то необычайного устройства. Думаю, что это забвение моих воспоминаний о ней возникло отчасти благодаря моим сестрам, которые были так глубоко опечалены ее смертью, что никогда не могли говорить о ней или упоминать ее имя, а отчасти — из-за болезненного состояния, в котором она находилась перед смертью. Весною того же года меня отдали в школу для приходящих учеников в Шрусбери, в которой я пробыл в течение одного года[8]. До того, как я начал ходить в школу, со мной занималась моя сестра Каролина, но я сомневаюсь в том, шли ли эти занятия успешно. Мне рассказывали, что я проявлял в учении гораздо меньше сообразительности, чем моя младшая сестра Кэтрин, и мне думается, что во многих отношениях я не был послушным мальчиком. Каролина была в высшей степени добра, способна и усердна, но она проявляла слишком большое усердие в стремлении исправить меня, ибо, несмотря на то, что прошло так много лет, я и сейчас отчетливо помню, как, входя в комнату, где она находилась, я говорил себе: «А за что она сейчас начнет порицать меня?» И я упрямо решал отнестись с полным безразличием ко всему, что́ бы она ни сказала.

К тому времени, когда я стал посещать школу для приходящих учеников, у меня уже отчетливо развился вкус к естественной истории и особенно к собиранию коллекций. Я пытался выяснить названия растений[9] и собирал всевозможные предметы: раковины, печати, франки[10], монеты и минералы. Страсть к коллекционированию, приводящая человека к тому,



Д-р Роберт Уоринг Дарвин,
отец Ч. Дарвина



Сусанна Дарвин (Веджвуд),
мать Ч. Дарвина



«Маунт»
Дом д-ра Роберта Дарвина в Шрусбери, где родился Ч. Дарвин

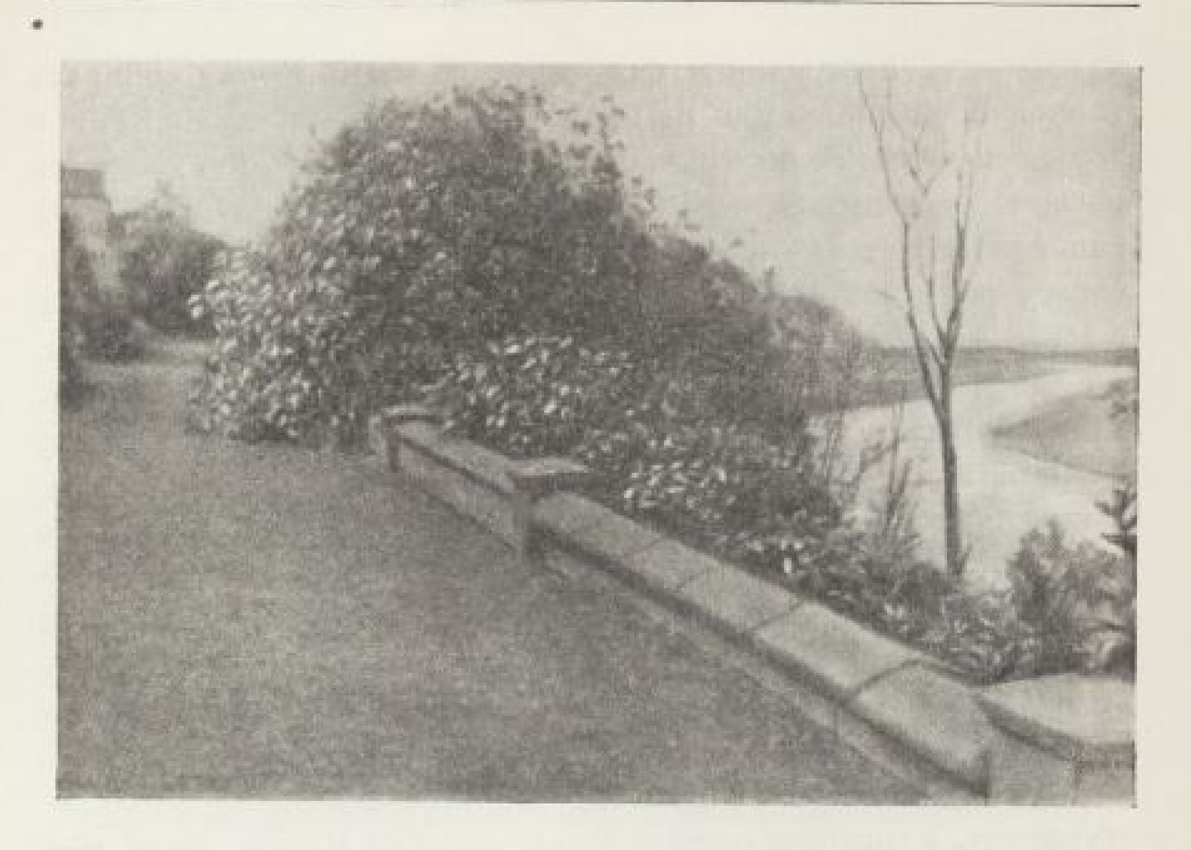
что он становится настоящим натуралистом, ценителем произведений искусства или скупцом, была во мне очень сильной и, несомненно, врожденной, так как ни мои сестры, ни мой брат никогда не имели этой склонности.

Одно небольшое событие этого года прочно запечатлелось в моей памяти; запомнилось оно так сильно, полагаю, потому, что впоследствии тяжко мучило мою совесть. Событие это любопытно в том отношении, что, как оно показывает, в этом раннем возрасте меня, по-видимому, интересовала изменчивость растений! Я сказал одному маленькому мальчику (кажется, это был Лейтон, ставший впоследствии известным лихенологом и ботаником), что могу выращивать полиантусы и примулы различной окраски, поливая их теми или иными цветными жидкостями,— это была, конечно, чудовищная выдумка, я никогда даже не пытался сделать что-либо подобное. Могу здесь признаться также, что в детстве я нередко сочинял заведомый вздор и притом всегда только для того, чтобы

вызвать удивление окружающих. Однажды, например, я сорвал с деревьев, принадлежавших моему отцу, много превосходных фруктов, спрятал их в кустах, а затем сломя голову побежал распространять новость о том, что я обнаружил склад краденых фруктов [11].

Около этого времени, а быть может, в несколько более раннем возрасте, я крал по временам фрукты с целью самому полакомиться ими, и один из примененных мною способов не лишен был изобретательности. Огород, который вечером запирали на замок, был окружен высокой стеной, но по соседним деревьям я легко взбирался на гребень стены. Затем, в отверстии на дне достаточно вместительного цветочного горшка я укреплял длинную палку и тащил горшок кверху, подводя его к готовым упасть персикам и сливам, которые и попадали в горшок, и таким образом желанная добыча была обеспечена. Помню, будучи еще очень маленьким мальчиком, я воровал яблоки в саду, чтобы снабжать ими нескольких мальчиков и молодых людей, живших в коттедже неподалеку, но прежде чем отдать им краденые плоды, я хвастливо показывал им, как быстро я умею бегать, и как это ни удивительно, я совершенно не понимал того, что изумление и восторг по поводу моей способности быстро бегать они выказывали с той только целью, чтобы получить яблоки. Но я хорошо помню, в какое восхищение приводило меня их заявление, что они никогда не видели мальчика, который бы так быстро бегал!

Я был, должно быть, маленьким простаком, когда начал учиться в школе. Один мальчик по фамилии Гарнетт повел меня однажды в кондитерскую и купил там несколько пирожных, за которые не заплатил, так как пользовался кредитом у лавочника. Когда мы вышли оттуда, я спросил его, почему он не заплатил за пирожные, на что он без промедления ответил: «Да разве ты не знаешь, что мой дядя завещал городу большую сумму денег с условием, что все торговцы должны безвозмездно отпускать все, чего ни потребуют, каждому, кто явится в старой дядиной шляпе и повернет ее особым образом?» и он показал мне, как следует ее поворачивать. Затем он зашел в



«Маунт»
Вид на реку Северн с садовой площадки перед домом

другую лавку, где ему отпускали в кредит, спросил какую-то мелочь, поворачивая при этом надлежащим образом свою шляпу, и, конечно, получил требуемое без денег. Когда мы вышли из этой лавки, он сказал: «Знаешь, если ты хочешь без меня зайти вот в эту кондитерскую (как хорошо помню я место, где она находилась!), я одолжу тебе мою шляпу, и ты сможешь получить все, что захочешь, стоит лишь тебе должным образом повернуть шляпу на голове». Я с радостью принял великодушное предложение, вошел в кондитерскую, спросил несколько пирожных, повернул старую шляпу и направился к выходу, как вдруг хозяин лавки помчался за мной. Я бросил пирожные, пустился наутек и, к своему удивлению, был встречен взрывами хохота моего вероломного друга Гарнетта.

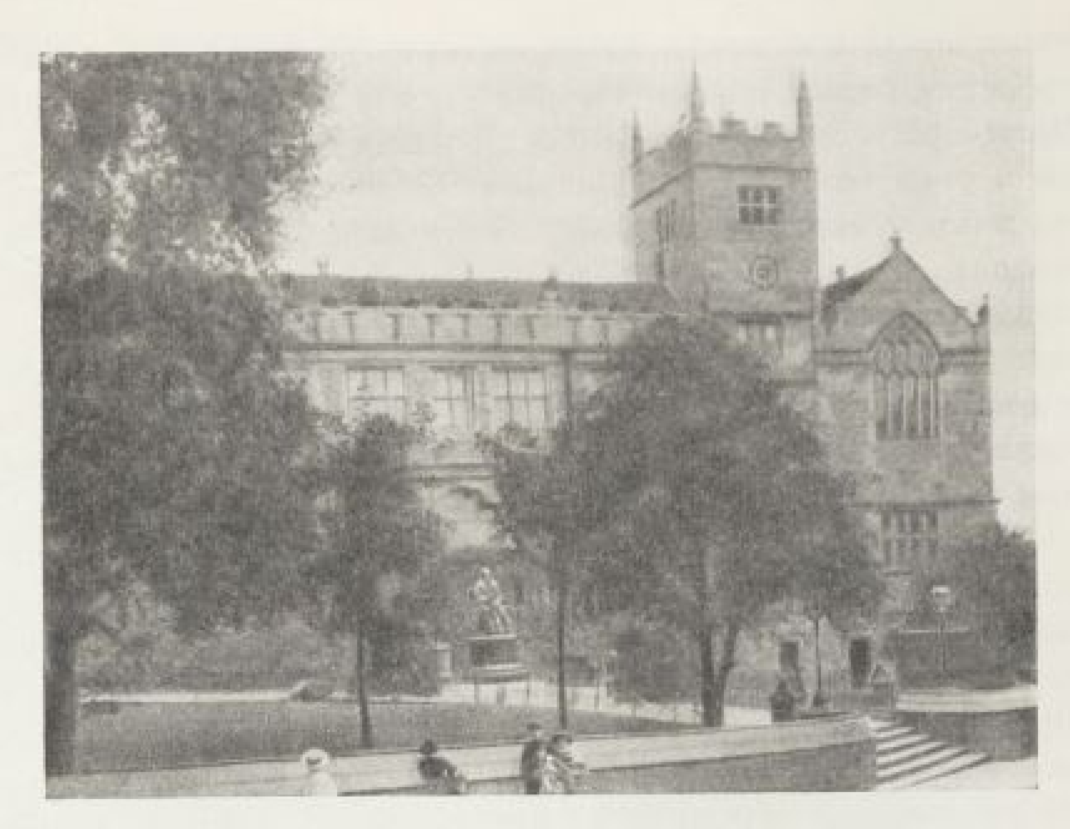
В похвалу себе могу сказать, что я был гуманным мальчиком, но этим я целиком обязан наставлению и примеру моих сестер, ибо я сомневаюсь в том, является ли гуманность

природным, врожденным качеством. Я очень любил собирать птичьи яйца, но никогда не брал из гнезда более одного яйца, и только в одном единственном случае я взял все яйца, да и то не из-за их ценности, а из какого-то хвастовства. У меня была сильная страсть к ужению рыбы, и я часами просиживал на берегу реки или пруда, следя за поплавком; как-то, находясь в Мэре[12], я узнал, что червей можно умерщвлять соленой водой, и с тех пор я никогда не насаживал на крючок живого червяка, хотя, вероятно, это в некоторой мере уменьшало мой улов.

Однажды, когда я был очень маленьким, во время пребывания в школе для приходящих учеников или и еще раньше, я совершил жестокий поступок, побив щенка, думаю, только из удовольствия, которое доставляло мне чувство собственной власти; но побил я его, должно быть, не очень больно, потому что щенок не визжал, в чем я уверен, так как это было совсем близко от дома. Поступок этот тяжело угнетал меня, — это ясно из того, что я точно помню место, где было совершено преступление. Угрызение совести было для меня, должно быть, тем более тяжким, что и тогда и долгое время после того любовь моя к собакам была настоящей страстью. По-видимому, собаки чувствовали это, потому что я умел отвоевывать их любовь у их хозяев.

Отчетливо помню только еще одно событие, относящееся к году моего пребывания в школе м-ра Кейса для приходящих учеников: похороны солдата-драгуна. Удивительно, как ясно я еще и сейчас представляю себе лошадь, к седлу которой были подвешены пустые сапоги и карабин драгуна, и стрельбу над могилой. Эта картина глубоко взволновала поэтическое воображение, каким только я обладал в то время[13].

Летом 1818 г. я поступил в большую школу д-ра Батлера в Шрусбери, в которой пробыл семь лет, до середины лета 1825 г., когда мне исполнилось шестнадцать лет. Я пользовался школьным пансионом и обладал, таким образом, великим преимуществом вести образ жизни настоящего школьника; но так как расстояние между школой и моим домом составляло едва ли более одной мили, то я довольно часто бегал домой в более длинные промежутки между перекличками, а



Школа д-ра Батлера в Шрусбери, в которой учился Ч. Дарвин. Перед зданием школы, в котором в настоящее время находится Шрусберийская библиотека, поставлен памятник Дарвину

также и перед тем, как школу запирали на ночь. Думаю, что во многих отношениях это было мне на пользу, потому что я сохранил таким образом привязанность и интерес к родному дому. Помню, что в самом начале моей школьной жизни мне часто приходилось бегать очень быстро, чтобы поспеть на место во-время, и так как я был отличным бегуном, то обычно это мне удавалось; но когда меня охватывало сомнение, я вполне серьезно молил бога, чтобы он помог мне, и хорошо помню, что свой успех я приписывал молитвам, а не быстрому бегу, и изумлялся тому, как часто бог оказывает мне помощь.

Отец и старшая сестра рассказывали мне, что я очень любил, когда был совсем маленьким мальчиком, подолгу гулять в одиночестве; не знаю, однако, о чем именно я размышлял во время этих прогулок. Часто я совершенно погружался

в свои мысли и однажды, возвращаясь в школу по пешеходной тропинке, проложенной поверху старых укреплений вокруг Шрусбери и огороженной только с одной стороны, я оступился и упал со стэны, высота которой не превышала, правда, семи или восьми футов. Тем не менее количество мыслей, успевших промелькнуть у меня в голове за время этого очень короткого, но внезапного и совершенно неожиданного падения, было изумительным, а это, по-видимому, несовместимо с доказанным как мне, кажется, физиологами положением, о том, что для каждой мысли требуется вполне измеримый промежуток времени [13a].

Ничто не могло бы оказать худшего влияния на развитие моего ума, чем школа д-ра Батлера, так как она была строго классической, — кроме древних языков, в ней преподавались в небольшом объеме еще только древние география и история. Школа как средство образования была для меня просто пустым местом. В течение всей своей жизни я был на редкость неспособен овладеть каким-либо [иностранным] языком. Особое внимание уделялось составлению стихов, а это мне никогда не удавалось. У меня было много друзей, и я собрал хорошую коллекцию старых стихов, комбинируя которые, иногда с помощью других мальчиков, я мог подогнать их к любой теме. Много внимания уделялось заучиванию наизусть вчерашних уроков. Это давалось мне очень легко, и я заучивал по сорока-пятидесяти строк из Вергилия или Гомера во время утренней службы в церкви; эти упражнения, однако, были совершенно бесполезны, так как через сорок восемь часов все стихи до единого забывались. Я не был лентяем и, если не считать сочинения стихов, на совесть трудился над своими классиками, не пользуясь подстрочниками. Единственное удовольствие, которое мне когда-либо удалось извлечь из этих занятий, были некоторые оды Горация, которыми я по-настоящему восхищался. Когда я кончал школу, я не был для моих лет ни очень хорошим, ни плохим учеником; кажется, все мои учителя и отец считали меня весьма заурядным мальчиком, стоявшим в интеллектуальном отношении, пожалуй, даже ниже среднего

уровня. Я был глубоко огорчен, когда однажды мой отец сказал мне: «Ты ни о чем не думаешь, кроме охоты, собак и ловли крыс; ты опозоришь себя и всю нашу семью!» Но отец мой, добрейший в мире человек, память о котором мне бесконечно дорога, говоря это, был, вероятно, сердит на меня и не совсем справедлив.

* * *

Я могу добавить здесь несколько страниц о моем отце, который во многих отношениях был замечательным человеком.

Высокий — около 6 футов и 2 дюймов ростом, — он был широк в плечах и весьма тучен; более крупного человека я никогда не встречал. Когда он в последний раз взвешивался, вес его составлял 24 стона [152 кг], но после того он еще много прибавил в весе. Главными чертами его характера были большая наблюдательность и очень сочувственное отношение к людям; я не знаю никого, кто обладал бы этими качествами в большей мере, чем он, или хотя бы в такой же мере. Он сочувственно относился не только к чужим несчастьям, но и в еще большей степени — к радостям всех окружающих его людей. Именно поэтому он всегда старался придумать, каким способом доставить удовольствие другим, и — хотя терпеть не мог расточительности — часто совершал великодушные поступки. Однажды, например, к нему пришел м-р Б., мелкий фабрикант в Шрусбери, и сказал, что ему [м-ру Б.] грозит банкротство, если он не сможет немедленно одолжить у кого-либо 10 000 фунтов; он не в состоянии представить гарантии, имеющей юридическую силу, но может привести ряд доводов, доказывающих, что в конце концов он вернет свой долг. Отец выслушал его и, обладая способностью интуитивно понимать характер людей, почувствовал уверенность в том, что на этого человека можно положиться. Хотя требуемая сумма была очень велика для отца в те годы (он был тогда еще молод), он дал ее взаймы и через некоторое время получил свои деньги обратно.

Его отзывчивость и была, я думаю, причиной того, что он умел завоевывать безграничное доверие и вследствие этого поль-

зовался большим успехом как врач. Он начал практиковать, когда ему не было еще двадцати одного года, но уже в течение первого же года его заработков хватало на то, чтобы оплачивать содержание двух лошадей и слуги. На втором году практика его была огромна и на таком уровне она удерживалась около шестидесяти лет, после чего он прекратил врачебную деятельность. Его огромный успех как врача был тем более поразителен, что сначала, как он рассказывал мне, он до такой степени ненавидел свою профессию, что если бы мог рассчитывать на самые жалкие средства или если бы его отец предоставил ему хоть какой-нибудь выбор, ничто не заставило бы его заняться ею. В последние годы жизни даже самая мысль об операции вызывала у него отвращение, и он почти не выносил вида кровоточащего человека; этот страх был передан им и мне, и я помню, с каким ужасом читал я в школьные годы о том, как Плиний (кажется, это был он) истек кровью в теплой ванне[14].

Отец рассказывал мне о двух давнишних случаях, связанных с кровотечением. Один из них произошел с ним, когда, будучи очень молодым человеком, он стал масоном. Его приятель-масон, притворяясь, будто он понятия не имеет о том сильном волнении, которое вызывает у отца вид крови, сказал ему, когда они направлялись на собрание [масонской ложи], с вполне серьезным видом: «Я полагаю, что вас не обеспокоит потеря нескольких капель крови?» Когда отца принимали в члены [ложи], ему завязали глаза и отвернули вверх рукава пиджака. Не знаю, совершается ли и сейчас подобная церемония. Отец упоминал об этом случае, как о превосходном примере силы воображения, ибо он отчетливо чувствовал, как кровь тонкой струйкой стекала по его руке, и едва мог поверить своим глазам, когда затем не мог обнаружить на руке даже следа укола. — Известный лондонский мясник, работавший на бойнях, пришел однажды за советом к моему деду, и в это время к тому [в кабинет] внесли другого тяжело больного человека; мой дед решил тут же сделать ему кровопускание с помощью присутствовавшего здесь лекаря. Мяс-



Ч. Дарвин и его сестра Кэтрин
Акварель 1816 г.

ника попросили держать руку больного, но он извинился и вышел из комнаты. Впоследствии он объяснил моему деду, что хотя он своими собственными руками убил больше, как он полагает, животных, чем кто-либо другой в Лондоне, однако,— как бы это ни казалось странным,— он несомненно лишился бы чувств при виде крови пациента.

Способность отца внушать доверие побуждала многих его пациентов, особенно дам, советоваться с ним о всяческих своих бедах словно с каким-нибудь духовником. Он говорил мне, что они всегда начинают с неопределенных жалоб на свое здоровье, но опыт позволял ему очень быстро догадываться, о чем в действительности идет речь. Тогда он внушал им, что болезнь их воображаемая, после чего они изливали пред ним все свои жизненные печали и уже больше ничего не говорили о своих телесных недугах. Обычным объектом жалоб были семейные ссоры. Если к нему обращались мужья с жалобами на своих жен и ссора казалась серьезной, мой отец рекомендовал им (и его совет всегда достигал цели, если только муж следовал ему буквально, что бывало не во всех случаях) поступать следующим образом. Муж должен был сказать своей жене: он очень огорчен тем, что их совместная жизнь не идет счастливо; он уверен, что она [жена] была бы счастливее, если бы они жили раздельно; он ни в малейшей степени не считает ее в чем-либо виноватой (вот этот пункт муж чаще всего отказывался принять); он не будет выражать упреков по ее адресу никому из ее родственников или друзей; и, наконец, он готов выделить ей настолько большую часть своих средств, насколько это в его возможностях. Затем он должен был попросить ее обдумать это предложение. Так как придраться было не к чему, ее раздражение проходило, и вскоре она вынуждена была понять, в каком неудобном положении она оказалась: она не могла противопоставить никаких обвинений, а развод был предложен не ею, а мужем. Как правило, дама начинала умолять своего мужа не настаивать на разводе и в дальнейшем обычно вела себя гораздо лучше. Благодаря искусству отца завоевывать доверие, ему приходилось выслушивать немало

необычных признаний о несчастиях и виновности. Не раз отец говорил, что знал много несчастных жен. В иных случаях мужья и жены прекрасно жили друг с другом двадцать-тридцать лет, а затем начинали жестоко ненавидеть друг друга: отец объяснял это тем, что, когда их дети вырастали, родители теряли то общее, что прежде связывало их.

Но самой замечательной способностью отца было его умение определять характер и даже читать в мыслях людей, с которыми он сталкивался хотя бы на короткое время. Мы знали много примеров этой его способности, и некоторые из них казались почти сверхъестественными. Эта способность всегда спасала моего отца (за единственным исключением, но и в этом случае характер того человека был вскоре разоблачен) от дружбы с недостойными людьми. В Шрусбери приехал какой-то неизвестный священник, производивший впечатление богатого человека; все наносили ему визиты, и он был приглашен во многие дома. Отец также нанес ему визит, но, вернувшись домой, сказал сестрам, чтобы они ни в коем случае не приглашали ни его, ни членов его семьи к нам в дом, так как убежден, что этому человеку нельзя доверять. Через несколько месяцев священник неожиданно исчез, оказавшись кругом в долгах, и выяснилось, что он мало чем отличается от самого обыкновенного мошенника. А вот пример доверия, пойти на которое рискнули бы очень немногие. Однажды к отцу пришел какой-то совершенно незнакомый ему джентльмен, ирландец, и сказал, что он потерял кошелек и что для него было бы большим неудобством дожидаться в Шрусбери перевода из Ирландии. Он просил отца одолжить ему 20 фунтов, и отец тотчас же сделал это, так как был уверен, что рассказ не вымышлен. Как только наступил срок, необходимый для того, чтобы письмо из Ирландии могло дойти до Шрусбери, письмо действительно было получено; с самыми пространными выражениями благодарности ирландец писал, что прилагает к письму кредитный билет Английского банка в 20 фунтов, однако никакого кредитного билета в письме не было. Я спросил отца, не был ли он ошеломлен этим, но он ответил: «Ни в малейшей степени!».

И действительно, на другой день от ирландца было получено второе письмо, в котором он всячески просил извинить его за то, что он позабыл (как и подобает истинному ирландцу) вложить кредитный билет в письмо, посланное накануне.— Один родственник моего отца просил у него совета относительно своего сына, который был необычайно ленивым и не хотел приняться ни за какое дело. Отец сказал: «Полагаю, что ленивый молодой человек надеется на то, что я завещаю ему большую сумму денег. Скажите ему, что я не оставлю ему ни одного пенни и что я сам заявил вам об этом». Отец юноши со стыдом признался, что эта нелепая мысль действительно овладела его сыном, и спросил отца, каким образом он мог догадаться о ней, но отец ответил, что и сам совершенно не знает этого.

Граф... привел к отцу своего племянника душевнобольного, но очень спокойного поведения; болезнь молодого человека состояла в том, что он сам обвинял себя во всех преступлениях, какие только бывают под небесами. Беседуя впоследствии о больном с его дядей, отец сказал: «Я уверен, что ваш племянник действительно виновен... в отвратительном преступлении». И тогда граф воскликнул: «Господи боже, доктор Дарвин, кто сказал вам об этом? Мы думали, что кроме нас ни одна душа об этом не знает!». Отец рассказал мне эту историю через много лет после того, как она произошла, и я спросил его, как отличил он правду от ложных самообвинений; он ответил мне, что не в состоянии объяснить это,— ответ очень характерный для моего отца.

Нижеследующая история показывает, как тонко отец умел строить догадки. Лорд Шелборн, впоследствии первый маркиз Лансдаун, славился (как отмечает где-то Маколей) своим знанием европейских дел и очень гордился этим. Он обращался к отцу за медицинскими советами и не раз беседовал с ним о положении дел в Голландии. Отец изучал медицину в Лейдене; однажды он предпринял длительную прогулку по Голландии совместно с одним приятелем, который пригласил его зайти к знакомому священнику (будем называть его преподобный м-р А., так как я забыл его фамилию), женатому на англи-

чанке. Отец был очень голоден, а на завтрак почти ничего не было кроме сыра, которого он вообще не ел. Это удивило и огорчило престарелую леди, и она стала уверять отца, что сыр великолепный, его прислали ей из Бовуда, имения лорда Шелборна. Отца удивило, почему бы это ей присылали сыр из Бовуда, но он больше никогда не думал об этом, пока рассказанный эпизод не вспыхнул вдруг в его памяти много лет спустя, когда лорд Шелборн вел разговор о Голландии. И отец сказал: «Насколько я знал преподобного м-ра А., думаю, что это был очень способный человек, хорошо осведомленный о положении дел в Голландии». Отец заметил, как поразили эти слова лорда, который немедленно перевел разговор на другую тему.

На следующий день утром отец получил записку от лорда, в которой тот писал, что отложил намеченную поездку и очень хотел бы повидать отца. Когда отец пришел к нему, лорд сказал: «Доктор Дарвин, и мне и преподобному м-ру А. чрезвычайно важно знать, каким образом вы раскрыли, что он является источником моих сведений о Голландии». Отцу пришлось объяснить в чем дело, и лорд Шелборн, как полагал отец, был чрезвычайно поражен тем дипломатическим искусством, с которым отец проверял свои догадки, потому что на протяжении многих лет после того он получал от лорда много любезных посланий через различных друзей. Думаю, что лорд рассказывал эту историю своим детям, потому что много лет назад сэр Ч. Лайелль спросил меня, почему маркиз Лансдаун (сын или внук первого маркиза) проявляет столь большой интерес ко мне, которого он никогда не видел, и к моей семье. Когда в клуб «Атеней» избирали сорок новых членов (сорок «воров», как их тогда называли), многие стремились попасть в число их, и хотя я никого об этом не просил, лорд Лансдаун предложил мою кандидатуру и добился моего избрания. Если я не ошибаюсь в своем предположении, то по странной связи событий то обстоятельство, что мой отец полвека назад не стал есть сыра в Голландии, привело к избранию меня в члены клуба «Атеней» [15].

В молодости отец составлял иногда короткие записи о некоторых примечательных событиях и разговорах и хранил эти записи в особом конверте.

Острая наблюдательность позволяла отцу с замечательным искусством предсказывать течение любой болезни, и он до мельчайших подробностей разрабатывал способы лечения ее. Мне рассказывали, что один молодой врач в Шрусбери, не любивший моего отца, постоянно говорил, будто применяемые им методы лечения совершенно ненаучны, но признавал, что его способность предсказывать исход болезни не имеет равной себе. Сначала, пока отец думал, что я стану врачом, он много рассказывал мне о своих пациентах. В прежние времена в качестве универсального метода лечения применялось обильное кровопускание, но мой отец утверждал, что оно приносит гораздо больше вреда, чем пользы; он советовал мне, если когда-нибудь я сам заболею, не разрешать ни одному врачу пускать мне кровь в количестве, превышающем самую малую дозу. Задолго до того, как брюшной тиф был признан особой болезнью, отец говорил мне, что под названием тифозной лихорадки смешивают два совершенно различных рода заболевания[15a]. Страстный враг пьянства, он был убежден, что в подавляющем большинстве случаев систематическое потребление алкоголя, хотя бы и в умеренных количествах, приносит вред как непосредственный, так и передающийся по наследству. Однако он допускал и приводил отдельные случаи, когда определенные лица могли в течение всей своей жизни пить много без каких-либо видимых дурных последствий для здоровья, и полагал, что часто можно наперед сказать, кому это не принесет вреда. Сам он никогда в рот не брал ни капли какого бы то ни было алкогольного напитка. Последнее мое замечание напомнило мне об одном случае, показывающем, какую грубую ошибку может допустить свидетель даже при самых благоприятных обстоятельствах. Отец настойчиво убеждал одного джентльмена, фермера, не пить и, чтобы поощрить его, сказал, что сам он никогда не прикасается ни к чему спиртному. На это джентльмен возразил: «Э, нет, доктор, этот номер не пройдет!

Хотя и очень любезно с вашей стороны, что вы говорите так для моей пользы, но я-то ведь знаю, что каждый вечер после обеда вы выпиваете большой стакан горячего джина с водой»[16]. Отец, конечно, спросил его, откуда он это знает, на что тот ответил: «Моя кухарка два или три года служила у вас помощницей поварихи и видела, как ваш лакей ежедневно готовил и относил вам джин и воду». Дело в том, что у отца была странная привычка пить после обеда горячую воду из очень высокого и объемистого стакана; лакей обыкновенно наливал в стакан сначала немного холодной воды, которую девушка и приняла за джин, а затем наполнял стакан кипятком из кухонного кипятильника.

Отец часто делился со мной множеством мелких наблюдений из своей медицинской практики, знание которых казалось ему полезным. Так, дамы часто горько плакали, рассказывая ему о своих тревогах, и это отнимало у него много драгоценного времени. Вскоре он заметил, что если просить их взять себя в руки и успокоиться, то это всегда заставляет их плакать еще сильнее; поэтому в дальнейшем он всегда давал им поплакать, говоря, что слезы принесут им большее облегчение, чем что-либо другое, — и неизменно в результате этого они быстро переставали плакать и он получал возможность выслушать то, что они имели сказать ему, и дать им совет. Если тяжело больные пациенты страстно стремились получить какую-либо странную и противоестественную пищу, отец спрашивал их, откуда у них такая мысль; если они говорили, что сами не знают, он разрешал им попробовать эту пищу и часто достигал успеха, так как полагался на то, что больным свойственны своего рода инстинктивные желания; но если они отвечали, что слыхали, будто данная пища помогла кому-то другому, он наотрез отказывался разрешить пользование ею.

Однажды отец привел любопытный маленький случай, характеризующий человеческую натуру. Когда он был совсем еще молодым человеком, его пригласили к одному джентльмену, занимавшему видное положение в Шропшире, на консультацию с семейным врачом. Старый врач сказал жене [этого

джентльмена], что, судя по характеру заболевания, исход должен быть фатальным. Отец держался иного взгляда и утверждал, что джентльмен выздоровеет. Выяснилось (вероятно, после вскрытия трупа), что отец был во всех отношениях неправ, и он признал свою ошибку. Он был, конечно, убежден, что никогда больше эта семья не будет обращаться к нему за советами; однако через несколько месяцев вдова прислала за ним, дав отставку старому семейному врачу. Это так удивило отца, что он попросил одного знакомого вдовы разузнать, почему она вновь обращается к нему за советом. Вдова ответила этому знакомому, что «она не хочет больше видеть этого противного старого доктора, который с первого же разу сказал, что муж ее умрет, тогда как доктор Дарвин все время утверждал, что тот поправится!» — В другом случае отец сказал жене больного, что муж ее непременно умрет. Через несколько месяцев он встретил вдову [этого человека], очень здравомыслящую женщину, и она сказала ему: «Вы еще очень молоды и позвольте мне посоветовать вам, всегда, пока это возможно, оставлять надежду близким родственникам, ухаживающим за больным. Вы привели меня в отчаяние, и с той минуты я потеряла силы». Отец говорил, что с тех пор он нередко считал наиболее важным поддерживать в интересах пациента надежду, а вместе с ней и бодрость у тех, кто за ним ухаживает. Иногда ему бывало трудно совместить это с правдой. Однако один старый джентльмен, м-р Пемтертон, избавил его от подобного затруднения. М-р П. пригласил его к себе и сказал: «На основании всего, что я сам видел и что слыхал о вас, думаю, что вы принадлежите к числу правдивых людей и что поэтому в случае, если я спрошу у вас об этом, вы прямо скажете мне, что я близок к смерти. Мне очень хотелось бы, чтобы вы лечили меня, но только при том условии, если вы пообещаете, что̀ бы я ни говорил, всегда утверждать, что я не умираю». Отец, хотя и неохотно, согласился, но на том условии, что слова больного действительно не будут иметь никакого значения.

У отца была необычайная память, особенно на даты, и он помнил, даже в глубокой старости, дни рождений, бракосочетаний и смерти огромного множества жителей Шропшира. Однажды он сказал мне, что эта его способность раздражает его, ибо раз услыхав какую-нибудь дату, он не может забыть ее, и поэтому ему часто вспоминается смерть многих его друзей. Благодаря такой сильной памяти он знал очень много любопытных историй, которые любил рассказывать, так как был вообще охотник поговорить. Обычно он бывал в хорошем настроении, любил посмеяться и шутил с каждым — часто со своими слугами — совершенно непринужденно, и вместе с тем он обладал искусством заставлять каждого в точности повиноваться его указаниям. Многие очень боялись его. Вспоминаю, как однажды отец со смехом рассказал нам, что уже несколько человек спрашивали его, не приходила ли к нему мисс Пипотт — одна важная старая леди в Шропшире; когда, наконец, он пожелал узнать, почему его спрашивают об этом, ему сказали, что мисс Пипотт, которую отец чем-то смертельно обидел, заявляла всем и каждому, что она явится к «этому старому жирному доктору и выложит ему без обиняков все, что она о нем думает». И она действительно побывала у отца, но храбрость изменила ей, и трудно было бы представить себе более вежливую и дружескую манеру поведения.— Мальчиком я как-то гостил в доме майора Б., жена которого была душевнобольной; каждый раз, как эта несчастная встречалась со мной, она впадала в состояние самого отчаянного страха, какой мне когда-либо приходилось видеть; она горько плакала и всё снова и снова спрашивала меня «Приедет ли твой отец?», но вскоре затем успокаивалась. Вернувшись домой, я спросил отца, почему она так напугана, и он ответил, что очень рад слышать это, так как намеренно запугал ее: он был уверен, что ее можно содержать в безопасности и в состоянии гораздо лучшего самочувствия, не лишая ее свободы, если ее супруг, как только она будет впадать в буйное состояние, сможет воздействовать на нее угрозой послать за доктором Дарвином; и на протяжении всей ее дальнейшей долгой жизни слова эти действовали безотказно.

Отец был очень чувствительным человеком, вследствие чего его крайне раздражали и мучили многие незначительные обстоятельства. Однажды, когда он был уже стар и не мог ходить, я спросил его, почему бы ему не покататься немного для моциона; он ответил мне: «Каждая поездка за пределы Шрусбери вызывает в моей памяти какое-нибудь событие, причинившее мне боль». И всё же по большей части он бывал в хорошем настроении. Его легко было рассердить, но так как доброта его не знала границ, его любили очень многие и любили от всей души.

Он был осторожен в делах и умел хорошо вести их,— вряд ли когда-нибудь он потерял деньги, вложив их в какие-либо акции, и он оставил своим детям очень большое состояние. Помню одну историю, которая показывает, как легко возникают и распространяются самые вздорные слухи. М-р Э., помещик, принадлежавший к одной из самых старинных шропширских фамилий и состоявший главным компаньоном одного банка, покончил жизнь самоубийством. Для соблюдения формальностей послали за отцом, которому пришлось установить факт смерти. Для характеристики того, как велись в старину дела, упомяну мимоходом, что так как м-р Э. был весьма видным человеком и пользовался всеобщим уважением, никакого дознания в отношении трупа не было произведено. Вернувшись в Шрусбери, отец счел необходимым заехать в банк (где у него был счет), чтобы сообщить о случившемся руководителям банка, так как было весьма вероятно, что это самоубийство вызовет наплыв вкладчиков [желающих изъять свои деньги]. И вот, широко распространился слух, будто отец явился в банк, забрал все свои деньги, вышел из банка, затем вернулся и сказал: «Могу совершенно точно сообщить вам, что м-р Э. покончил с собой», после чего удалился. В те времена было, кажется, распространено поверье, будто деньги, изъятые из банка, оказываются в безопасности только тогда, когда владелец их перешагнет через порог банка. В течение некоторого времени отец ничего не знал об этой истории, пока однажды заведующий банком не сказал ему, что отступил от

своего неизменного правила — никогда никому не показывать чужих счетов — и показал нескольким вкладчикам книгу, в которой был занесен счет отца, чтобы доказать, что отец не изъял в тот день ни одного пенни. Было бы бесчестно со стороны отца воспользоваться сведениями, которые ему раскрывала его профессия, для своей личной выгоды. Тем не менее некоторые лица были в большом восхищении от мнимого поступка отца, и много лет спустя один джентльмен сказал отцу: «Ах, доктор, каким блестящим человеком дела оказались вы, когда так умно изъяли все свои деньги целыми и невредимыми из того банка!».

Отец не обладал научным складом ума и не пытался обобщать свои знания под углом зрения общих законов. Более того, он создавал особую теорию почти для каждого встречавшегося ему случая. Не думаю, что я много получил от него в интеллектуальном отношении, но в моральном отношении пример его должен был оказать большую пользу всем его детям. Одним из его золотых правил (хотя соблюдать это правило было не легко) было следующее: «Никогда не вступай в дружбу с человеком, которого ты не можешь уважать».

Об отце моего отца — авторе «Ботанического сада» и других сочинений — я привел все факты, которые мне удалось собрать, в опубликованном мною жизнеописании его [17].

Рассказав так много о своем отце, я хочу добавить лишь несколько слов о моем брате и сестрах. Мой брат Эразм [18] обладал замечательно ясным умом, и у него были широкие и разнообразные интересы и знания в литературе, искусстве и даже в естественных науках. В течение короткого времени он увлекался коллекционированием и гербаризацией растений и несколько дольше — химическими экспериментами. Он был очень приятен в обращении, а его остроумие часто напоминало мне остроумие писем и произведений Чарлза Лэмба [19]. Он был очень добросердечен, с самого детства он был слаб здоровьем, вследствие чего был мало энергичен. Он не отличался веселостью, и часто, особенно в начале и в середине его зрелых лет, у него бывало плохое настроение. Он много читал, даже

в детстве, и в наши школьные годы побуждал меня к чтению, давая мне книги. Однако по складу ума и интересам мы были так непохожи друг на друга, что, как мне кажется, в интеллектуальном отношении я мало чем обязан ему, как и моим четырем сестрам, черты характера которых были весьма различны и — у некоторых из них — очень своеобразны. В течение всей своей жизни все они были исключительно добры и нежны по отношению ко мне. Я склонен согласиться с Френсисом Гальтоном, который полагает, что воспитание и окружающая обстановка оказывают только небольшое влияние на характер человека и что в большинстве своем качества наши — врожденные. Приведенный выше очерк характера моего брата был написан мною до того, как Карлейль дал его характеристику в своих «Воспоминаниях»; мне кажется, что эта характеристика мало соответствует истине и не представляет никакой ценности [20].

* * *

Восстанавливая в памяти,— насколько я в состоянии сделать это,— черты моего характера в школьные годы, я нахожу, что единственными моими качествами, которые уже в то время подавали надежду на что-либо хорошее в будущем, были сильно выраженные и разнообразные вкусы, большое усердие в осуществлении того, что интересовало меня, и острое чувство удовольствия, которое я испытывал, когда мне становились понятными какие-либо сложные вопросы или предметы. С Эвклидом меня познакомил частный учитель, и я прекрасно помню то глубокое удовлетворение, которое доставили мне ясные геометрические доказательства. Так же отчетливо помню я, какое наслаждение мне доставил мой дядя (отец Френсиса Гальтона) [21], объяснив мне устройство нониуса в барометре. Что касается различных вкусов, не имеющих отношения к науке, то я любил читать разнообразные книги и часами просиживал за чтением исторических драм Шекспира, причем обычно я располагался в глубокой амбразуре окна старинного здания школы. Читал я также произведения и других поэтов — «Времена года» Томсона [22] и только-что опубликованные тогда

поэмы Байрона и Вальтер Скотта. Упоминаю об этом потому, что в позднейшие годы моей жизни я, к великому сожалению, совершенно утратил вкус ко всякой поэзии, включая и Шекспира. Говоря об удовольствии, которое доставляла мне поэзия, могу прибавить, что в 1822 г., во время поездки верхом по окраинам Уэльса, во мне впервые пробудилась способность наслаждаться картинами природы, и эта способность сохранилась во мне дольше, чем способность к какому-либо другому эстетическому наслаждению.

В ранние годы школьной жизни я зачитывался принадлежавшей одному моему товарищу книгой «Чудеса мироздания» [«The Wonders of the World»][22a] и обсуждал со своими друзьями достоверность различных сведений, содержавшихся в этой книге; думаю, что она-то впервые и заронила во мне желание совершить путешествие в дальние страны, что в конце концов и осуществилось благодаря моему плаванию на «Бигле». В конце пребывания в школе я стал страстным любителем ружейной охоты, и мне кажется, что едва ли кто-нибудь проявил столько рвения к самому святому делу, сколько я — к стрельбе по птицам. Хорошо помню, как я застрелил первого бекаса, — возбуждение мое было так велико, руки мои так сильно дрожали, что я едва в состоянии был перезарядить ружье. Эта страсть продолжалась долго, и я стал отличным стрелком.

Во время пребывания в Кембридже я упражнялся в меткости, вскидывая ружье к плечу перед зеркалом, чтобы видеть правильно ли я прицелился. Другой и притом лучший прием состоял в том, что, наложив на боёк ударника пистон, я стрелял в зажженную свечу, которой размахивал товарищ; если прицел был взят верно, то легкое колебание воздуха гасило свечу. Взрыв пистонов сопровождался сильным треском, и мне передавали, что наставник колледжа как-то заметил по этому поводу: «Что за странное дело! Похоже на то, что мистер Дарвин целыми часами щелкает бичом у себя в комнате; я часто слышу щелканье, когда прохожу под его окнами».

Среди товарищей по школе у меня было много друзей, которых я горячо любил, и я думаю, что мои привязанности были тогда очень сильными. Некоторые из этих мальчиков были довольно способными, но — согласно принципу «noscitur a socio» [23] — должен добавить, что ни один из них не стал впоследствии сколько-нибудь выдающимся человеком.

Что касается моих научных интересов, то я продолжал с большим усердием коллекционировать минералы, но делал это совершенно ненаучно, — вся моя забота сводилась только к отыскиванию минералов с новыми названиями, но едва ли я пытался классифицировать их. С некоторым вниманием я, вероятно, наблюдал насекомых, ибо, когда в десятилетнем возрасте (1819) я провел три недели на взморье в Плейс-Эдвардсе, в Уэльсе [24], я был сильно заинтересован и поражен, обнаружив какое-то крупное чернокрасного цвета полужесткокрылое насекомое, много бабочек [из рода] Zygaena и какую-то Cicindela [25], какие не водятся в Шропшире. Я почти настроился на то, чтобы собирать всех насекомых, которых мне удастся найти мертвыми, потому что, посоветовавшись с сестрой, пришел к заключению, что нехорошо убивать насекомых только для того, чтобы составить коллекцию их. Прочитав книгу Уайта «Селборн» [26], я стал с большим удовольствием наблюдать за повадками птиц и даже делал заметки о своих наблюдениях. Помню, что в простоте своей я был поражен тем, почему каждый джентльмен не становится орнитологом.

Когда я заканчивал школу, мой брат усердно занялся химией и устроил в саду, в сарае для рабочих инструментов, неплохую лабораторию с соответствующими аппаратами; он позволил мне помогать ему при производстве опытов. Он приготовлял всевозможные газы и многие сложные соединения, и я с интересом прочитал несколько книг по химии, например, «Химический катехизис» Генри и Паркса [27]. Химия сильно заинтересовала меня, и нередко наша работа затягивалась до поздней ночи. Это составило лучшее, что было в образовании, полученном мною в школьные годы, ибо здесь я на практике понял значение экспериментального знания. О том, что мы

занимаемся химией, каким-то образом проведали в школе, и так как факт этот был совершенно беспримерным, меня прозвали «Газ». Однажды директор школы д-р Батлер сделал мне даже выговор при всех за то, что я трачу время на такие бесполезные дела, и совершенно несправедливо назвал меня «poco curante» [«беззаботным»], а так как я не понял, что это значит, то слова эти показались мне ужасным оскорблением.

Так как дальнейшее пребывание в школе было бесполезным для меня, отец благоразумно решил забрать меня оттуда несколько ранее обычного срока и отправил (в октябре 1825 г.) вместе с моим братом в Эдинбургский университет, где я пробыл два учебных года [28]. Мой брат заканчивал изучение медицины, хотя не думаю, чтобы он когда-либо имел действительное намерение заняться практикой, я же был послан туда, чтобы начать изучение ее. Но вскоре после того я пришел — на основании различных мелких фактов — к убеждению, что отец оставит мне состояние, достаточное для безбедной жизни, хотя я никогда даже не представлял себе, что буду таким богатым человеком, каким стал теперь; этой уверенности оказалось, однако, достаточно для того, чтобы погасить во мне сколько-нибудь серьезное усердие к изучению медицины.

Преподавание в Эдинбурге осуществлялось преимущественно лекционным путем, и лекции эти, за исключением лекций Хопа [29] по химии, были невыносимо скучны; по моему мнению, лекции не имеют по сравнению с чтением никаких преимуществ, а во многом уступают ему. Не без ужаса вспоминаю лекции д-ра Дункана по Materia medica [30], которые он читал зимою, начиная с 8 часов утра. Д-р Монро [31] сделал свои лекции по анатомии человека настолько же скучными, насколько скучным был он сам, и я проникся отвращением к этой науке. То обстоятельство, что никто не побудил меня заняться анатомированием, оказалось величайшей бедой в моей жизни, ибо отвращение я бы вскоре преодолел, между тем как занятия эти были бы чрезвычайно полезны для всей моей будущей работы. Эта беда была столь же непоправима, как и отсутствие у меня способности к рисованию. Я регулярно посещал также кли-

нические палаты больницы. Некоторые случаи вызвали у меня тяжелые переживания, иные из них и сейчас еще живо стоят перед моими глазами, но я не был настолько глуп, чтобы из-за этого пропускать занятия. Не могу понять, почему эта часть моего курса медицины не заинтересовала меня сильнее, ибо летом, перед тем, как я отправился в Эдинбург, я начал наносить в Шрусбери визиты некоторым беднякам, леча преимущественно детей и женщин; я составлял по возможности более подробные отчеты о каждом случае с указанием всех симптомов болезни и прочитывал их вслух отцу, который подсказывал мне, какие дальнейшие сведения необходимо собрать и какие лекарства следует прописать; лекарства эти я сам и изготовлял. Однажды у меня было сразу по крайней мере двенадцать пациентов, и я испытывал острый интерес к работе [32]. Мой отец, который — в отношении характера людей — был наилучшим судьей, какого я когда-либо встречал, говорил, что из меня получился бы весьма удачливый врач, разумея под этим такого врача, у которого будет много пациентов. Он утверждал, что главный залог успеха заключается в умении внушать доверие к себе; я не знаю, однако, какие качества он мог усмотреть во мне, которые привели его к убеждению, что я мог бы возбуждать доверие к себе. Два раза я посетил также операционный зал госпитальной больницы в Эдинбурге и присутствовал на двух очень тяжелых операциях, причем во время одной из них оперировали ребенка, но я сбежал, не дождавшись окончания их. Больше никогда уже я не ходил на операции, — вряд ли нашлась бы приманка столь притягательная, чтобы можно было с ее помощью заставить меня сделать это: то было задолго до благословенных дней хлороформа. В течение многих лет эти две операции буквально преследовали меня [33].

Брат мой оставался в университете только в течение одного года, а на второй год я был предоставлен самому себе, и в этом было известное преимущество, ибо я сблизился с несколькими молодыми людьми, интересовавшимися естествознанием. Одним из них был Эйнсуорт, опубликовавший впоследствии

№ 27 Session 1825-6

University of Edinburgh.

Chemistry and Pharmacy

BY

THOS. CHAS. HOPE, M.D & P.

Mr Charles Darwin

UNIVERSITY OF EDINBURGH 1825

LECTURES ON

ANATOMY, PHYSIOLOGY & PATHOLOGY.

BY

ALEXANDER MONRO, M.D.

84

Mr Charles Darwin

Эдинбургские студенческие билеты Ч. Дарвина на право посещения лекций преф. Хопа по химии и фармации и лекций проф. Монро по анатомии, физиологии и патологии



Постоянное студенческое удостоверение Ч. Дарвина на право посещения университетских клиник в Эдинбургском Королевском госпитале

описание своих путешествий по Ассирии; геолог-вернерианец, он обладал кое-какими знаниями о многих вещах, но был человеком поверхностным и весьма бойким на язык. Д-р Колдстрим был молодым человеком совсем другого типа: чопорный, церемонный, глубоко религиозный и очень добросердечный; впоследствии он опубликовал несколько хороших статей по зоологии. Третьим молодым человеком был Гарди, который, думаю, мог бы стать хорошим ботаником, но он рано умер в Индии [34]. Наконец, д-р Грант, который был старше меня на несколько лет; не могу вспомнить, при каких обстоятельствах я познакомился с ним; он опубликовал несколько первоклассных работ по зоологии, но после того как он переехал в Лондон, где стал профессором Университетского колледжа, он ничего больше не сделал в науке, — факт, всегда остававшийся для меня необъяснимым [35]. Я хорошо знал его; он был сух и формален в обращении, но под этой наружной коркой скрывался подлинный энтузиазм. Однажды, когда мы гуляли с ним вдвоем, он разразился восторженной речью о Ламарке и его эволюционных воззрениях. Я выслушал его безмолвно и с удивлением, но, насколько я могу судить, его слова не произвели на мой ум никакого впечатления. Уже до этого я прочитал «Зоономию» моего деда, в которой отстаиваются подобные же воззрения, но и они не оказали на меня никакого воздействия. Тем не менее, вероятно, то обстоятельство, что уже в очень ранние годы моей жизни мне приходилось слышать, как поддерживаются и встречают высокую оценку такого рода воззрения, способствовало тому, что я и сам стал отстаивать их — в иной форме — в моем «Происхождении видов». В то время я очень восхищался «Зоономией», но, перечитав ее во второй раз через десять или пятнадцать лет, я был сильно разочарован крайне невыгодным соотношением между рассуждениями и приводимыми фактическими данными.

Доктора Грант и Колдстрим много занимались зоологией моря, и я часто сопровождал первого из них, собирая в лужах, остающихся после отлива, животных, которых анатомировал как умел. Я подружился также с несколькими рыбаками из

Charles Robert Darwin

March 1827

28th (3)

(1) Adhering to the Pier one frequently finds whitish circular masses of Ova of an extremely viscid consistence. —

B.

B.B. highly magnified have the appearance represented at B. when magnified however it appears to be a mass of capsules & containing animals & united together by a Transparent, gelatinous matter. In this species I believe I was the first to observe both the animal & its cilia in most rapid movement. By the aid of these cilia it could revolve in its capsule & when freed from it, moved so quickly, as to be discernible to the naked eye at some distance. —

To what animal these ova belong I am ignorant? —

(2) I found also another mass of ova larger of a brown colour. the capsules also being considerably larger. I could perceive no which

Эдинбургская записная книжка Ч. Дарвина.
Вверху — подпись Дарвина и дата (март 1827 г.), внизу — страница с записью наблюдений от 28 марта над «яйцами» (личинками) пиявки Pontobdella

Ньюхейвена, отправлялся с ними на траловый лов устриц и таким путем добыл много экземпляров [различных животных]. Но так как я не имел никаких систематических навыков в анатомировании и обладал лишь очень плохоньким микроскопом, мои попытки [производить наблюдения] были весьма жалкими. Тем не менее я сделал одно интересное маленькое открытие и в начале 1826 года прочитал в Плиниевском обществе краткое сообщение по этому вопросу. Открытие заключалось в том, что так называемые яйца Flustra обладают способностью самостоятельно двигаться при помощи ресничек; в действительности это были личинки. В другом небольшом докладе я показал, что маленькие шаровидные тела, которые считались молодыми стадиями *Fucus loreus*, представляют собой яйцевые коконы [egg-cases] червеобразной *Pontobdella muricata* [36].

Плиниевское общество [37] пользовалось поддержкой профессора Джемсона и, как я полагаю, было им основано; оно состояло из студентов и собиралось в Университете, в комнате подвального этажа, для заслушания и обсуждения работ по естественным наукам. Я аккуратно посещал заседания Общества, и они оказались полезными для меня, так как стимулировали мое усердие и способствовали новым знакомствам с людьми, интересовавшимися, как и я, естествознанием. Как-то вечером один неудачливый молодой человек встал, невероятно долго заикался и, наконец, густо покраснев от смущения, с трудом вымолвил: «Господин председатель! Я забыл, что я хотел сказать». У бедняги был совершенно подавленный вид, а все члены Общества были до того удивлены, что никто не мог придумать, что бы такое сказать, чтобы скрыть его смущение. Сообщения, которые читались в нашем маленьком Обществе, не публиковались, вследствие чего я не получил удовольствия увидеть свою статью в печати, но мне кажется, что д-р Грант упомянул о моем маленьком открытии в своем превосходном мемуаре о Flustra [38].

Я состоял также членом Королевского медицинского общества и довольно аккуратно посещал его заседания, но так как вопросы там обсуждались исключительно медицинские,

они не слишком интересовали меня. Много вздора говорилось там, но было и несколько хороших ораторов, и лучшим из них был ныне здравствующий сэр Дж. Кэй-Шаттлуорт [38а]. Иногда д-р Грант приглашал меня на заседания Вернеровского общества, где докладывались, обсуждались и затем публиковались в «Трудах» [«Transactions»] Общества различные сообщения по естественной истории. Я слышал там Одюбона, прочитавшего несколько интересных лекций об образе жизни североамериканских птиц и несколько несправедливо подсмеивавшегося над Уотертоном [39]. Отмечу кстати, что в Эдинбурге жил один негр, путешествовавший с Уотертоном; он зарабатывал себе на жизнь набивкой чучел птиц, и делал это превосходно; он давал мне платные уроки [по набивке чучел], и часто я засиживался у него подолгу, так как это был очень приятный и умный человек.

М-р Леонард Хорнер [40] также пригласил меня однажды на заседание Эдинбургского королевского общества, где я увидел на председательском месте сэра Вальтер Скотта; он просил собравшихся извинить его за то, что занимает столь высокое место, ибо чувствует, что недостоин его. Я смотрел на него и на все происходящее с благоговением и трепетом; думаю, благодаря тому обстоятельству, что в молодости я присутствовал на этом заседании и посещал также заседания Королевского медицинского общества, избрание меня несколько лет назад почетным членом обоих этих Обществ показалось мне более лестным, чем любые другие подобные почести. Если бы мне сказали тогда, что когда-нибудь в будущем мне будет оказана эта честь, клянусь, мне показалось бы это не менее смешным и невероятным, чем если бы мне заявили, что я буду избран королем Англии.

В течение второго года моего пребывания в Эдинбурге я посещал лекции профессора Джемсона [41] по геологии и зоологии, но они были невероятно скучны. Единственным результатом того впечатления, которое они произвели на меня, было решение никогда, пока я буду жив, не читать книг по геологии и вообще не заниматься этой наукой. И все же я уверен, что

был подготовлен к тому, чтобы разумно судить об этом предмете, ибо года за два или за три до того один старик, проживавший в Шропшире, м-р Коттон, неплохо знакомый с горными породами, указал мне на большой эрратический валун, находившийся в городе Шрусбери, — хорошо всем известный «Колокол-камень», — и заметив, что до самого Камберленда или даже до Шотландии не найти камня той же самой горной породы, стал с важным видом уверять меня, что мир придет к своему концу прежде, чем кто-нибудь сможет объяснить, каким образом этот камень оказался там, где он находится ныне.

Это произвело на меня сильное впечатление, и я не переставал размышлять об этом необычайном камне. Поэтому, когда я впервые прочитал о роли айсбергов в переносе валунов [42], я испытал чувство величайшего наслаждения и торжествовал по поводу успехов геологической науки. Столь же поразителен тот факт, что мне, которому сейчас только 67 лет, пришлось слышать, как профессор, читая нам лекцию на Солсберийских скалах, говорил, что траповая дайка с миндалеобразными границами и отвердевшими со всех сторон пластами, расположенная в местности, где нас буквально окружали вулканические породы, представляет собою трещину, заполненную сверху осадочными отложениями; при этом он с усмешкой добавлял, что были де люди, которые утверждали, что она была заполнена снизу расплавленной массой [43]. Вспоминая об этой лекции, я не удивляюсь своему решению никогда не заниматься геологией.

Благодаря посещению лекций Джемсона я познакомился с хранителем музея м-ром Макджилливреем [44], который впоследствии опубликовал большую и превосходную книгу о птицах Шотландии. В его внешности и манерах было не очень-то много джентльменского, но у нас было с ним много интересных бесед на естественноисторические темы; он был со мною очень добр и подарил мне несколько редких раковин, так как я собирал в то время коллекцию морских улиток, хотя занимался этим не очень усердно.

В течение этих двух лет мои летние каникулы были целиком посвящены развлечениям, хотя в руках у меня всегда была какая-нибудь книга, которую я с интересом читал. Летом 1826 г. я совершил, совместно с двумя своими приятелями, большую пешеходную прогулку по Северному Уэльсу, с рюкзаками за спиной. Почти ежедневно мы проходили по тридцати миль, а один день потратили на восхождение на Сноудон [45]. Я совершил также со своей сестрой Каролиной прогулку верхом на лошадях по Северному Уэльсу; седельные вьюки с нашим платьем вез за нами слуга. Осенние месяцы посвящались ружейной охоте — главным образом у м-ра Оуэна в Вудхаусе и у моего дяди Джоса в Мэре [46]. Я проявлял [в отношении охоты] столь большое рвение, что, ложась спать, я ставил обычно свои охотничьи сапоги около самой кровати, чтобы, обуваясь утром, не потерять и полминуты. Однажды, 20 августа, собравшись на охоту за тетеревами, я еще затемно забрался на самую окраину территории Мэра и затем целый день пробирался с лесником сквозь густую поросль вереска и молодых сосен [47].

Я аккуратно записывал каждую птицу, застреленную мною в течение сезона. Как-то раз, охотясь в Вудхаусе с капитаном Оуэном, старшим сыном хозяина, и с его двоюродным братом майором Хиллом, впоследствии лордом Берик, которых я очень любил, я стал жертвой шутки: каждый раз, когда я, выстрелив, думал, что это я застрелил птицу, один из них делал вид, что заряжает ружье, и восклицал: «Эту птицу не принимайте в расчет, я стрелял одновременно с вами!» Слова их подтверждал лесник, который понял, в чем заключалась шутка. Через несколько часов они рассказали мне, как они подшутили надо мной, но для меня это не было шуткой, потому что я застрелил очень много птиц, но не знал, сколько именно, и не мог внести их в свой список, что я обычно делал, завязывая узелок на куске веревки, продетой сквозь пуговичную петлю. Это-то и заметили мои коварные друзья.

Какую радость доставляла мне охота! Но мне кажется, что я полусознательно стыдился своей страсти, так как старался

убедить себя в том, что охота — своего рода умственное занятие: ведь она требует столько сноровки для того, чтобы судить, где больше всего найдешь дичи, и чтобы как следует натаскать собак.

Одно из моих осенних посещений Мэра в 1827 г. памятно мне потому, что я встретил там сэра Дж. Макинтоша [48], который был наилучшим собеседником, какого мне приходилось когда-либо встречать. Узнав впоследствии, что он сказал обо мне: «В этом молодом человеке есть что-то такое, что заинтересовало меня», я сиял от гордости. Этим отзывом я обязан, должно быть, главным образом тому, что он заметил, с каким огромным интересом я вслушиваюсь буквально в каждое его слово,— а я был невежественен, как поросенок, в тех вопросах истории, политики и морали, которых он касался. Думаю, что похвала со стороны выдающегося человека — хотя может возбудить и даже несомненно возбуждает тщеславие — полезна для молодого человека, так как помогает ему держаться правильного пути.

Мои посещения Мэра на протяжении этих двух или трех следовавших друг за другом лет были полны очарования, даже независимо от осенней охоты. Жилось там очень привольно, местность позволяла совершать восхитительнейшие прогулки пешком или верхом, вечера проходили в исключительно приятных беседах, не носивших слишком личного характера, как это бывает обычно на больших семейных встречах, и перемежавшихся музыкой. Летом вся семья часто располагалась на ступеньках старой террасы, перед которой в саду был разбит цветник, а противоположный дому крутой, покрытый лесом берег отражался в озере, и то в одном, то в другом месте слышался всплеск воды, вызванный всплывшей вверх рыбой или коснувшейся поверхности воды птицей. Ничто не запечатлелось в моей памяти более ярко, чем эти вечера в Мэре. Я был очень привязан к дяде Джосу и благоговел перед ним; он был молчалив и сдержан, таких людей обычно побаиваются, но иногда он бывал со мною откровенен. Это был выраженный тип прямого человека, обладавшего способностью чрезвычайно ясного суждения. Думаю, что никакая сила в мире не могла бы

заставить его хотя бы на дюйм отклониться от того пути, который он считал правильным. Мысленно я не раз применял к нему известную оду Горация,— теперь я уже забыл ее,— в которой имеются слова: «nec vultus tyranni» и т. д. [49].

ЖИЗНЬ В КЕМБРИДЖЕ

Кембридж, 1828—1831.— После того, как я провел два учебных года в Эдинбурге, мой отец понял или узнал от моих сестер, что мне вовсе не улыбается мысль стать врачом, и поэтому предложил мне сделаться священником. Возможность моего превращения в праздного любителя спорта,— а такая моя будущность казалась тогда вероятной,— совершенно справедливо приводила его в страшное негодование. Я попросил дать мне некоторое время на размышление, потому что на основании тех немногих сведений и мыслей, которые были у меня на этот счет, я не мог без колебаний заявить, что верю во все догматы англиканской церкви; впрочем, с другой стороны, мысль стать сельским священником нравилась мне. Я старательно прочитал поэтому книгу Пирсона «О вероучении» [«Pearson on the Creed»] [50] и несколько других богословских книг, а так как у меня не было в то время ни малейшего сомнения в полной и буквальной истинности каждого слова Библии, то я очень скоро убедил себя в том, что наше вероучение необходимо считать полностью приемлемым. Меня, однако, поражало, насколько нелогично говорить, что я верю в то, чего я не могу понять и что фактически [вообще] не поддается пониманию. Я мог бы с полной правдивостью сказать, что у меня не было никакого желания оспаривать ту или иную [религиозную] догму, но никогда не был я таким дураком, чтобы чувствовать или говорить: «Credo quia incredibile» [51]. Если вспомнить, как свирепо нападали на меня представители церкви, кажется забавным, что когда-то я и сам имел намерение стать священником. Мне не пришлось даже заявить когда-либо формальный отказ от этого намерения и от выполнения желания моего отца,— они умерли естественной смертью, когда я, закончив образование в Кембридже, принял участие в экспедиции на «Бигле» в

качестве натуралиста. Если френологи заслуживают доверия, то в одном отношении я очень подходил для того, чтобы стать священником. Несколько лет назад я получил письмо от секретарей одного германского психологического общества, в котором они убедительно просили меня прислать им мою фотографию, а спустя некоторое время я получил протокол заседания, на котором, по-видимому, предметом публичного обсуждения была форма моей головы, и один из выступавших заявил, что шишка благоговения развита у меня настолько сильно, что ее хватило бы на добрый десяток священников.

Поскольку было решено, что я стану священником, мне необходимо было поступить в один из английских университетов, чтобы получить ученую степень; но так как с того времени, как я оставил школу, я ни разу не раскрыл ни одной греческой или латинской книги, то, к своему ужасу, я обнаружил, что за два года, прошедшие с тех пор, я, как это ни покажется невероятным, совершенно забыл почти всё, чему меня учили, даже некоторые греческие буквы. Я не отправился поэтому в Кембридж в обычное время, в октябре, а стал заниматься с частным преподавателем в Шрусбери и поехал в Кембридж после рождественских каникул, в начале 1828 г. Вскоре я восстановил свой школьный уровень знаний и сравнительно легко мог переводить нетрудные греческие книги, например Гомера и Евангелие на греческом языке.

Три года, проведенные мною в Кембридже, были — в отношении академических занятий — настолько же полностью затрачены впустую, как и годы, проведенные в Эдинбурге и в школе. Я пытался заняться математикой и даже отправился для этого в Бармут летом 1828 г. с частным преподавателем (очень тупым человеком), но занятия мои шли крайне вяло. Они вызывали у меня отвращение главным образом потому, что я не в состоянии был усмотреть какой-либо смысл в первых основаниях алгебры. Это отсутствие у меня терпения было очень глупым, и впоследствии я глубоко раскаивался в том, что не продвинулся по крайней мере настолько, чтобы уметь хотя бы немного разбираться в великих руководящих началах матема-

тики, ибо люди, овладевшие ею, кажутся мне наделенными каким-то сверхчувством. Не думаю, впрочем, чтобы я когда-либо мог добиться успеха за пределами элементарной математики. Что касается греческих и латинских авторов, то здесь я ничего не делал, кроме того, что посещал, да и то почти номинально, некоторые обязательные университетские лекции. На втором году обучения мне пришлось месяц или два поработать, чтобы сдать Little-Go [52], что далось мне легко. Также и в последнем учебном году я довольно основательно готовился к заключительному экзамену на степень бакалавра искусств [53], освежив в памяти своих греческих и латинских классиков, а также — в небольшом размере — алгебру и Эвклида; последний, как и когда-то в школе, доставил мне много удовольствия. Для сдачи экзамена на степень бакалавра искусств необходимо было также изучить сочинения Пейли [54] «Основания христианства» [«Evidences of Christianity»] и «Нравственная философия» [«Moral Phylosophy»]. Я проделал это самым тщательным образом и убежден, что мог бы по памяти полностью изложить «Основания» и притом очень точно, но, разумеется, не таким ясным языком, как у Пейли. Логика этой книги и, могу прибавить еще, его «Натуральной теологии» [«Natural Theology»] доставила мне такое же удовольствие, как Эвклид. Тщательное изучение этих трудов, без попытки заучить какой-либо раздел наизусть, было единственной частью академического курса, которая, как мне казалось тогда и как я убежден и теперь, была хоть сколько-нибудь полезна для воспитания моего ума. В то время предпосылки Пейли меня нисколько не интересовали, я принимал их на веру, очарованный и убежденный длинной цепью доказательств. Неплохо ответив на экзаменационные вопросы из Пейли, хорошо сдав Эвклида и не очень оскандалившись по части греческих и латинских авторов, я добился хорошего места среди οἱ πολλοί [55], т. е. того множества людей, которые не гонятся за почестями. Хотя это и достаточно странно, но я не могу вспомнить, насколько высокое место заняла в списке моя фамилия: меня разбирают сомнения — пятое, десятое или двенадцатое [56].

В Университете читались по различным отраслям знания публичные лекции, посещение которых было вполне добровольным, но мне уже так осточертели лекции в Эдинбурге, что я не ходил даже на красноречивые и интересные лекции Седжвика[57]. Если бы я посещал их, то стал бы, вероятно, геологом раньше, чем это случилось в действительности. Я посещал, однако, лекции Генсло[58] по ботанике, и они очень нравились мне, так как отличались исключительной ясностью изложения и превосходными демонстрациями; но ботанику я не изучал. Генсло имел обыкновение совершать со своими учениками, в том числе и с более старыми членами Университета[59], полевые экскурсии пешком, в отдаленные места—в каретах и вниз по реке — на баркасе, и во время этих экскурсий читал лекции о более редких растениях и животных, которых удавалось наблюдать. Экскурсии эти были восхитительны.

Хотя, как мы сейчас увидим, в моей кембриджской жизни были и некоторые светлые стороны, время, которое я провел в Кембридже, было всерьез потеряно, и даже хуже, чем потеряно. Моя страсть к ружейной стрельбе и охоте, а если это не удавалось осуществить, то — к прогулкам верхом по окрестностям, привела меня в кружок любителей спорта, среди которых было несколько молодых людей не очень высокой нравственности. По вечерам мы обычно вместе обедали, хотя, надо сказать, на этих обедах часто бывали и люди более дельные; по временам мы порядочно выпивали, а затем весело пели и играли в карты. Знаю, что я должен стыдиться дней и вечеров, расстраченных подобным образом, но некоторые из моих друзей были такие милые люди, а настроение наше бывало таким веселым, что я не могу не вспоминать об этих временах с чувством большого удовольствия[60].

Но мне приятно вспомнить, что у меня было много и других друзей, совершенно иного рода. Я был в большой дружбе с Уитли, который впоследствии стал лауреатом Кембриджского университета по математике[61], — мы постоянно совершали с ним долгие прогулки. Он привил мне вкус к картинам и хорошим гравюрам, и я приобрел несколько экземпляров.



Колледж Христа в Кембриджском университете. Вход в студенческое общежитие, где жил Дарвин: окно комнаты Дарвина — во втором этаже направо от входа

Я часто бывал в Галерее Фицуильяма [62], и у меня, видимо, был довольно хороший вкус, ибо я восхищался несомненно лучшими картинами и обсуждал их со старым хранителем Галереи. С большим интересом прочитал я также книгу сэра Джошуи Рейнольдса [63]. Вкус этот, хотя и не был прирожденным, сохранялся у меня на протяжении нескольких лет, и многие картины в Национальной галерее в Лондоне доставляли мне истинное наслаждение, а одна картина Себастьяно дель Пьомбо [64] возбудила во мне чувство величественного.

Я бывал также в музыкальном кружке, кажется, благодаря моему сердечному другу Герберту[65], окончившему Универ-

ситет с высшим отличием по математике. Общаясь с этими людьми и слушая их игру, я приобрел определенно выраженный вкус к музыке и стал весьма часто распределять свои прогулки так, чтобы слушать в будние дни хоралы в церкви Колледжа короля [King's College][66]. Я испытывал при этом такое интенсивное наслаждение, что по временам у меня пробегала дрожь по спине. Я уверен, что в этом моем чувстве не было ни аффектации, ни простого подражания, ибо обычно я ходил в Колледж короля совершенно один, иногда же я нанимал мальчиков-хористов и они пели у меня в комнате. Тем не менее я до такой степени лишен музыкального слуха, что не замечаю диссонанса, не могу правильно отбивать такт и не в состоянии верно напеть про себя хоть какую-нибудь мелодию, и для меня остается тайной, каким образом я мог получать удовольствие от музыки.

Мои музыкальные друзья вскоре подметили во мне эту особенность и по временам забавлялись, устраивая мне экзамен, для того чтобы установить, сколько мелодий смогу я узнать, если их исполняли несколько быстрее или медленнее, чем следовало. Гимн «Боже, храни короля», сыгранный таким образом, становился для меня мучительной загадкой. Был там еще один обладатель почти такого же плохого слуха, как у меня, но, как это ни странно, он немного играл на флейте. Однажды на мою долю выпал триумф: на одном из наших музыкальных экзаменов я одержал над ним верх.

Но ни одному занятию не предавался я в Кембридже даже приблизительно с такой огромной страстью, ничто не доставляло мне такого удовольствия, как коллекционирование жуков. Это была именно одна лишь страсть к коллекционированию, так как я не анатомировал их, редко сверял их внешние признаки с опубликованными описаниями, а названия их устанавливал как попало. Приведу доказательство моего рвения в этом деле. Однажды, сдирая с дерева кусок старой коры, я увидел двух редких жуков и схватил каждой рукой по одному из них, но тут я увидел третьего, какого-то нового рода, которого я никак не в состоянии был упустить, и я сунул того жука, которого держал в правой руке, в рот. Увы! Он

выпустил какую-то чрезвычайно едкую жидкость, которая так обожгла мне язык, что я вынужден был выплюнуть его, и я потерял его, так же как и третьего жука.

Коллекционирование шло у меня очень успешно, причем я изобрел два новых способа собирания жуков: я нанял работника, которому поручил соскребать в течение зимы мох со старых деревьев и складывать его в большой мешок, а также собирать мусор со дна барок, на которых привозят с болот тростник; таким образом я приобрел несколько очень редких видов. Никогда ни один поэт не испытывал при виде первого своего напечатанного стихотворения большего восторга, чем я, когда я увидал в книге Стивенса «Illustrations of British Insects» [«Изображения британских насекомых»] [67] магические слова: «Пойман Ч. Дарвином, эсквайром». С энтомологией меня познакомил мой троюродный брат У. Дарвин Фокс [68], способный и чрезвычайно приятный человек; он учился тогда в Колледже Христа [Christ's College], и мы с ним очень близко подружились. Позднее я близко познакомился с Олбертом Уэем [Albert Way] из Колледжа троицы [Trinity College], вместе с которым мы ходили собирать насекомых,— спустя много лет он стал известным археологом; сблизился я также с Г. Томпсоном [H. Thompson] из того же Колледжа, впоследствии ставшим выдающимся агрономом, управляющим большой железной дорогой и членом парламента. Отсюда, по-видимому, следует, что страсть к собиранию жуков служит некоторого рода указанием на будущий успех в жизни!

Удивительно, какое неизгладимое впечатление оставили во мне многие жуки, пойманные мною в Кембридже. Я могу восстановить в памяти точный вид некоторых столбов, старых деревьев и береговых обрывов, где мне удалось сделать удачные находки. Изящный *Panagaeus crux-major* [69] был в те времена настоящим сокровищем; как-то здесь, в Дауне, я увидел жука, перебегавшего через дорожку, и, поймав его, сразу заметил, что он незначительно отличается от *P. crux-major*; оказалось, что это *P. quadripunctatus*, представляющий собою лишь разновидность *P. crux-major* или близко родственный

ему вид, незначительно отличающийся от него по своим очертаниям. В те давние времена мне ни разу не пришлось увидеть живого Licinus, который для неопытного глаза кажется почти ничем не отличающимся от многих других черных Carabidae, но когда мои сыновья нашли здесь экземпляр Licinus, я сразу же заметил, что это новый для меня вид, а между тем вот уже двадцать лет, как я ни разу не взглянул ни на одного британского жука.

Я не упомянул до сих пор об одном обстоятельстве, которое повлияло на всю мою карьеру больше, чем что-либо другое. Речь идет о моей дружбе с профессором Генсло [70]. Еще до того, как я оказался в Кембридже, мой брат говорил мне о нем, как о человеке, сведущем во всех областях науки, и я был таким образом подготовлен к тому, чтобы отнестись к нему с благоговением. Раз в неделю, по вечерам, он устраивал у себя дома открытый прием для всех студентов последнего курса и некоторых более старых членов Университета, интересовавшихся естествознанием [71]. Вскоре я получил через Фокса приглашение к Генсло и стал регулярно бывать у него. Через короткое время я тесно сблизился с Генсло и во вторую половину своего пребывания в Кембридже почти ежедневно совершал с ним длительные прогулки, вследствие чего некоторые члены Колледжа называли меня «Тот, который гуляет с Генсло»; по вечерам он часто приглашал меня на обед к себе домой. Он обладал обширными познаниями в ботанике, энтомологии, химии, минералогии и геологии. У него была сильно выраженная наклонность строить заключения на основании длинного ряда мелких наблюдений. Суждения его были блестящи, а ум отличался замечательной уравновешенностью, но, мне кажется, едва ли кто-нибудь стал бы утверждать, что он был в большой мере наделен даром оригинального творчества.

Он был глубоко религиозен и до такой степени ортодоксален, что, как он однажды заявил мне, он был бы страшно расстроен, если бы в Тридцати девяти догматах было изменено хотя бы одно слово [72]. Нравственные качества его были во всех

отношениях изумительно высоки. Он был совершенно лишен даже какого бы то ни было оттенка тщеславия или другого мелкого чувства; никогда не видал я человека, который так мало думал бы о себе и своих личных интересах. Он был человек спокойного и доброго нрава, обаятелен и вежлив в обращении, и тем не менее, как мне самому приходилось видеть, какой-либо дурной поступок мог вызвать у него самое бурное негодование и решительные действия.

Проходя с ним однажды по улицам Кембриджа, я увидел сцену, почти столь же ужасную, как те, какие бывали во времена Французской революции. Двух похитителей трупов[73] арестовали и вели в тюрьму, как вдруг толпа хулиганов отбила их у полицейского и поволокла за ноги по грязной булыжной мостовой. Они были с головы до ног покрыты грязью, а лица их были окровавлены — оттого ли, что их пинали по лицу ногами, или от ударов о камни; они были похожи на мертвецов, — правда, толпа вокруг них была так густа, что я мог только несколько раз мельком взглянуть на этих несчастных людей. Никогда в жизни не видел я на человеческом лице выражения такого страшного возмущения, какое было на лице Генсло при виде этой ужасной сцены. Несколько раз он пытался пробиться сквозь толпу, но это было совершенно невозможно. Тогда он помчался к мэру, сказав мне, чтобы я не следовал за ним, а нашел бы еще нескольких полицейских. Я забыл уже, чего мы добились, помню только, что обоих доставили в тюрьму прежде, чем их успели убить.

Благотворительность Генсло была безгранична; он доказал это множеством прекрасных начинаний в пользу бедняков своего прихода, когда впоследствии стал священником в Хитчеме. Близость с таким человеком должна была принести и, я думаю, действительно принесла мне неоценимую пользу. Не могу не упомянуть об одном незначительном случае, показывающем его мягкость и внимание к людям. Рассматривая зерна пыльцы, положенные на влажную поверхность, я заметил, что некоторые из них выпустили трубки, и тотчас же помчался сообщить Генсло о своем удивительном открытии. Полагаю,

что любой другой профессор ботаники не удержался бы от смеха, если бы я явился с такой поспешностью, чтобы сделать подобное сообщение. Он же согласился со мною, что явление это очень интересно, и объяснил мне его значение, дав мне ясно понять при этом, что оно хорошо известно; в результате я ушел от него ни в какой мере не уязвленный, а, наоборот, весьма довольный тем, что мне удалось самому открыть столь замечательный факт, однако я решил больше не спешить так с сообщениями о своих открытиях.

Среди известных и уже немолодых людей, посещавших иногда Генсло, был д-р Юэлл [74], с которым мне пришлось несколько раз возвращаться вместе ночью домой. Как и сэр Дж. Макинтош, Юэлл умел разговаривать о серьезных предметах лучше всех, кого мне когда-либо приходилось слышать. Часто гостил у Генсло его зять Леонард Дженинс (внук прославленного Соума Дженинса), опубликовавший впоследствии несколько хороших работ по естественной истории [75]. Сначала он не нравился мне из-за своего несколько мрачного и саркастического выражения лица; редко бывает, чтобы первое впечатление исчезло, но я полностью ошибся, обнаружив, что это очень мягкосердечный и приятный человек с немалой дозой юмора. Я бывал у него в его доме приходского священника, находившемся на самой границе Фенов [76], и совершил с ним немало славных прогулок и провел немало интересных бесед по вопросам естественной истории. Познакомился я также с некоторыми другими людьми, старшими меня по возрасту, которые не очень интересовались естествознанием, но были друзьями Генсло. Был среди них один шотландец, брат сэра Александра Рамси, состоявший наставником в Колледже Иисуса [Jesus College]; это был обаятельный человек, но прожил он недолго [77]. Другой был м-р Дос [Dawes], впоследствии состоявший деканом [настоятелем собора] в Херефорде; он прославился своими успехами в обучении бедняков. Эти люди и другие того же круга устраивали иногда вместе с Генсло далекие экскурсии по окрестностям; мне разрешалось принимать участие в этих в высшей степени приятных экскурсиях.

Вспоминая прошлое, я прихожу к заключению, что, должно быть, было что-то во мне, что несколько возвышало меня над общим уровнем молодежи, иначе все эти люди, которые были намного старше меня и по возрасту и по академическому положению, вряд ли пожелали бы встречаться со мною. Разумеется, я не сознавал за собою какого-либо превосходства; помню, один из моих друзей по спорту, Тёрнер, увидев, как я вожусь со своими жуками, сказал, что когда-нибудь я стану членом Королевского общества [78], но это его замечание показалось мне абсурдным.

В последний год моего пребывания в Кембридже я с большим вниманием и глубоким интересом прочитал «Personal Narrative» [«Личное повествование»] Гумбольдта [79]. Это сочинение и «Introduction to the Study of Natural Philosophy» [«Введение в изучение естествознания»] сэра Дж. Гершеля [80] пробудили во мне пылкое стремление внести хотя бы самый скромный вклад в благородное здание наук о природе. Ни одна другая книга, ни даже целая дюжина их не произвели на меня даже и приблизительно такого сильного впечатления, как эти две книги. Я выписал из Гумбольдта длинные выдержки о Тенерифе и на одной из упомянутых выше экскурсий прочитал их вслух, если не ошибаюсь, Генсло, Рамси и Досу, так как на одной из предыдущих экскурсий я рассказывал о красотах Тенерифа и некоторые из участников экскурсии заявили, что они попытаются съездить туда,— думаю, что они говорили это полушутя. Но мои намерения были совершенно серьезны, и я даже получил рекомендацию к одному лондонскому купцу, чтобы раздобыть у него справки относительно кораблей; но этот замысел был, разумеется, нацело ликвидирован путешествием на «Бигле».

Летние каникулы я посвящал коллекционированию жуков, чтению и непродолжительным экскурсиям. Осенью все мое время отдавалось охоте, главным образом в Вудхаусе и Мэре, иногда же я охотился в Этоне с молодым Этоном [Eyton]. В целом, три года, проведенные мною [в Кембридже], были самыми радостными годами в моей счастливой жизни:

здоровье мое было тогда превосходным и почти всегда я пребывал в самом лучшем расположении духа.

Так как впервые я приехал в Кембридж после рождества [81], то мне надлежало пробыть там еще два семестра после того, как я сдал свой последний экзамен в начале 1831 г., и тогда Генсло убедил меня приступить к изучению геологии. Поэтому по возвращении в Шропшир я занялся изучением [геологических] разрезов окрестностей Шрусбери и составил раскрашенную карту их. Профессор Седжвик имел намерение посетить в начале августа Северный Уэльс, чтобы продолжить свои знаменитые геологические исследования древнейших горных пород, и Генсло просил Седжвика разрешить мне сопровождать его [82]. Этим и объясняется, что Седжвик приехал к нам и переночевал в доме моего отца.

Краткая беседа с ним в тот вечер произвела на меня глубокое впечатление. Как-то, когда я исследовал старые разработки гравия близ Шрусбери, один рабочий рассказал мне, что он нашел здесь большую стертую тропическую раковину Voluta [83], вроде тех, какие нередко можно видеть в коттеджах на полках каминов, и так как он не соглашался продать эту раковину, я был убежден, что он действительно нашел ее в этой яме. Я рассказал об этом Седжвику, но он сразу же возразил мне (без всякого сомнения, справедливо), что раковина была, вероятно, выброшена кем-нибудь в яму, а затем добавил, что если бы она естественным образом залегала в этих пластах, то это явилось бы величайшим несчастьем для геологии, так как опрокинуло бы все наши представления о поверхностных отложениях в Центральных графствах. И действительно, эти пласты гравия относятся к ледниковому периоду, и впоследствии я находил в них изломанные раковины северных моллюсков. Но тогда я был крайне удивлен, когда увидел, что Седжвик не пришел в восхищение от такого чудесного факта, как находка тропической раковины близ самой поверхности земли в центре Англии. Хотя я прочитал уже много разных научных книг, ничто когда-либо раньше не дало мне возможности с такой отчетливостью понять, что наука заключается

в такой группировке фактов, которая позволяет выводить на основании их общие законы или заключения.

На другое утро мы отправились по направлению Ллангоплен, Конуэй, Бангор и Кэйпл-Кьюриг[84]. Это путешествие принесло мне определенную пользу, научив меня в некоторой степени тому, каким образом возможно разобраться в геологии той или иной страны. Седжвик часто посылал меня по направлению, параллельному тому, по которому шел сам, поручая мне собрать образцы горных пород и нанести на карту порядок их залегания. Я почти не сомневаюсь, что он делал это для моей пользы, так как я был слишком несведущ, чтобы мог оказать помощь ему. Это путешествие дало мне разительный пример того, как легко проглядеть даже самые заметные явления, если на них уже не обратил внимания кто-нибудь другой. Мы провели много часов в Кумбран-Идуоле, самым тщательным образом исследуя все горные породы, так как Седжвику очень хотелось найти в них остатки ископаемых организмов; однако ни один из нас не заметил следов замечательных ледниковых явлений, окружавших нас со всех сторон: мы не заметили ни отчетливых шрамов на скалах, ни нагромождений валунов, ни боковых и конечной морен. Между тем, эти явления настолько очевидны, что, как я заявлял в одной статье, напечатанной много лет спустя в «Philosophical Magazine»[85], дом, сгоревший во время пожара, не расскажет о том, что́ с ним произошло, более ясно, чем эта долина. Если бы она все еще была заполнена ледником, эти явления были бы выражены менее отчетливо, чем теперь.

В Кэйпл-Кьюриге я расстался с Седжвиком и направился по прямой линии через горы в Бармут, определяя курс по компасу и карте и не пользуясь тропинками, если они не совпадали со взятым мною направлением. Я побывал благодаря этому в неведомых, диких местах и получил большое удовольствие от такого способа путешествовать. Бармут я посетил с целью повидать некоторых своих кембриджских друзей, которые занимались там преподаванием; оттуда я вернулся в Шрусбери и Мэр, чтобы приступить к охоте, ибо в те времена я счел бы

себя сумасшедшим, если бы пропустил первые дни охоты на куропаток ради геологии или какой-нибудь другой науки.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА «БИГЛЕ»

Путешествие на «Бигле» с 27 декабря 1831 г. по 2 октября 1836 г.— Вернувшись домой после моей непродолжительной геологической поездки по Северному Уэльсу, я нашел письмо от Генсло, извещавшее меня, что капитан Фиц-Рой готов уступить часть своей собственной каюты какому-нибудь молодому человеку, который согласился бы добровольно и без всякого вознаграждения отправиться с ним в путешествие на «Бигле» в качестве натуралиста. В моем рукописном «Дневнике»[86], я, как мне кажется, рассказал обо всех событиях, происшедших в те дни; здесь скажу только, что я готов был тут же принять предложение, но мой отец решительно возражал против этого, добавив, впрочем, слова, оказавшиеся счастливыми для меня: «Если ты сумеешь найти хоть одного здравомыслящего человека, который посоветует тебе ехать, я дам свое согласие». Однако я в тот же вечер написал о своем отказе принять предложение, а на другое утро поехал в Мэр, чтобы быть готовым 1 сентября [начать охоту]. Я был на охоте, когда за мной прислал мой дядя: он предложил мне поехать с ним в Шрусбери, чтобы переговорить с моим отцом, так как считал, что я поступил бы благоразумно, приняв предложение. Отец всегда утверждал, что мой дядя — один из самых мудрых людей на свете, и поэтому сразу дал свое согласие в самой ласковой форме[87]. В Кембридже я был довольно неумерен в расходах, и чтобы утешить отца, я сказал, что «должен был бы быть чертовски способным, чтобы, находясь на борту «Бигля», тратить больше, чем я буду получать», на что отец возразил, улыбаясь: «Да ведь все они и говорят, что ты очень способен!»

На следующий день я отправился в Кембридж, чтобы повидать Генсло, а оттуда — в Лондон, чтобы встретиться с Фиц-Роем, и вскоре все было улажено. Когда впоследствии мы сблизились с Фиц-Роем, он рассказал мне, что я очень серьезно

рисковал быть отвергнутым из-за формы моего носа! Горячий последователь Лафатера [88], он был убежден, что может судить о характере человека по чертам его лица, и сомневался в том, чтобы человек с таким носом, как у меня, мог обладать достаточными для совершения путешествия энергией и решимостью. Думаю, однако, что впоследствии он вполне убедился в том, что мой нос ввел его в заблуждение.

У Фиц-Роя [89] был очень своеобразный характер. Он обладал многими благородными чертами: был верен своему долгу, чрезвычайно великодушен, смел, решителен, обладал неукротимой энергией и был искренним другом всех, кто находился под его началом. Он не останавливался ни перед какими хлопотами, чтобы помочь тому, кто, по его мнению, был достоин помощи. Это был статный, красивый человек, вполне выдержанный тип джентльмена, изысканно вежливый в обращении, напоминавший своими манерами, как говорил мне посол в Рио, своего дядю со стороны матери — знаменитого лорда Каслри. Вместе с тем, он, должно быть, много унаследовал в своей внешности от Карла II,— д-р Уоллич подарил мне коллекцию изготовленных им фотографий, и я был поражен сходством одного портрета с Фиц-Роем; посмотрев на подпись, я увидел, что это Ч. Э. Собесский Стюарт, граф д'Олбени, который был незаконным потомком названного монарха [90].

Нрав у Фиц-Роя был самый несносный, и это проявлялось не только во вспышках гнева, но и в продолжительных приступах брюзгливости по отношению к тем, кто его обидел. Особенно невыносим бывал он обычно по утрам: своими орлиными глазами он всегда замечал какое-нибудь упущение на корабле, и тогда он не сдерживал гнева. Утром, сменяя друг друга, младшие офицеры обычно спрашивали, много ли горячего кофе было выпито [капитаном] сегодня, что значило: «В каком настроении капитан?».

Он был также несколько подозрителен и то и дело пребывал в дурном настроении, а однажды почти впал в безумие. Мне часто казалось, что ему не хватает трезвости в суждениях и здравого смысла. Ко мне он относился очень хорошо, но

ужиться с этим человеком, при той близости, которая была неизбежна для нас, обедавших за одним столом вдвоем с ним в его каюте, было трудно. Несколько раз мы ссорились, ибо, впадая в раздражение, он совершенно терял способность рассуждать. Так, в самом начале путешествия, когда мы были в Баие, в Бразилии, он стал защищать и расхваливать рабство, к которому я испытывал отвращение, и сообщил мне, что он только что побывал у одного крупного рабовладельца, который созвал [при нем] своих рабов и спросил их, счастливы ли они и хотят ли получить свободу, на что все ответили: «Нет!» Тогда я спросил его, должно быть — не без издевки, полагает ли он, что ответ рабов в присутствии их хозяина чего-нибудь стоит? Это страшно разозлило его, и он сказал мне, что, раз я не доверяю его словам, мы не можем больше жить вместе. Я думал, что вынужден буду покинуть корабль, но как только известие о нашей ссоре распространилось, — а распространилось оно быстро, так как капитан послал за своим первым помощником, чтобы в его присутствии излить свой гнев и всячески ругал меня, — я, к величайшему своему удовлетворению, получил приглашение от всех офицеров обедать с ними в их кают-компании. Однако через несколько часов Фиц-Рой проявил обычное свое великодушие, послав ко мне офицера, который передал мне его извинения и просьбу по-прежнему столоваться у него в каюте.

Вспоминаю и другой случай, характерный для него. В Плимуте, до того как мы отправились в плавание, он страшно разозлился на торговца посудой, который отказался обменять некоторые предметы, купленные у него в лавке. Тогда капитан спросил у него цену одного очень дорогого фарфорового сервиза и сказал: «Я приобрел бы его, если бы вы не были так нелюбезны». Так как я знал, что в каюте [капитана] имеется обильный запас посуды, я усомнился в том, чтобы у него действительно было такое намерение; я не произнес ни слова, но, должно быть, мое сомнение отразилось у меня на лице. Когда мы вышли из лавки, он взглянул на меня и сказал: «Вы не поверили моим словам!»; я вынужден был признать, что это

так. Несколько минут он молчал, а затем сказал: «Вы правы, из-за моего гнева на этого подлеца я поступил неправильно».

В Консепсьоне, в Чили, бедный Фиц-Рой страшно переутомился и был в очень дурном настроении. Он горько жаловался мне, что должен устроить большой вечер для всех местных жителей. Я возразил, сказав, что при данных обстоятельствах ему нет необходимости делать это. Тогда он пришел в ярость и заявил, что я такого сорта человек, который примет любое одолжение и ничем за него не отплатит. Ни слова не произнеся, я встал, вышел из каюты и поехал в Консепсьон, где жил тогда. Через несколько дней я вернулся на корабль и был принят капитаном с обычной сердечностью, так как к этому времени буря полностью миновала. Однако первый помощник сказал мне: «Чорт вас побери, Философ, лучше бы вы не ссорились со шкипером! В тот день, когда вы ушли с корабля, я смертельно устал (корабль находился в ремонте), а он заставил меня до полуночи шататься с ним по палубе и все время бранился по вашему адресу».

Трудность поддерживать хорошие отношения с капитаном военного корабля значительно возрастает из-за того, что ответить ему так, как вы ответили бы любому другому человеку, — значит почти оказаться мятежником, а также из-за того трепета, который испытывают перед ним (по крайней мере, испытывали в те времена, когда я плавал) все находящиеся на корабле. Помню один любопытный случай, который мне рассказали об экономе корабля «Эдвенчюр», вместе с которым «Бигль» совершил свое первое плавание. В одном из магазинов в Рио-де-Жанейро этот эконом закупал ром для команды корабля, как вдруг в магазин вошел какой-то маленький господин в штатском. Эконом обратился к нему: «Будьте добры, сэр, попробуйте этот ром и скажите мне свое мнение о нем». Господин выполнил то, о чем его просили, и вскоре вышел из магазина. Тогда хозяин магазина спросил эконома, знает ли тот, что он обратился к капитану линейного корабля, только что вошедшего в гавань? Бедный эконом онемел от ужаса, стакан с ромом упал из его рук на пол, он тотчас же отправился на свой

корабль, и никакие доводы, как уверял меня офицер с «Эдвенчюра», не могли заставить его сойти на берег, так как он опасался встретиться с капитаном после своего ужасного по фамильярности поступка.

По возвращении на родину я лишь изредка встречался с Фиц-Роем, ибо всегда боялся как-нибудь неумышленно вызвать его раздражение, и все же это случилось однажды, причем взаимное примирение стало уже почти невозможным. Впоследствии он негодовал на меня за то, что я издал столь кощунственную книгу (он стал очень религиозным), как «Происхождение видов»[91]. К концу своей жизни он, кажется, совершенно разорился, что произошло в значительной степени из-за его щедрости. Во всяком случае, после его смерти была устроена подписка для уплаты его долгов. Конец его жизни был мрачный,— он покончил самоубийством, точно так же как его дядя, лорд Каслри, на которого он так походил манерами и внешностью. Во многих отношениях это был человек самого благородного характера, человек, какого мне редко случалось встречать, однако характер его портили и серьезные недостатки.

Путешествие на «Бигле» было самым значительным событием моей жизни, определившим весь мой дальнейший жизненный путь, а между тем судьба его зависела от столь малого обстоятельства, как предложение моего дяди доставить меня за тридцать миль в Шрусбери,— не всякий дядя поступил бы так,— и от такого пустяка, как форма моего носа. Я всегда считал, что именно путешествию я обязан первым подлинным дисциплинированием, т. е. воспитанием моего ума; я был поставлен в необходимость вплотную заняться несколькими разделами естественной истории, и благодаря этому мои способности к наблюдению усовершенствовались, хотя они уже и до того времени были неплохо развиты.

Особенно большое значение имело геологическое исследование всех посещенных мною районов, так как при этом приходилось пускать в ход всю свою способность к рассуждению. При первом ознакомлении с какой-либо местностью ничто не кажется более безнадежно запутанным, чем хаос горных пород;

но если отмечать залегание и характер горных пород и ископаемых во многих точках, все время при этом размышляя [над собранными данными] и стараясь предугадать, что может быть обнаружено в различных других точках, то вскоре хаос местности начинает проясняться и строение целого становится более или менее понятным. Я взял с собою первый том «Principles of Geology» [«Основ геологии»] Лайелля и внимательно изучил эту книгу, которая принесла мне величайшую пользу во многих отношениях. Уже самое первое исследование, произведенное мною в Сант-Яго на островах Зеленого мыса, ясно показало мне изумительное превосходство метода, примененного Лайеллем в трактовке геологии, по сравнению с методами всех других авторов, работы которых я взял с собою или прочитал когда-либо впоследствии [92].

Другим моим занятием было коллекционирование животных всех классов, краткое описание их и грубое анатомирование многих морских животных; однако из-за моего неумения рисовать и отсутствия у меня достаточных знаний по анатомии значительная доля рукописных заметок, сделанных мною во время путешествия, оказалась почти бесполезной. Я потерял вследствие этого много времени, не пропало зря только время, которое я затратил на приобретение некоторых знаний о ракообразных, ибо знания эти оказали мне помощь, когда в последующие годы я предпринял составление монографии об усоногих раках.

Некоторую часть дня я посвящал составлению моего «Дневника», затрачивая при этом много усилий на то, чтобы точно и живо описать все, что мне пришлось увидеть, — упражнение, оказавшееся полезным. Мой «Дневник» частично был также использован мною в виде писем к родным, и отдельные части его я отсылал в Англию как только для этого представлялся удобный случай.

Однако различные специальные занятия, перечисленные выше, не имели почти никакого значения по сравнению с приобретенной мною в то время привычкой к энергичному труду и сосредоточенному вниманию в отношении любого дела, которым

я бывал занят. Все, о чем я размышлял или читал, было непосредственно связано с тем, что я видел или ожидал увидеть, и такой режим умственной работы продолжался в течение всех пяти лет путешествия. Я уверен, что именно приобретенные таким образом навыки позволили мне осуществить все то, что мне удалось сделать в науке.

Оглядываясь на прошлое, я замечаю теперь, что постепенно любовь к науке возобладала во мне над всеми остальными склонностями. Первые два года старая страсть к охоте сохранялась во мне почти во всей своей силе, и я сам охотился на всех птиц и зверей, необходимых для моей коллекции, но понемногу я стал все чаще и чаще передавать ружье своему слуге, и наконец вовсе отдал его ему, так как охота мешала моей работе, в особенности — изучению геологического строения местности. Я обнаружил, правда — бессознательно и постепенно, что удовольствие, доставляемое наблюдением и работой мысли, несравненно выше того, которое доставляют какое-либо техническое умение или спорт. Первобытные инстинкты дикаря постепенно уступали во мне место приобретенным вкусам цивилизованного человека. Тот факт, что мой ум развился под влиянием моих занятий во время путешествия, представляется мне вероятным на основании одного замечания, сделанного моим отцом, который был самым проницательным наблюдателем, какого мне когда-либо приходилось видеть, отличался скептицизмом и был далек от того, чтобы хоть сколько-нибудь верить в френологию; и вот, впервые увидев меня после путешествия, он обернулся к моим сестрам и воскликнул: «Да ведь у него совершенно изменилась форма головы!»

Возвращаюсь к путешествию. 11 сентября (1831 г.) я побывал вместе с Фиц-Роем в Плимуте, где мы мельком осмотрели «Бигль». Оттуда я отправился в Шрусбери, чтобы надолго попрощаться с отцом и сестрами. 24 октября я поселился в Плимуте и прожил там до 27 декабря, когда «Бигль» покинул, наконец, берега Англии и отправился в свое кругосветное плавание. Еще до этого дня мы дважды пытались выйти в море, но оба раза сильные штормовые ветры вынуждали нас вернуть-

ся. Как ни старался я превозмочь себя, эти два месяца в Плимуте были самыми несчастными в моей жизни. При мысли о предстоящей мне столь длительной разлуке со всеми родными и друзьями я падал духом, а погода навевала на меня невыразимую тоску. Помимо того, меня беспокоили сердцебиение и боль в области сердца, и, как это часто бывает с молодыми несведущими людьми, особенно с теми, которые обладают поверхностными медицинскими знаниями, я был убежден, что страдаю сердечной болезнью. Я не стал советоваться с врачами, так как нисколько не сомневался, что они признают меня недостаточно здоровым для участия в путешествии, а я твердо решился поехать во что бы то ни стало.

Нет необходимости останавливаться здесь на отдельных событиях путешествия, рассказывать о том, где мы были и что делали, — достаточно полный отчет об этом дан в моем опубликованном «Дневнике»[93]. Ярче всего другого возникает и сейчас перед моим умственным взором великолепие тропической растительности; но и то чувство величественного, которое я испытал при виде великих пустынь Патагонии и одетых лесом гор Огненной Земли, оставило в моей памяти неизгладимое впечатление. Вид нагого дикаря в обстановке его родной земли — зрелище, которое никогда не забудется. Многие мои поездки по диким странам верхом на лошади или в лодках, продолжавшиеся иногда по несколько недель, были полны интереса; лишения и известная степень опасности, с которыми они были сопряжены, в то время вряд ли воспринимались мною как помеха, а уж впоследствии и вовсе позабылись. С глубоким удовлетворением вспоминаю я также некоторые мои научные работы, например, разрешение проблемы коралловых островов и выяснение геологического строения некоторых островов, например — острова Св. Елены[94]. Не могу также пройти мимо открытия мною своеобразных соотношений между животными и растениями, населяющими различные острова Галапагосского архипелага, с одной стороны, и между этими галапагосскими видами животных и растений и обитателями Южной Америки — с другой[95].

Насколько я в состоянии сам судить о себе, я работал во время путешествия с величайшим напряжением моих сил просто оттого, что мне доставлял удовольствие процесс исследования, а также потому, что я страстно желал добавить несколько новых фактов к тому великому множеству их, которым владеет естествознание. Но кроме того у меня было и честолюбивое желание занять известное место среди людей науки, — не берусь судить, был ли я честолюбив более или менее, чем большинство моих собратий по науке.

Геология Сант-Яго весьма поразительна, хотя и проста: некогда поток лавы разлился по дну моря, покрытому мелкоискрошенными современными раковинами и кораллами которые [под действием горячей лавы] спеклись в твердую белую породу. В дальнейшем весь остров подвергся процессу поднятия. Но эта полоса белой породы открыла мне новый и важный факт, а именно, что впоследствии здесь происходило опускание пластов вокруг кратеров, которые продолжали с тех пор действовать и изливать лаву. Тогда мне впервые пришла в голову мысль, что я смогу, быть может, написать книгу о геологии различных стран, посещенных мною, и сердце мое затрепетало от восторга. Это была незабываемая минута! С какой ясностью могу я восстановить в памяти невысокий лавовый утес, под которым я отдыхал тогда, ослепительно палящее солнце, несколько диковинных растений пустыни поблизости от меня, а у ног моих — живые кораллы в лужах, оставшихся после отлива. В несколько более поздний период нашего путешествия Фиц-Рой попросил меня почитать ему мой «Дневник» и нашел, что его стоило бы опубликовать, — итак, это была уже вторая книга в перспективе!

К концу путешествия, когда мы были на острове Вознесения, я получил письмо от сестер, в котором они сообщали, что Седжвик посетил отца и сказал, что я займу место среди выдающихся людей науки. Тогда я не мог понять, каким образом ему удалось узнать что-либо о моих работах, однако я слыхал (но кажется, это было позднее), что Генсло доложил некоторые из моих писем к нему в Кембриджском философском

FOR PRIVATE DISTRIBUTION.

THE following pages contain Extracts from LETTERS addressed to Professor HENSLOW by C. DARWIN, Esq. They are printed for distribution among the Members of the Cambridge Philosophical Society, in consequence of the interest which has been excited by some of the Geological notices which they contain, and which were read at a Meeting of the Society on the 16th of November 1835.

The opinions here expressed must be viewed in no other light than as the first thoughts which occur to a traveller respecting what he sees, before he has had time to collate his Notes, and examine his Collections, with the attention necessary for scientific accuracy.

CAMBRIDGE.
Dec. 1, 1835.

Титульная страница брошюры с извлечениями из писем Ч. Дарвина к Дж. Генсло, изданной Генсло 1 декабря 1835 г. для распространения среди членов Кембриджского философского общества

обществе и отпечатал их для распространения среди ограниченного круга лиц [96]. Моя коллекция костей ископаемых животных, которая была переслана мною Генсло, также вызвала большой интерес у палеонтологов. Прочитав это письмо, я начал вприпрыжку взбираться по горам острова Вознесения, и вулканические скалы громко зазвучали под ударами моего геологического молотка. Все это показывает, до чего я был честолюбив, но я думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что хотя в позднейшие годы одобрение со стороны таких людей, как Лайелль и Гукер, которые были моими друзьями, было для меня в наивысшей степени существенным, мнение широкой публики не очень-то заботило меня. Не хочу этим сказать, что благоприятная рецензия или успешная продажа моих книг не доставляли мне большого удовольствия, но удовольствие это было мимолетным, и я уверен, что ради славы я никогда ни на дюйм не отступил от принятого мною пути.

СО ВРЕМЕНИ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ ДО МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ.— РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

От моего возвращения в Англию (2 октября 1836 г.) до женитьбы (29 января 1839 г.).— В эти два года и три месяца я развил бо́льшую активность, чем в какой-либо другой период моей жизни, хотя по временам я чувствовал себя плохо, и часть времени оказалась поэтому потерянной. Проездив несколько раз взад и вперед между Шрусбери, Мэром, Кембриджем и Лондоном, я поселился 13 декабря в Кембридже [97], где хранились — под наблюдением Генсло — все мои коллекции. Здесь я прожил три месяца и с помощью профессора Миллера [98] произвел определение моих минералов и горных пород.

Я начал готовить к печати мой «Дневник путешествия»,— это было нетрудным делом, так как рукописный «Дневник» был составлен мною тщательно, и мне пришлось потрудиться главным образом над тем, чтобы кратко изложить наиболее интересные научные результаты [моих исследований]. По просьбе Лайелля я послал также в Геологическое общество краткий отчет о моих наблюдениях над поднятием берегов Чили [99].

7 марта 1837 г. я поселился в Лондоне на Грейт-Марльборо-стрит и прожил там почти два года, до самой женитьбы. В течение этих двух лет я закончил свой «Дневник путешествия», сделал несколько докладов в Геологическом обществе, начал готовить к печати рукописи моих «Геологических наблюдений» и организовал публикацию «Зоологических результатов путешествия на „Бигле"». В июле я начал свою первую записную книжку о фактах, относящихся к Происхождению Видов[100], — проблеме, над которой я уже давно размышлял и над которой никогда не переставал работать в течение следующих двадцати лет.

В продолжение этих двух лет я стал также немного бывать в свете и исполнял обязанности одного из почетных секретарей Геологического общества. Очень часто я встречался с Лайеллем. Одной из его главных черт было сочувственное отношение к работе других, и я был в равной мере удивлен и восхищен тем интересом, с которым он отнесся к моим взглядам на коралловые рифы, когда по возвращении в Англию я познакомил его с ними. Меня очень поощрило такое его отношение, а его советы и собственный его пример оказали на меня большое влияние. В этот же период я нередко встречался также с Робертом Броуном — этим «facile Princeps Botanicorum»; я постоянно навещал его в воскресные дни по утрам, когда он завтракал, и в беседах со мной он раскрывал предо мною целую сокровищницу любопытных наблюдений и остроумных замечаний, но почти всегда они касались незначительных предметов, никогда он не обсуждал со мною больших или имеющих общее значение проблем науки[101].

На протяжении этих двух лет я совершил несколько экскурсий на небольшие расстояния с целью отдохнуть от работы и одну далекую — к параллельным террасам Глен-Роя, отчет о которой был опубликован мною в «Philosophical Transactions». Эта статья была моей крупной неудачей, и я стыжусь ее. Находясь под глубоким впечатлением своих наблюдений над поднятием суши в Южной Америке, я приписал эти параллельные линии действию моря, но я должен был отказаться от

этой точки зрения, когда Агассиц выдвинул свою теорию ледниковых озер. Я настаивал на действии моря по той причине, что при тогдашнем состоянии наших знаний невозможно было предложить какое-либо другое объяснение, но моя ошибка послужила мне хорошим уроком — никогда не полагаться в науке на принцип исключения [102].

Так как я не был в состоянии в течение всего дня заниматься научной работой, то в эти два года я прочитал много книг по самым разнообразным вопросам, в том числе и несколько книг метафизического содержания; однако занятия такого рода были не очень-то по мне [103]. В то время мне доставляла большое наслаждение поэзия Вордсворта и Кольриджа, и могу похвастать тем, что «Экскурсию» [Вордсворта] я прочитал дважды и притом с начала до конца. Когда-то я больше всего любил «Потерянный рай» Мильтона и когда я отправлялся на экскурсии, которые совершал во время путешествия на «Бигле», и имел возможность взять с собою не более одной книги, я неизменно выбирал Мильтона [104].

Религиозные взгляды. — В течение этих двух лет мне пришлось много размышлять о религии. Во время плавания на «Бигле» я был вполне ортодоксален; вспоминаю, как некоторые офицеры (хотя и сами они были людьми ортодоксальными) от души смеялись надо мной, когда по какому-то вопросу морали я сослался на Библию как на непреложный и авторитетный источник. Полагаю, что их рассмешила новизна моей аргументации. Однако в течение этого периода, т. е. с 1836 до 1839 года, я постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий завет — с его до очевидности ложной историей мира, с его вавилонской башней, радугой в качестве знамения...[слово неразборчиво — завета?] и с его приписыванием богу чувств мстительного тирана — заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов или верования какого-нибудь дикаря. В то время в моем уме то и дело возникал один вопрос, от которого я никак не мог отделаться: если бы бог пожелал сейчас ниспослать откровение индусам, то неужели он допустил бы, чтобы оно было связано с верой в Вишну, Сиву и пр., подобно то-

му как христианство связано с верой в Ветхий завет? Это представлялось мне совершенно невероятным.

Размышляя далее над тем, что потребовались бы самые ясные доказательства для того, чтобы заставить любого нормального человека поверить в чудеса, которыми подтверждается христианство; что чем больше мы познаем неизменные законы природы, тем все более невероятными становятся для нас чудеса; что в те [отдаленные] времена люди были невежественны и легковерны до такой степени, которая почти непонятна для нас; что невозможно доказать, будто Евангелия были составлены в то самое время, когда происходили описываемые в них события; что они по-разному излагают многие важные подробности, слишком важные, как казалось мне, чтобы отнести эти расхождения на счет обычной неточности свидетелей, — в ходе этих и подобных им размышлений (которые я привожу не потому, что они сколько-нибудь оригинальны и ценны, а потому, что они оказали на меня влияние) я постепенно перестал верить в христианство как божественное откровение. Известное значение имел для меня и тот факт, что многие ложные религии распространились по обширным пространствам земли со сверхъестественной быстротой. Как бы прекрасна ни была мораль Нового завета, вряд ли можно отрицать, что ее совершенство зависит отчасти от того толкования, которое мы ныне вкладываем в его метафоры и аллегории.

Но я отнюдь не был склонен отказаться от своей веры; я убежден в этом, ибо хорошо помню, как я все снова и снова возвращался к фантастическим мечтам об открытии в Помпеях или где-нибудь в другом месте старинной переписки между какими-нибудь выдающимися римлянами или рукописей, которые самым поразительным образом подтвердили бы все, что сказано в Евангелиях. Но даже и при полной свободе, которую я предоставил своему воображению, мне становилось все труднее и труднее придумать такое доказательство, которое в состоянии было бы убедить меня. Так понемногу закрадывалось в мою душу неверие, и в конце концов я стал совершенно неверующим. Но происходило это настолько медленно, что я

не чувствовал никакого огорчения и никогда с тех пор даже на единую секунду не усомнился в правильности моего заключения. И в самом деле, вряд ли я в состоянии понять, каким образом кто бы то ни было мог бы желать, чтобы христианское учение оказалось истинным; ибо если оно таково, то незамысловатый текст [Евангелия] показывает, по-видимому, что люди неверующие — а в их число надо было бы включить моего отца, моего брата и всех моих лучших друзей — эсхатологически потерпят наказание [105]. Это учение отвратительно.

Хотя над вопросом о существовании бога как личности я стал много размышлять в значительно более поздний период моей жизни, приведу здесь те неопределенные заключения, к которым я с неизбежностью пришел. Старинное доказательство [существования бога] на основании наличия в Природе преднамеренного плана, как оно изложено у Пейли, доказательство, которое казалось мне столь убедительным в прежнее время, ныне, после того как был открыт закон естественного отбора, оказалось несостоятельным. Мы уже не можем более утверждать, что, например, превосходно устроенный замóк какого-нибудь двустворчатого моллюска [106] должен был быть создан неким разумным существом, подобно тому как дверной замок создан человеком. По-видимому, в изменчивости живых существ и в действии естественного отбора не больше преднамеренного плана, чем в том направлении, по которому дует ветер. Все в природе является результатом твердых законов. Впрочем, я рассмотрел этот вопрос в конце моего сочинения об «Изменениях домашних животных и [культурных] растений» [107], и, насколько мне известно, приведенные там доводы ни разу не встретили каких-либо возражений.

Но если и оставить в стороне те бесчисленные превосходные приспособления, с которыми мы встречаемся на каждом шагу, можно все же спросить: как объяснить благодетельное в целом устройство мира? Правда, некоторые писатели так сильно подавлены огромным количеством страдания в мире, что, учитывая все чувствующие существа, они выражают сомнение в том, чего в мире больше — страдания или счастья, и хорош

ли мир в целом или плох. По моему мнению, счастье несомненно преобладает, хотя доказать это было бы очень трудно. Но если это заключение справедливо, то нужно признать, что оно находится в полном согласии с теми результатами, которых мы можем ожидать от действия естественного отбора. Если бы все особи какого-либо вида постоянно и в наивысшей степени испытывали страдания, то они забывали бы о продолжении своего рода; у нас нет, однако, никаких оснований думать, что это когда-либо или, по крайней мере, часто происходило. Более того, некоторые другие соображения заставляют полагать, что все чувствующие существа организованы так, что, как правило, они наслаждаются счастьем.

Каждый, кто, подобно мне, убежден, что у всех существ органы их телесной и психической жизни [corporeal and mental organs] (за исключением тех, которые ни полезны, ни вредны для их обладателя) развились путем естественного отбора, или переживания наиболее приспособленного (совместно с действием упражнения или привычки), должен будет признать, что эти органы сформировались так, что обладатели их могут успешно соревноваться с другими существами и благодаря этому возрастать в числе. К выбору того вида действий, который наиболее благотворен для вида, животное могут побуждать как страдание, например — боль, голод, жажда и страх, так и удовольствие, например — еда и питье, а также процесс размножения вида и пр., либо же сочетание того и другого, например — отыскивание пищи. Но боль или любое другое страдание, если они продолжаются долго, вызывают подавленность и понижают способность к деятельности, хотя они отлично служат для того, чтобы побудить живое существо оберегаться от какого-либо большого или внезапного зла. С другой стороны, приятные ощущения могут долго продолжаться, не оказывая никакого подавляющего действия; напротив, они вызывают повышенную деятельность всей системы. Из этого следует, что большинство или все чувствующие существа развились путем естественного отбора таким образом, что приятные ощущения служат им привычными руководителями. Мы

наблюдаем это в том чувстве удовольствия, которое доставляет нам напряжение наших телесных и умственных сил, иногда даже весьма значительное, в удовольствии, которое доставляет нам каждый день еда, и особенно в том удовольствии, которое проистекает из нашего общения с другими людьми и из любви к членам нашей семьи. Сумма такого рода ставших обычными или часто повторяющихся удовольствий доставляет большинству чувствующих существ — я почти не сомневаюсь в этом — избыток счастья над страданиями, хотя многие время от времени испытывают немало страданий. Эти страдания вполне совместимы с верой в Естественной Отбор, действие которого несовершенно и который направлен только к тому, чтобы обеспечить каждому виду возможно больший успех в борьбе с другими видами за жизнь, борьбе, протекающей в исключительно сложных и меняющихся условиях.

Никто не оспаривает того факта, что в мире много страданий. В отношении человека некоторые [мыслители] пытались объяснить этот факт, допустив, будто страдание служит нравственному совершенствованию человека. Но число людей в мире ничтожно по сравнению с числом всех других чувствующих существ, а им часто приходится очень тяжело страдать без какого бы то ни было отношения к вопросу о нравственном совершенствовании. Существо, столь могущественное и столь исполненное знания, как бог, творящий вселенную, представляется нашему ограниченному уму всемогущим и всезнающим, и предположение, что благожелательность бога не безгранична, отталкивает наше сознание, ибо какое преимущество могли бы представлять страдания миллионов низших животных [107a] на протяжении почти бесконечного времени? Этот весьма древний довод против существования некой разумной Первопричины, основанный на наличии в мире страдания, кажется мне очень сильным [108], между тем как это наличие большого количества страданий, как уже было только что отмечено, прекрасно согласуется с той точкой зрения, согласно которой все органические существа развились путем изменения и естественного отбора.

В наши дни наиболее обычный аргумент в пользу существования разумного бога выводится из наличия глубокого внутреннего убеждения и чувств, испытываемых большинством людей. Не приходится, однако, сомневаться в том, что индусы, магометане и другие могли бы таким же образом и с равной силой согласиться с существованием единого бога или многих богов, или же — подобно буддистам — с отсутствием какого бы то ни было бога[109]. Существует также много диких племен, о которых нельзя с какой-либо достоверностью утверждать, что они обладают верой в то, что мы называем богом: и действительно, они верят в духов или в привидения, и, как показали Тэйлор и Герберт Спенсер, можно объяснить, каким образом, по всей вероятности, подобные верования возникли[110].

В прежнее время чувства, подобные только что упомянутым (не думаю, впрочем, что религиозное чувство было когда-либо сильно развито во мне), приводили меня к твердому убеждению в существовании бога и в бессмертии души. В своем «Дневнике» я писал, что «невозможно дать сколько-нибудь точное представление о тех возвышенных чувствах изумления, восхищения и благоговения, которые наполняют и возвышают душу», когда находишься в самом центре грандиозного бразильского леса[111]. Хорошо помню свое убеждение в том, что в человеке имеется нечто большее, чем одно только дыхание его тела. Но теперь даже самые величественные пейзажи не могли бы возбудить во мне подобных убеждений и чувств. Могут справедливо сказать, что я похож на человека, потерявшего способность различать цвета, и что всеобщее убеждение людей в существовании красного цвета лишает мою нынешнюю неспособность к восприятию этого цвета какой бы то ни было ценности в качестве доказательства [действительного] отсутствия его. Этот довод был бы веским, если бы все люди всех рас обладали одним и тем же внутренним убеждением в существовании единого бога; но мы знаем, что в действительности дело обстоит отнюдь не так. Я не считаю поэтому, что подобные внутренние убеждения и чувства имеют какое-либо значение в качестве доказательства того, что бог действительно существует. То

душевное состояние, которое в прежнее время возбуждали во мне грандиозные пейзажи и которое было внутренне связано с верой в бога, по существу не отличается от состояния, которое часто называют чувством возвышенного; и как бы трудно ни было объяснить происхождение этого чувства, вряд ли можно ссылаться на него как на доказательство существования бога с большим правом, чем на сильные, хотя и неясные чувства такого же рода, возбуждаемые музыкой.

Что касается бессмертия, то ничто не демонстрирует мне [с такой ясностью], насколько сильна и почти инстинктивна вера в него, как рассмотрение точки зрения, которой придерживается в настоящее время большинство физиков, а именно, что солнце и все планеты со временем станут слишком холодными для жизни[112], если только какое-нибудь большое тело не столкнется с солнцем и не сообщит ему таким путем новую жизнь. Если верить, как верю я, что в отдаленном будущем человек станет гораздо более совершенным существом, чем в настоящее время, то мысль о том, что он и все другие чувствующие существа обречены на полное уничтожение после столь продолжительного медленного прогресса, становится невыносимой. Тем, кто безоговорочно допускает бессмертие человеческой души, разрушение нашего мира не покажется столь ужасным.

Другой источник убежденности в существовании бога, источник, связанный не с чувствами, а с разумом, производит на меня впечатление гораздо более веского. Он заключается в крайней трудности или даже невозможности представить себе эту необъятную и чудесную вселенную, включая сюда и человека с его способностью заглядывать далеко в прошлое и будущее, как результат слепого случая или необходимости. Размышляя таким образом, я чувствую себя вынужденным обратиться к Первопричине, которая обладает интеллектом, в какой-то степени аналогичным разуму человека, т. е. заслуживаю названия Теиста*. Но в таком случае возникает сомнение

* Насколько я в состоянии вспомнить, это умозаключение сильно владело мною приблизительно в то время, когда я писал «Происхождение

в том, можно ли положиться на человеческий ум в его попытках строить такого рода обширные заключения,— на человеческий ум, развившийся, как я твердо убежден, из того слабого ума, которым обладают более низко организованные животные? Не имеем ли мы здесь дела с результатом связи между причиной и следствием — связи, которая поражает нас своим [характером] необходимости, но которая... [слово неразборчиво: в значительной мере?] безусловно зависит от унаследованного опыта? Не следует также упускать из виду возможности постоянного внедрения веры в бога в умы детей, внедрения, производящего чрезвычайно сильное и, быть может, наследуемое воздействие на их мозг, не вполне... [слово неразборчиво] еще развитый, так что для них было бы так же трудно отбросить веру в бога, как для обезьяны — отбросить ее инстинктивный страх и отвращение по отношению к змее [114]. Я не могу претендовать на то, чтобы пролить хотя бы малейший свет на столь трудные для понимания проблемы. Тайна начала всех вещей неразрешима для нас, и что касается меня, то я должен удовольствоваться тем, что остаюсь Агностиком.

Человек, не обладающий твердой и никогда не покидающей его верой в существование личного бога и в будущую жизнь с ее воздаянием и наградой, может, насколько я в состоянии судить, избрать в качестве правила жизни только одно: следовать тем импульсам и инстинктам, которые являются наиболее сильными или кажутся ему наилучшими. В этом роде действует собака, но она делает это слепо, между тем как человек может предвидеть и оглядываться назад и сравнивать различные свои чувства, желания и воспоминания. И вот, в согласии с... [слово неразборчиво: суждением?] всех мудрейших людей он обнаруживает, что получает наивысшее удовлетворение, если следует определенным импульсам, а именно — социальным инстинктам, которые ... [слово неразборчиво: побуждают?] его действовать на благо других людей. Он будет

видов», но именно с этого времени его значение для меня начало, крайне медленно и не без многих колебаний, все более и более ослабевать [113].

[в таком случае] получать одобрение со стороны своих ближних и приобретать любовь тех, с кем он живет, а это последнее и есть несомненно наивысшее наслаждение, какое мы можем получить на нашей Земле. Постепенно для него будет становиться невыносимым охотнее повиноваться своим... [слово неразборчиво: низменным?] страстям, нежели своим высшим импульсам, которые, когда они становятся привычными, почти могут быть названы инстинктивными. По временам его разум может подсказывать ему, что он должен действовать вразрез с мнением других людей, чье одобрение он в таком случае не заслужит, но он все же будет испытывать полное удовлетворение от сознания, что он следовал своему глубочайшему убеждению или совести. Что касается меня самого, то я думаю, что поступал правильно, неуклонно занимаясь наукой и посвятив ей всю свою жизнь. Я не совершил какого-либо серьезного греха и не испытываю поэтому никаких угрызений совести, но я очень и очень часто сожалел о том, что не оказал больше непосредственного добра моим ближним. Единственным, но недостаточным извинением является для меня то обстоятельство, что я много болел, а также моя умственная конституция, которая делает для меня крайне затруднительным переход от одного предмета или занятия к другому. Я могу вообразить себе, что мне доставила бы высокое удовлетворение возможность уделять благотворительным делам все мое время, а не только часть его, хотя и это было бы куда лучшей линией поведения.

Нет ничего более замечательного, чем распространение религиозного неверия, или рационализма, на протяжении второй половины моей жизни. Перед моей предсвадебной помолвкой мой отец советовал мне тщательно скрывать мои сомнения [в религии], ибо, говорил он, ему приходилось видеть, какое исключительное несчастье откровенность этого рода доставляла вступившим в брак лицам [115]. Дела шли прекрасно до тех пор, пока муж или жена не заболевали, но тогда некоторые женщины испытывали тяжелые страдания, так как сомневались в возможности духовного спасения своих мужей, и этим в свою

очередь причиняли страдания мужьям. Отец добавлял, что в течение своей долгой жизни он знал только трех неверующих женщин, а следует помнить, что он был знаком с огромным множеством людей и отличался исключительной способностью завоевывать доверие к себе. Когда я спросил его, кто были эти три женщины, он, говоря с уважением об одной из них, своей свояченице Китти Веджвуд[116], признался, что у него нет безусловных доказательств, а только неопределенные предположения, поддерживаемые убеждением в том, что такая глубокая и умная женщина не могла быть верующей. В настоящее время — при моем небольшом круге знакомых — я знаю (или знавал раньше) нескольких замужних женщин, вера которых была не на много сильнее, чем вера их мужей.

Мой отец любил рассказывать о неопровержимом аргументе, при помощи которого одна старая дама, некая миссис Барло, подозревавшая отца в неверии, надеялась обратить его: «Доктор! Я знаю, что сахар сладок во рту у меня, и [так же] знаю, что мой Спаситель существует».

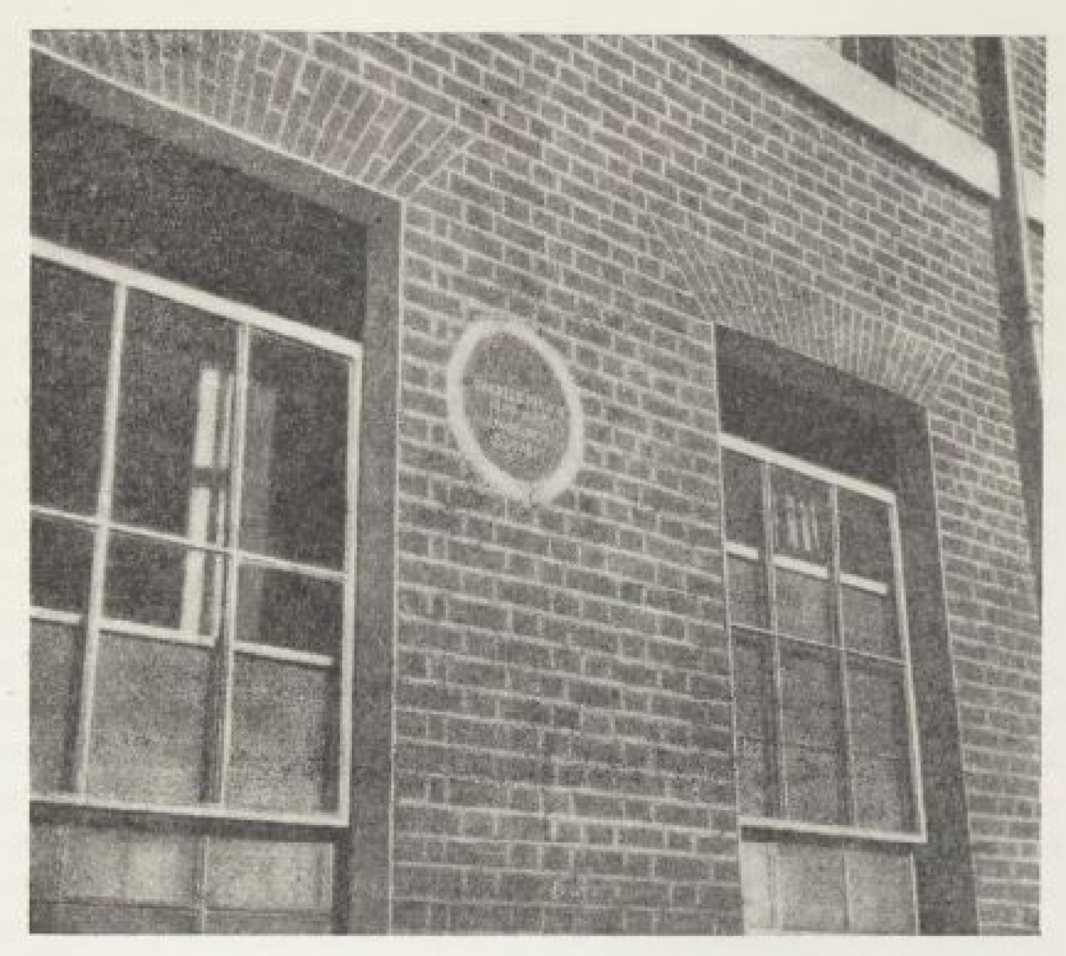
СО ВРЕМЕНИ МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ И ЖИЗНИ В ЛОНДОНЕ ДО НАШЕГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ДАУН

Со времени моей женитьбы 29 января 1839 г. и проживания на Аппер-Гауэр-стрит до нашего отъезда из Лондона и переселения в Даун 14 сентября 1842 г.— Все вы прекрасно знаете[116а] свою мать, знаете, какой доброй матерью она всегда была для всех вас. Она — мое величайшее счастье, и я могу сказать, что за всю мою жизнь я ни разу не слыхал от нее ни одного слова, о котором я мог бы сказать, что предпочел бы, чтобы оно вовсе не было произнесено. Ее отзывчивая доброта ко мне была всегда неизменной, и она с величайшим терпением переносила мои вечные жалобы на недомогания и неудобства. Уверен, что она никогда не упускала возможности сделать доброе дело для кого-нибудь из тех, кто ее окружал. Меня изумляет то исключительное счастье, что она, человек, стоящий неизмеримо выше меня по своим нравственным качествам, согласилась стать моей женой. Она была моим мудрым советником и светлым

утешителем всю мою жизнь, которая без нее была бы на протяжении очень большого периода времени жалкой и несчастной из-за болезни. Она снискала любовь всех, кто находился вблизи нее. (Припомнить ее прекрасное письмо ко мне... ... [два слова неразборчивы] вскоре после нашей свадьбы)[117].

В отношении своей семьи я был действительно в высшей степени счастлив, и должен сказать вам, мои дети, что никто из вас никогда не доставлял мне никакого беспокойства, если не считать ваших заболеваний. Полагаю, что не много существует отцов, у которых есть пять сыновей и которые могут с полной правдивостью сделать подобное заявление. Когда вы были совсем маленькими, мне доставляло наслаждение играть с вами, и я с тоской думаю, что эти дни никогда уже не вернутся. С самого раннего детства и до нынешнего дня, когда вы стали взрослыми, все вы, мои сыновья и дочери, были в высшей степени милыми, симпатичными и любящими нас [родителей] и друг друга. Когда все вы или большинство вас собираетесь дома (что, благодарение небесам, случается довольно часто), то на мой вкус никакое другое общество не может быть для меня более приятным, да я и не жажду никакого другого общества. Некогда мы испытали безмерно тяжелое горе, когда в Молверне 24 апреля 1851 г. умерла Энни, которой только что исполнилось десять лет. Это была в высшей степени ласковая и любящая девочка, и я уверен, что она стала бы очаровательной женщиной. Но я не буду говорить здесь об ее характере, так как сейчас же после ее смерти я написал о ней коротенький очерк[118]. Слезы все еще иногда застилают мне глаза, когда я вспоминаю о милых чертах ее характера.

За три года и восемь месяцев нашей жизни в Лондоне я выполнил меньше научной работы, чем за любой другой такой же промежуток времени в моей жизни, хотя работал с максимальным для моих сил усердием. Причиной этого были часто повторявшиеся недомогания и одно длительное и серьезное заболевание. Когда я бывал в состоянии что-либо делать, то бóльшую часть времени я посвящал работе над «Коралловыми рифами», которую начал еще до женитьбы и последний кор-



Дом в Лондоне на Гауэр-стрит, где Ч. Дарвин жил в 1839—1842 гг. Весной 1941 г. был разрушен фашистской авиабомбой и ныне не существует

ректурный лист которой был подписан мною 6 мая 1842 г. Книга эта, хотя она и невелика по объему, стоила мне двенадцати месяцев напряженного труда, так как мне пришлось прочитать все работы об островах Тихого океана и справляться с множеством морских карт. Люди науки были высокого мнения об этой книге, и мне кажется, что теория, изложенная в ней, теперь вполне упрочилась.

Ни один другой мой труд не был начат в таком чисто дедуктивном плане, как этот, ибо вся теория была придумана мною, когда я находился на западном берегу Южной Америки — до того, как я увидел хотя бы один настоящий коралловый риф.

Мне оставалось поэтому лишь проверить и развить свои взгляды путем тщательного исследования живых рифов [кораллов?] [119]. Правда, нужно заметить, что в течение двух предшествующих лет я все время имел возможность наблюдать то действие, которое оказывали на берега Южной Америки перемежающееся поднятие суши совместно с процессами денудации и образования осадочных отложений. Это с необходимостью привело меня к длительным размышлениям о действии, производимом опусканием [суши], и было уже нетрудно заместить в воображении непрерывное образование осадочных отложений ростом кораллов, направленным вверх. Сделать это — и значило построить мою теорию образования барьерных рифов и атоллов.

За время моей жизни в Лондоне я, помимо работы над «Коралловыми рифами», прочитал в Геологическом обществе доклады об «Эрратических валунах в Южной Америке», о «Землетрясениях» и об «Образовании почвенного слоя деятельностью дождевых червей» [120]. Я продолжал также руководить изданием «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“». Кроме того, я не прекращал все время собирать факты, имеющие отношение к [проблеме] происхождения видов; этим мне удавалось подчас заниматься в такие моменты, когда из-за болезни я не мог делать ничего другого.

Летом 1842 г. я чувствовал себя крепче, чем за все последнее время, и совершил небольшую поездку в Северный Уэльс с целью произвести наблюдения над [следами] действия древних ледников, заполнявших некогда все более обширные долины. Краткий отчет о том, что мне удалось увидеть, я опубликовал в «Philosophical Magazin» [121]. Экскурсия эта оказалась для меня очень интересной, но и последней: в последний раз в моей жизни у меня хватило достаточно сил, чтобы карабкаться по горам и подолгу ходить пешком, что необходимо при геологической работе.

В течение первого времени нашей жизни в Лондоне здоровье мое было еще достаточно крепким, так что я мог бывать в обществе, и мне пришлось увидеть немало ученых и других более или менее выдающихся людей. Приведу мои впечатления,

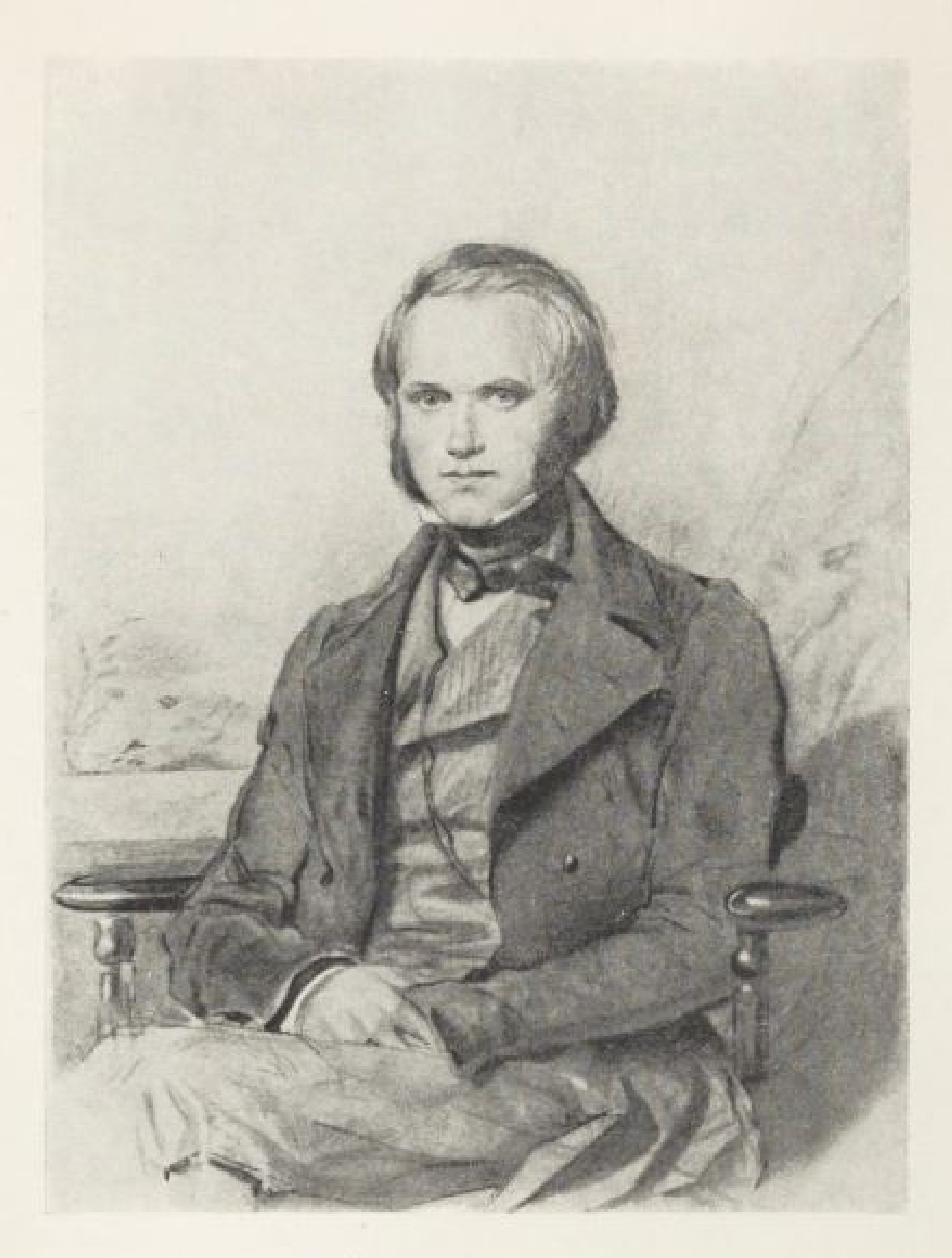
касающиеся некоторых из них, хотя и могу мало сообщить такого, что заслуживало бы упоминания [122].

И до моей женитьбы и после нее мне приходилось больше, чем с кем-либо другим, встречаться с Лайеллем. Его ум отличался, как казалось мне, ясностью, осторожностью, трезвостью суждения и высокой степенью оригинальности. Когда я обращался к нему с каким-нибудь замечанием по геологии, он не мог успокоиться до тех пор, пока весь вопрос не становился для него ясным, и часто он делал проблему и для меня более ясной, чем это было до тех пор. Обычно он выдвигал все возможные возражения против моего предположения и даже после того, как все они, казалось, были исчерпаны, он все еще продолжал сомневаться. Другой характерной чертой его было горячее сочувствие к работам других ученых.

По возвращении из путешествия на «Бигле» я ознакомил его с моими идеями относительно коралловых рифов, которые отличались от его взглядов, и меня чрезвычайно поразил и поощрил тот живой интерес, который был им проявлен [к моей теории]. В подобных случаях, будучи погружен в размышления, он принимал чрезвычайно странные позы, часто кладя голову на спинку стула и в то же время подымаясь со стула. Науку он любил страстно и испытывал самый горячий интерес к будущему прогрессу человечества. Он отличался большой добротой; в своих религиозных взглядах или, вернее, в своем неверии он проявлял полное свободомыслие, но он был убежденным теистом. В высшей степени замечательной была его честность. Он проявил это, став на старости лет сторонником теории происхождения от общих предков [т. е. эволюционной теории], несмотря на то, что до этого снискал себе громкую известность как противник взглядов Ламарка. Он напомнил мне [по этому поводу], как, обсуждая с ним за много лет до того оппозицию его новым воззрениям со стороны геологов старой школы, я сказал ему: «Как хорошо было бы, если бы все ученые умирали в шестидесятилетнем возрасте, потому что, перешагнув за этот возраст, они обязательно начинают оказывать сопротивление каждому новому учению». Но теперь — выразил

он надежду — ему будет позволено жить и дольше. Он обладал сильно выраженным чувством юмора и часто рассказывал забавные анекдоты. Он очень любил общество, особенно — общество выдающихся людей и лиц высокого положения, и это чрезмерно большое преклонение перед положением, которое человек занимает в свете, казалось мне его главным недостатком. Он любил вполне серьезно обсуждать с лэди Лайелль вопрос о том, принять или нет то или иное приглашение на обед. Но так как он не хотел обедать вне дома более трех раз в неделю, чтобы не терять времени, тщательное взвешивание сделанных ему приглашений было вполне понятно. Он считал, что в качестве большого вознаграждения в будущем, с годами, он сможет чаще бывать на званых вечерах, но эти благие времена так и не наступили, ибо силы его сдали.

Геологическая наука бесконечно обязана Лайеллю, больше, я думаю, чем кому-либо другому на свете. Когда я отправлялся в путешествие на «Бигле», проницательный Генсло, который, как и все другие геологи, верил в то время в последовательные катастрофы, посоветовал мне достать и изучить впервые появившийся тогда первый том «Основных начал [геологии]», но ни в коем случае не принимать отстаиваемых там воззрений. До какой степени по иному высказался бы об «Основных началах» любой ученый в настоящее время! С удовольствием вспоминаю, что первое же место, где я занялся геологическими исследованиями, а именно — Сант-Яго в архипелаге Зеленого Мыса, убедило меня в бесконечном превосходстве воззрений Лайелля над взглядами, которые отстаивались в любом другом известном мне труде [по геологии]. Мощное воздействие, оказанное [на развитие геологии] трудами Лайелля, можно было уже в то время отчетливо видеть в том различии, которое представляли успехи [геологической] науки во Франции и в Англии. Полное забвение в настоящее время диких гипотез Эли де-Бомона [123], вроде его «кратеров поднятия» и «линий поднятия» (а мне еще пришлось слышать, как последнюю гипотезу Седжвик превозносил до небес в Геологическом обществе), является в значительной степени заслугой Лайелля.



Чарлз Дарвин.
Акварель 1839 г. работы Дж. Ричмонда



Эмма Дарвин (Веджвуд),
жена Ч. Дарвина.
Акварель 1839 г. работы Дж. Ричмонда

Я был более или менее хорошо знаком со всеми выдающимися геологами в ту эпоху, когда геология совершала свое триумфальное шествие. Почти все они нравились мне, за исключением Бекленда [124], который, хотя и отличался добродушием, казался мне вульгарным и даже грубым человеком. Его стимулом была скорее страсть к славе, которая по временам заставляла его действовать подобно шуту, нежели любовь к науке. В своем стремлении к славе он не был, однако, эгоистом: когда Лайелль, будучи молодым человеком, посоветовался с ним относительно того, представлять ли ему в Геологическое общество слабенькую статью, присланную ему каким-то иностранцем, Бекленд ответил ему: «Лучше представьте, потому что в заголовке будет указано «Сообщено Чарлзом Лайеллем», и таким образом ваше имя станет известным публике».

Пользу, которую Мурчисон [125] принес геологии своей классификацией древних формаций, трудно переоценить; однако он далеко не обладал философским складом ума. Он был очень добросердечен и чрезвычайно старался оказать услугу любому человеку. Размеры, до которых доходило у него преклонение перед общественным положением человека, были смехотворны, и он проявлял это чувство и свое тщеславие с непосредственностью ребенка. Как-то он с необычайным ликованием рассказал в залах Геологического общества большому кругу людей, среди которых было много и не очень близко ему знакомых, как царь Николай, будучи в Лондоне, погладил его по плечу и сказал, имея в виду его геологические труды, «Мой друг, Россия благодарна вам!»; затем, потирая руки, Мурчисон добавил: «Самое лучшее было то, что принц Альберт [126] слышал все это». Однажды он сообщил Совету Геологического общества, что его большое сочинение о силурийских отложениях вышло, наконец, в свет; затем он посмотрел на всех присутствующих и сказал, словно бы это было [для них] вершиной славы: «Каждый из вас до единого найдет свое имя в указателе [к книге]».

Часто встречался я с Робертом Броуном — этим «facile Princeps Botanicorum» [127], как его назвал Гумбольдт; до того,

как я женился, я посещал его по утрам почти каждое воскресенье, подолгу просиживая с ним. Самой замечательной чертой его казалась мне детальность его наблюдений и их полная точность. Он никогда не обсуждал со мною каких-либо обширных ⟨философских⟩ научных биологических вопросов. Знания его были исключительно обширны, но многое умерло вместе с ним из-за его крайней боязни в чем-либо ошибиться. Без всякой скрытности он выкладывал мне свои сведения, но к некоторым вещам относился удивительно ревниво. Еще до путешествия на «Бигле» я был у него раза два или три, и однажды он предложил мне посмотреть в микроскоп и описать то, что я увижу. Я сделал это, и теперь я думаю, что это было поразительное явление движения протоплазмы в какой-то растительной клетке. Но тогда я спросил его, что ж это такое я видел, и он ответил мне (а ведь я был тогда всего лишь мальчиком и мне предстояло покинуть вскоре Англию на пять лет): «Это мой маленький секрет!» Полагаю, что он боялся, как бы я не украл у него его открытие. Гукер говорил мне, что Броун был отчаянным скрягой — и сам знал, что он скряга, — в отношении своих гербарных растений: он отказывался одолжить Гукеру свои экземпляры, когда тот описывал растения Огненной Земли, хотя отлично знал, что сам он никогда не займется обработкой какой-либо коллекции [гербарных растений] этой страны.

С другой стороны, он был способен на самые великодушные поступки. В старости, когда здоровье его было сильно расшатано и он совершенно не переносил никакого напряжения сил, он (как рассказывал мне Гукер) ежедневно навещал жившего довольно далеко от него своего старого слугу, которого он поддерживал, и читал ему вслух. Этого достаточно, чтобы примириться с любой степенью научной скаредности и подозрительности. Он был склонен подсмеиваться над людьми, которые пишут о вещах, не вполне понятных им; помню, что, когда я расхваливал ему «Историю индуктивных наук» Юэлла [128], он заметил: «Да! Думаю, что он прочитал предисловия к очень многим книгам».

В то время, когда я жил в Лондоне, я часто встречался с Оуэном[129] и очень им восхищался, но я никогда не способен был раскусить его и так и не мог установить с ним близких отношений. После выхода в свет «Происхождения видов» он стал моим злейшим врагом, но не из-за какой-нибудь ссоры между нами, а насколько я могу судить — из зависти к успеху «Происхождения». Бедный дорогой Фоконер[130], — этот очаровательнейший человек, — был очень плохого мнения об Оуэне: он был убежден, что Оуэн не только честолюбив, крайне завистлив и высокомерен, но и неправдив и недобросовестен. В способности ненавидеть Оуэн был безусловно непревзойден. Когда в былые времена я пытался защищать Оуэна, Фоконер не раз говорил: «Когда-нибудь вы разгадаете его!» И так оно и случилось.

В период, несколько более поздний, я очень сблизился с Гукером[131], который оставался одним из моих лучших друзей в продолжение всей жизни. Он восхитительный товарищ и в высшей степени добросердечен. Можно сразу же видеть, что он благороден до мозга костей. Он обладает очень острым умом и большой способностью к обобщению. Он самый неутомимый работник, какого мне когда-либо приходилось видеть: он способен весь день просидеть за микроскопом, не переставая работать, а вечером быть столь же свежим и приятным, как всегда. Он во всех отношениях чрезвычайно впечатлителен, а иногда бывает вспыльчивым, но облака почти немедленно рассеиваются. Однажды он прислал мне крайне сердитое письмо, и гнев его был вызван причиной, которая постороннему человеку должна показаться до нелепого незначительной: дело в том, что одно время я поддерживал глупую идею, согласно которой наши каменноугольные растения обитали в море в мелководной зоне. Его негодование было тем бо́льшим, что он не мог допустить, чтобы когда-либо он в состоянии был заподозрить, что мангровы (и немногие другие морские растения, названные мною) были обитателями моря, если бы они были известны нам в одном только ископаемом состоянии. В другой раз он пришел почти в такое же негодование из-за того,

что я с презрением отвергнул представление, по которому между Австралией и Южной Америкой некогда простирался материк. Вряд ли я знал человека более привлекательного, чем Гукер.

Несколько позже я сблизился с Гёксли[132]. Он обладает умом столь же ярким, как вспышка молнии, и столь же острым, как бритва. Он лучший собеседник, какого я когда-либо знал. Он никогда ничего не говорит, никогда ничего не пишет вяло. Судя по его разговору, никто не заподозрил бы, что он умеет расправляться со своими противниками в столь резкой форме, как он способен делать и действительно делает это. Он — мой самый сердечный друг и всегда готов взять на себя любые хлопоты для меня. Он — главный в Англии поборник принципа постепенной эволюции органических существ. Как ни блестяща работа, которую он осуществил в зоологии, он сделал бы гораздо больше, если бы не должен был так широко расточать свое время на официальную и литературную деятельность и на усилия по улучшению преподавания в нашей стране. Думаю, он позволит мне напомнить ему об одном случае: много лет назад мне доставляло сожаление то обстоятельство, что Гёксли нападает на столь многих ученых, хотя я считал, что в каждом отдельном случае он был прав,— и именно это я сказал ему; он с негодованием отрицал это обвинение, и я ответил, что очень рад слышать, что я ошибся. Мы говорили тогда об его вполне обоснованных нападках на Оуэна. Спустя некоторое время я сказал: «Как хорошо вы разоблачили белемнитов Эренберга»[133]; он согласился и добавил, что в интересах науки необходимо, чтобы подобные ошибки были раскрыты. Еще через некоторое время я добавил: «Бедный Агассиц![134]. Не поздоровилось же ему, когда он попал к вам в руки». Затем я упомянул еще одно имя, и тогда его блестящие глаза метнули на меня проницательный взгляд, он разразился хохотом и как-то по особому выругался по моему адресу. Он блестящий человек и хорошо поработал на благо человечества.

Могу упомянуть здесь еще о нескольких выдающихся людях, с которыми я изредка встречался, но о них я могу сказать

мало такого, что заслуживало бы упоминания. Я испытывал чувство глубокого уважения к сэру Дж. Гершелю [135], и мне доставило большое удовольствие отобедать у него в его прелестном доме на Мысе Доброй Надежды, а впоследствии и в его лондонском доме. Встречался я с ним также и в нескольких других случаях. Он никогда не говорил много, но каждое произнесенное им слово заслуживало того, чтобы быть выслушанным. Он был очень застенчив, и часто выражение лица у него было страдальческим. Лэди Катерина (?) Бел, у которой я обедал на Мысе Доброй Надежды, очень восхищалась Гершелем, но говорила, что он всегда входит в комнату с таким видом, будто он знает, что у него руки не вымыты, и при этом он знает также, что жене его известно, будто они действительно грязные.

Однажды на завтраке у сэра Р. Мурчисона я встретился с прославленным Гумбольдтом [136], который оказал мне честь, выразив желание повидаться со мной. Великий человек немного разочаровал меня, но мои ожидания были, вероятно, слишком преувеличены. У меня не сохранилось никаких отчетливых воспоминаний о нашей беседе, за исключением того, что Гумбольдт был очень весел и много говорил.

Довольно часто я посещал Баббеджа [137] и постоянно бывал на его знаменитых вечерах. Он был умен, и его стоило послушать, но он производил впечатление разочарованного, неудовлетворенного человека, и часто или даже обычно у него было угрюмое выражение лица. Не думаю, однако, чтобы он и наполовину был таким сердитым, каким хотел казаться. Однажды он сказал мне, что изобрел эффективный способ прекращать любой пожар, но добавил при этом: «Я не опубликую его, пусть все они пропадут, пусть сгорят все их дома!» «Все» — это были жители Лондона. В другой раз он рассказал мне, что видел в Италии у обочины одной дороги насос с благочестивой надписью, гласившей, что владелец устроил этот насос из любви к богу и родине, дабы усталые путники могли напиться. Это побудило Баббеджа внимательно осмотреть насос, и он сразу же установил, что путник, накачивая немного воды для себя, одновременно накачивал гораздо большее количество

для дома владельца. Баббедж добавил: «Есть только одна вещь, которую я ненавижу еще сильнее, чем набожность: это — патриотизм». Но я думаю, что он больше бранился, чем сердился на самом деле.

Герберт Спенсер [138] казался мне очень интересным как собеседник, но он не особенно нравился мне, и я чувствовал, что мы с ним никогда не могли бы легко сблизиться. Думаю, что он был в высшей степени эгоцентричен. Прочитав какую-либо из его книг, я обычно испытывал восторженное восхищение перед его необыкновенными талантами, часто пытаясь вообразить себе, будет ли он в отдаленном будущем поставлен в один ряд с такими людьми, как Декарт, Лейбниц и другие, относительно которых, однако, я очень мало осведомлен. И тем не менее, у меня нет такого чувства, что я извлек из сочинений Спенсера какую-либо пользу для моих собственных трудов. Его дедуктивный метод трактовки любого вопроса совершенно противоположен строю моего ума, и прочитав какое-либо из его рассуждений, я снова и снова говорил самому себе: «Да ведь это было бы превосходным объектом на десяток лет работы». Должен сказать, что его фундаментальные обобщения (которые некоторыми лицами сравнивались по их значению с законами Ньютона!), быть может, и представляют большую ценность с философской точки зрения, но по своему характеру не кажутся мне имеющими сколько-нибудь серьезное научное значение. Характер их таков, что они напоминают скорее [простые] определения, нежели [формулировки] законов природы. Они не могут оказать никакой помощи в предсказании того, что должно произойти в том или ином частном случае. Как бы то ни было, но мне они не принесли никакой пользы.

Этот мой рассказ о Спенсере приводит мне на память Бокля [139], которого я однажды встретил у Генсли Веджвуда [140]. Я был очень рад узнать от него об его системе собирания фактов. Он рассказал мне, что покупает все книги, которые намерен прочитать, и составляет к каждой полный указатель фактов, которые, как ему кажется, могут оказаться полезными для него, и что он всегда может вспомнить, в какой книге он про-

читал то или другое, ибо память у него замечательная. Я спросил его, как он может заранее судить о том, какие факты ему могут понадобиться в будущем, и он ответил на это, что сам не знает, но что им руководит какой-то инстинкт. Благодаря этой привычке составлять указатели он и оказался в состоянии привести поразительное количество ссылок по самым различным вопросам, которое мы находим в его «Истории цивилизации [в Англии]». Книга эта казалась мне очень интересной, и я прочитал ее дважды, но я сомневаюсь в том, что обобщения Бокля чего-нибудь стоят. Г. Спенсер говорил мне, что он никогда не прочитал ни одной строки его! Бокль был мастер поговорить, и я слушал его, почти ни слова не произнеся сам, да я и не мог бы сделать это, потому что пауз в его речи не было. Когда Эффи[141] начала петь, я вскочил и сказал, что должен ее послушать. Это, я думаю, обидело его, ибо после того, как я отошел, он повернулся к одному своему приятелю и сказал (брат мой случайно услыхал его слова): «Ну, книги мистера Дарвина куда лучше, чем его разговор!»

Из других крупных представителей литературы я встретился однажды в доме декана Милмена с Сиднеем Смитом[142]. В каждом его слове было что-то необъяснимо забавное. Быть может, это получалось отчасти по той причине, что от него заранее ждали какого-нибудь веселого словца. Он говорил о лэди Корк, которая была тогда очень стара. Эта лэди, сказал он, была однажды так тронута одной из его благотворительных проповедей, что *одолжила* у одной своей знакомой гинею, чтобы положить ее на тарелку для бедных. Затем он добавил: «Обычно все находят, что моя старая приятельница лэди Корк не оценена по заслугам!», но сказал он это так, что ни у кого не осталось ни малейшего сомнения в том, будто он сказал, что его старая приятельница не оценена по заслугам дьяволом. Каким образом удалось ему создать такое впечатление, я не знаю.

Встретился я однажды и с Маколеем[143] в доме лорда Станхопа (историка)[144], и так как на обеде, кроме нас, присутствовал только еще один гость, то я имел превосходный случай послушать беседу Маколея, и надо сказать, что он был очень

приятный человек. Говорил он отнюдь не много, да и нельзя сказать о человеке, что он слишком много говорит, раз он предоставляет возможность другим направлять беседу по любому руслу, а Маколей именно так и поступал.

Как-то лорд Станхоп сообщил мне одну любопытную деталь, свидетельствующую о точности и богатстве памяти Маколея: в доме лорда Станхопа часто собиралось много историков; обсуждая разные вопросы, они иногда расходились во мнениях с Маколеем, и если в первое время они часто наводили справки в какой-нибудь книге, чтобы выяснить, кто из них был прав, то впоследствии, как заметил лорд Станхоп, ни один историк уже не доставлял себе этого труда, и то, что сказал Маколей, считалось окончательным.

В другой раз я познакомился в доме лорда Станхопа с одной из посещавших его групп историков и литераторов, и среди них с Мотли и Гротом [145]. После завтрака я почти целый час прогуливался с Гротом по Чивнинг-Парку,— я был очень заинтересован беседой с ним и очарован его простотой и отсутствием какой бы то ни было претенциозности в его манерах. Во время завтрака в доме лорда Станхопа в Лондоне я познакомился с рядом других видных людей. Когда завтрак подходил к концу, вошел Монктон Милнс (племянник лорда Станхопа) и, поглядев на всех вокруг, воскликнул (оправдывая данное ему Сиднеем Смитом прозвище «Вечерний холодок»): «Должен заявить, что все вы крайне несвоевременны».

В былые годы мне случалось обедать со старым графом — отцом историка. Я слыхал, что его отец, хорошо известный в эпоху Французской революции своими демократическими убеждениями, обучил своего сына ремеслу кузнеца, ибо, как он заявлял, каждый человек должен владеть каким-нибудь ремеслом. Старый граф, с которым я был знаком, был странный человек, но на основании того немногого, что я сам мог видеть, он очень нравился мне. Он отличался искренностью, веселым нравом и был приятен в обращении. У него были резкие черты лица и коричневого цвета кожа, и, сколько я его ни видел, одет он был всегда во все коричневое. По-видимому, он верил во все

то, что другим казалось совершенно невероятным. Однажды он сказал мне: «Почему вы не бросите все эти ваши геологические и зоологические пустяки и не займетесь оккультными науками?» Историк, именовавшийся тогда лордом Мэхоном, был, по-видимому, смущен такого рода обращением ко мне, но его очаровательную жену оно сильно насмешило.

Последний, о ком мне хочется упомянуть, это — Карлейль [146]. Я встречался с ним несколько раз в доме моего брата, а раза два или три он бывал и у меня. Говорил он очень красочно и интересно, так же как и писал, но иногда — слишком долго об одном и том же. Помню один забавный обед у моего брата, на котором в числе немногих других гостей были Баббедж и Лайелль — оба любившие поговорить. Но Карлейль заставил молчать обоих, разглагольствуя в продолжение всего обеда о преимуществах молчания. После обеда Баббедж с самым мрачным видом поблагодарил Карлейля за его крайне интересную лекцию о молчании.

Не было почти ни одного человека, над которым Карлейль не издевался бы. Однажды, находясь у меня, он назвал «Историю» Грота «вонючим болотом, в котором нет ничего одухотворенного». Пока не появились его «Воспоминания», мне все казалось, что издевки его, — отчасти, по крайней мере, — не более, чем шутки, но теперь я склонен сильно сомневаться в этом. У него было выражение лица подавленного, почти совсем павшего духом, но доброжелательного человека, и хорошо известно, как он умел от души смеяться. Думаю, что доброжелательность его была искренней, хотя ее портила не малая примесь зависти. Не подлежит никакому сомнению его необычайная способность живописать события и людей, причем, как мне кажется, гораздо более ярко, чем любой образ, созданный Маколеем. Иной вопрос, верны ли его изображения людей.

Он был всемогущ, когда хотел запечатлеть в человеческих умах некоторые великие истины морали. И вместе с тем, его взгляды на рабство были возмутительны. В его глазах сила была правом. Ум его казался мне очень узким, если даже не принимать во внимание естествознание, все отрасли которого

он презирал. Меня удивляет, что Кингсли[147] мог говорить о нем как о человеке, который был вполне способен содействовать развитию науки. Презрительный смех вызвало у него утверждение, что математик Юэлл может судить,— а я утверждал, что может,— о воззрениях Гёте на [природу] света. Ему казалось страшно смешным, что можно всерьез интересоваться тем, двигался ли ледник несколько быстрее или несколько медленнее и двигался ли он вообще. Насколько я могу судить, никогда не встречал я человека, который по складу своего ума был бы в такой степени неспособен к научному исследованию.

Живя в Лондоне, я по возможности регулярно посещал заседания нескольких научных обществ и исполнял обязанности секретаря Геологического общества. Но и посещения ученых обществ и обычная светская жизнь так плохо отражались на моем здоровье, что мы [т. е. Дарвин и его жена] решили поселиться в деревне, так как оба мы предпочитали деревенскую жизнь, и в этом решении нам никогда не пришлось раскаиваться.

ЖИЗНЬ В ДАУНЕ.— ОПИСАНИЕ ТОГО, КАК ВОЗНИКЛИ МОИ РАЗЛИЧНЫЕ КНИГИ.— ОЦЕНКА МОИХ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Жизнь в Дауне с 14 сентября 1842 г. до настоящего времени (1876 г.).— После того как в течение некоторого времени наши поиски в Суррее и других местах оказались безрезультатными, мы нашли и купили дом, в котором живем теперь. Мне понравилось разнообразие растительности, свойственное меловой местности и столь непохожее на то, к чему я привык в Центральных графствах; еще более понравились мне полное спокойствие и подлинно сельский характер этого места[148]. Однако это вовсе не такое глухое место, каким изображает его какой-то писатель в одном немецком журнале, заявляя, что добраться до моего дома можно только по тропинке, доступной одним мулам! Наше решение поселиться здесь оказалось удивительно удачным в одном отношении, которого мы не могли бы и предвидеть: место это очень удобно для того, чтобы нас



Даун, дом Дарвина. Вид со стороны въезда из деревни.
В первом этаже налево от портика два окна старого кабинета Дарвина, направо — окна нового кабинета

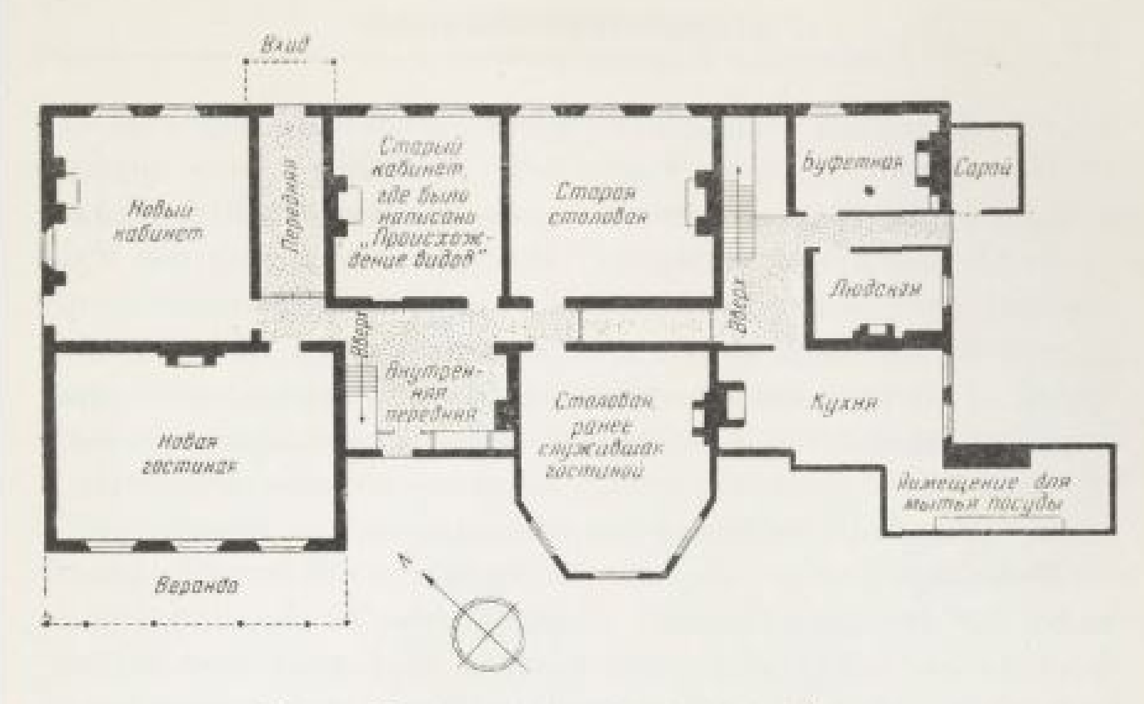
могли часто навещать наши дети, которые никогда не упускают возможности сделать это, если позволяют обстоятельства.

Вероятно, мало кто вел такую уединенную жизнь, как мы. Если не считать непродолжительных поездок в гости к родственникам, редких выездов на взморье или еще куда-нибудь, мы почти никуда не выезжали. В первый период нашего пребывания [в Дауне] мы изредка бывали в обществе и принимали немногих друзей у себя; однако мое здоровье всегда страдало от любого возбуждения — у меня начинались припадки сильной дрожи и рвоты. Поэтому в течение многих лет я вынужден был отказываться решительно от всех званых обедов, и это было для меня известным лишением, потому что такого рода встречи

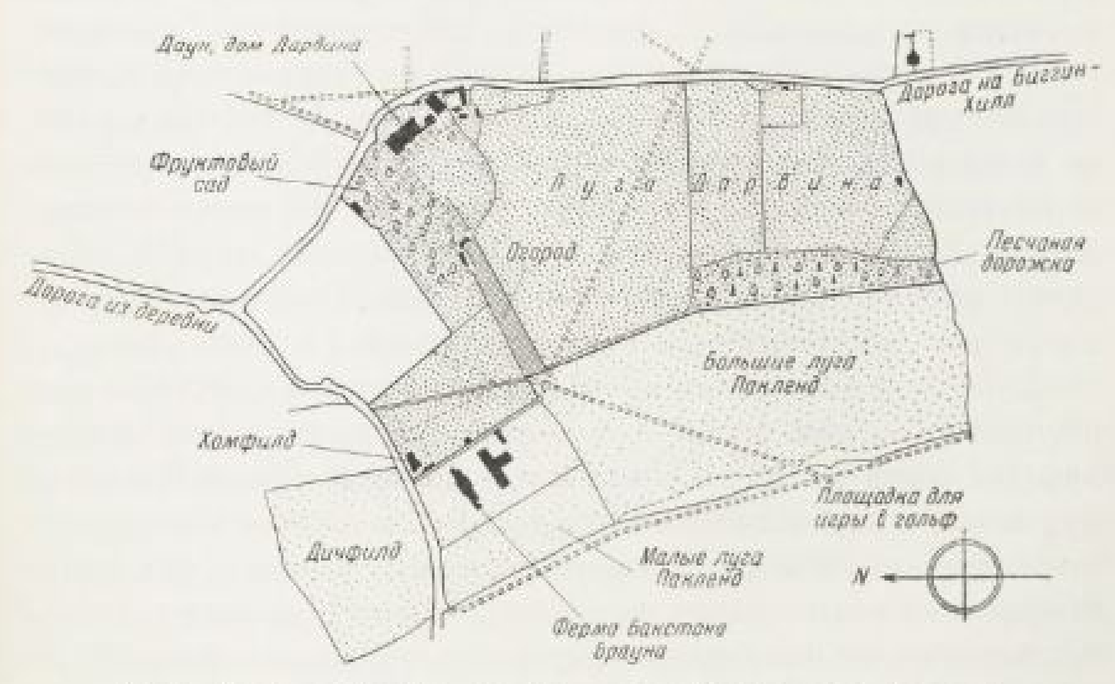
всегда приводили меня в прекрасное настроение. По этой же причине я мог и сюда в Даун приглашать только очень немногих ученых, с которыми я был знаком. Пока я был молод и здоров, я был способен устанавливать с людьми очень теплые отношения, но в позднейшие годы, хотя я все еще питаю очень дружеские чувства по отношению ко многим лицам, я потерял способность глубоко привязываться к кому бы то ни было, и даже к моим добрым и дорогим друзьям Гукеру и Гёксли я привязан уже не так глубоко, как в былые годы. Насколько я могу судить, эта прискорбная утрата чувства [привязанности] развивалась во мне постепенно — вследствие того, что я опасался утомления, и вследствие [действительно наступавшего] изнеможения, которое подконец сочеталось в моем представлении со встречей и разговором в течение какого-нибудь часа с кем бы то ни было, за исключением моей жены и детей.

Главным моим наслаждением и единственным занятием в течение всей жизни была научная работа, и возбуждение, вызываемое ею, позволяет мне на время забывать, а то и совсем устраняет мое постоянное плохое самочувствие. Мне нечего поэтому рассказать о всех дальнейших годах моей жизни, кроме сведений о публикации нескольких моих книг. Может быть, некоторые подробности, касающиеся истории их возникновения, заслуживают того, чтобы остановиться на них.

Мои печатные труды. — В начале 1844 г. были опубликованы мои наблюдения над вулканическими островами, посещенными во время путешествия на «Бигле». В 1845 г. я затратил много труда на подготовку нового издания моего «Дневника изысканий», который первоначально был опубликован в 1839 г. в виде одной из частей труда Фиц-Роя. Успех этого первого моего литературного детища все еще доставляет моему тщеславию большее удовольствие, чем успех какой-либо другой из моих книг. Даже по сей день в Англии и Соединенных Штатах имеется постоянный спрос на эту книгу; она была вторично переведена на немецкий язык, ее перевели также на французский и другие языки. Такой успех книги о путешествии, и притом — о научном путешествии, спустя столько лет после пер-



Даун. План первого этажа дома Дарвина.
Комнаты слева (новые кабинет и гостиная)—пристройка 1877 г.



Даун. План земельного участка, принадлежавшего Дарвину и его ближайшим соседям

первого ее издания, вызывает удивление. В Англии разошлось 10000 экземпляров 2-го издания [149]. В 1846 г. была опубликована моя работа «Геологические наблюдения в Южной Америке». В небольшом дневнике, который я постоянно вел [150], я записал, что три мои книги по геологии (включая «Коралловые рифы») потребовали четырех с половиною лет непрерывного труда, «а теперь прошло уже десять лет со времени моего возвращения в Англию. Сколько же времени потерял я из-за болезни!» Об этих трех книгах мне нечего сказать, кроме того, что, к моему удивлению, недавно потребовалось новое издание их [151].

В октябре 1846 г. я начал работать над «Усоногими [раками]». Во время пребывания на побережье Чили я нашел чрезвычайно любопытную форму, которая вбуравливается в раковины Concholepas [152]; она настолько сильно отличается от всех других усоногих, что мне пришлось для этой единственной формы создать новый подотряд [153]. Недавно родственный род сверлящих [усоногих] был найден у берегов Португалии. Чтобы разобраться в строении моей новой формы усоногих, я занялся изучением и анатомированием ряда обычных форм, и это постепенно привело меня к исследованию всей группы. В течение восьми лет я непрерывно работал над этим предметом и в конце концов издал два толстых тома, содержащих описание всех известных современных видов, и два тонких in quarto о вымерших видах. Не сомневаюсь, что сэр Э. Литтон-Булвер [154], выведя в одном из своих романов профессора Лонга, который написал два увесистых тома о ракушках, имел в виду меня.

Хотя я занимался этим трудом в продолжение восьми лет, но, как я отмечаю в своем Дневнике, около двух лет из этого времени были потеряны мною из-за болезни. Именно по этой причине я поехал в 1848 г. на несколько месяцев в Молверн [155], чтобы провести там курс гидропатического лечения; оно подействовало на меня очень хорошо, так что, вернувшись домой, я оказался в состоянии вновь приступить к работе. Однако здоровье мое было настолько плохо, что, когда 13 ноября 1848 г. умер мой дорогой отэц, я не мог ни присутствовать на его похоронах, ни выполнить обязанности одного из его душеприказчиков.

Думаю, что мой труд об усоногих раках имеет немалую ценность, так как, помимо того, что я описал несколько новых и замечательных форм, я выяснил гомологию различных частей [их тела], открыл цементный аппарат,— хотя ужасно напутал с цементными железами [156],— и, наконец, доказал существование у определенных родов мельчайших дополнительных самцов, паразитирующих на гермафродитных особях [157]. Это последнее открытие в конце концов полностью подтвердилось, хотя однажды какому-то немецкому автору вздумалось нацело приписать его моему плодовитому воображению [158]. Усоногие представляют собой сильно варьирующую и трудно поддающуюся классификации группу видов, и мой труд оказал мне весьма большую пользу при обсуждении в «Происхождении видов» принципов естественной классификации. И тем не менее я сомневаюсь в том, стоило ли затрачивать на этот труд так много времени.

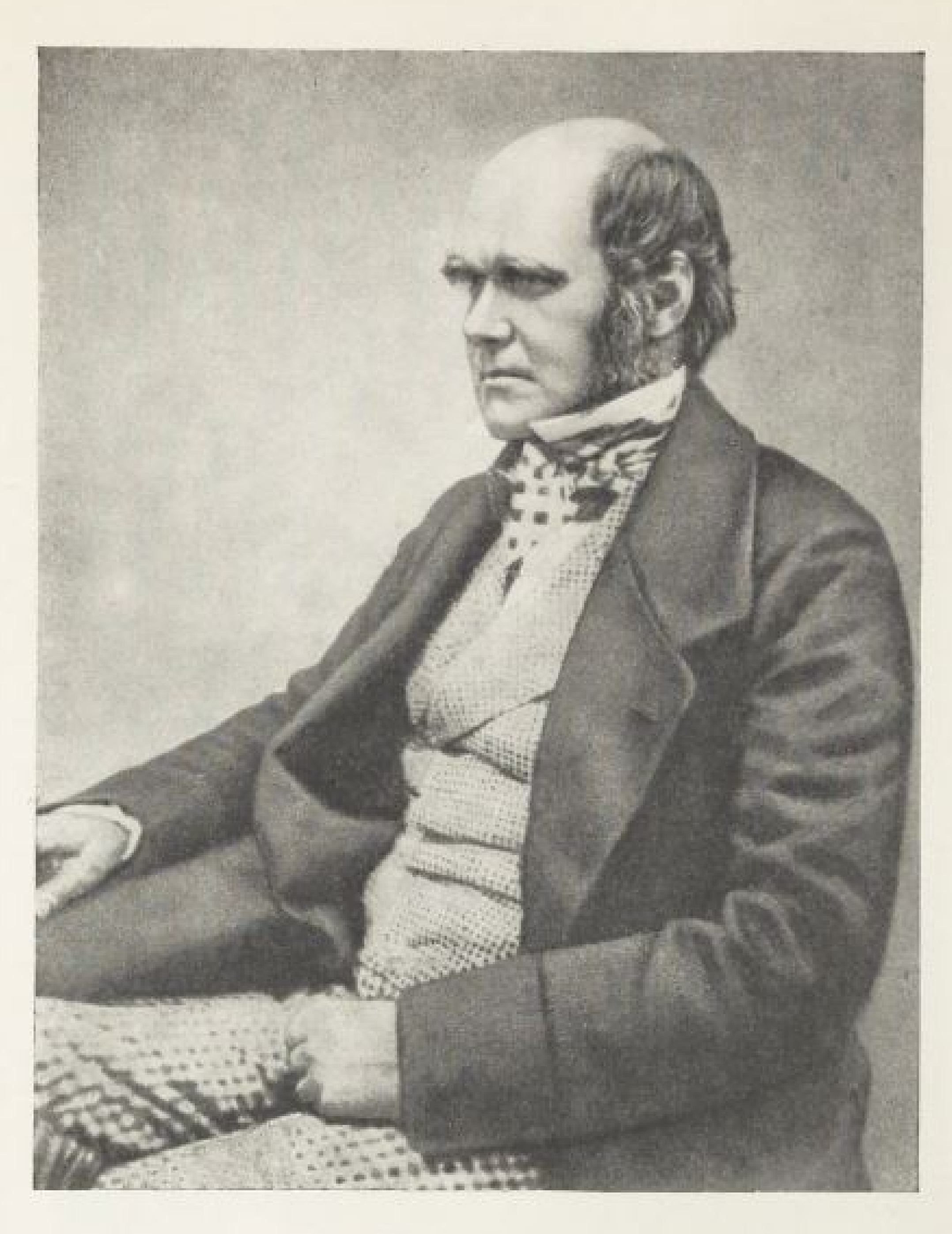
Начиная с сентября 1854 г. я посвящал все свое время приведению в порядок гигантской массы заметок, а также наблюдениям и экспериментам по вопросу о трансмутации видов. Во время путешествия на «Бигле» на меня произвели глубокое впечатление, [во-первых], открытие в пампасской формации [Патагонии] гигантских ископаемых животных, которые были покрыты панцырем, сходным с панцырем современных броненосцев, во-вторых, то обстоятельство, что по мере продвижения по материку [Южной Америки] в южном направлении близко родственные [виды] животных определенным образом замещают одни других, и в-третьих, южно-американский характер большинства обитателей Галапагосского архипелага, в особенности же тот факт, что [близко родственные] виды различных островов архипелага известным образом незначительно отличаются друг от друга; [при этом] ни один из островов [архипелага] не является, по-видимому, очень древним в геологическом смысле [159].

Было очевидно, что такого рода факты, так же как и многие другие, можно было объяснить [только] на основании предположения, что виды постепенно изменялись, и проблема эта стала преследовать меня. Однако в равной мере было очевидно и

то, что ни действие окружающих условий, ни воля организмов (особенно, когда идет речь о растениях) не в состоянии объяснить бесчисленные случаи превосходной приспособленности организмов всякого рода к их образу жизни, например, приспособленности дятла или древесной лягушки к лазанию по деревьям или приспособленности семян к распространению при помощи крючков или летучек. Меня всегда крайне поражали такого рода приспособления, и мне казалось, что до тех пор, пока они не получат объяснения, почти бесполезно делать попытки обосновать при помощи косвенных доказательств тот факт, что виды [действительно] изменялись.

После того как я вернулся в Англию, у меня явилась мысль, что, следуя примеру Лайелля в геологии и собирая все факты, которые имеют хотя бы малейшее отношение к изменению животных и растений в культурных условиях и в природе, удастся, быть может, пролить некоторый свет на всю проблему в целом. Моя первая записная книжка была начата в июле 1837 г.[160] Я работал подлинно бэконовским методом [161] и, без какой бы то ни было [заранее созданной] теории, собирал в весьма обширном масштабе факты, особенно — относящиеся к одомашненным организмам, путем просмотра печатных материалов, в беседах с искусными животноводами и растениеводами-садоводами, и очень много читая. Когда я просматриваю список всякого рода книг, включая сюда целые серии журналов и трудов [ученых обществ], которые я прочитал и из которых сделал извлечения, я сам поражаюсь своему трудолюбию. Вскоре я понял, что краеугольным камнем успехов человека в создании полезных рас животных и растений был отбор. Однако в течение некоторого времени для меня оставалось тайной, каким образом отбор мог быть применен к организмам, живущим в естественных условиях.

В октябре 1838 г., т. е. спустя пятнадцать месяцев после того, как я приступил к своему систематическому исследованию, я случайно, ради развлечения, прочитал книгу Мальтуса «О народонаселении» и так как благодаря продолжительным наблюдениям над образом жизни животных и растений я был хорошо подготовлен к тому, чтобы оценить [значение] повсеместно про-



Ч. Дарвин
в годы создания им «Происхождения видов».
По фотографии, снятой в 1860 г.
(примерно с 1866 г. он начал отращивать себе бороду)



Даун. Старый кабинет Дарвина, где было написано «Происхождение видов» в 1858—1859 гг.

исходящей борьбы за существование, меня сразу поразила мысль, что при таких условиях благоприятные изменения должны иметь тенденцию сохраняться, а неблагоприятные — уничтожаться. Результатом этого и должно быть образование новых видов. Теперь, наконец, я обладал теорией, при помощи которой можно было работать [162], но я так сильно стремился избежать всякого предубеждения, что решил в течение некоторого времени не составлять в письменной форме даже самого краткого очерка ее. В июне 1842 г. я впервые решил доставить себе удовлетворение и набросал карандашом на 35-ти страницах очень краткое резюме моей теории; в течение лета 1844 г. я расширил это резюме до очерка на 230-ти страницах, который я тщательно переписал и храню у себя до настоящего времени [163].

Но в то время я упустил из виду одну проблему, имеющую огромное значение, и меня изумляет,— если только не вспомнить анекдота о колумбовом яйце,— каким образом я мог не обратить внимания как на самую проблему, так и на путь к ее разрешению. Проблема эта — тенденция органических существ, происходящих от одного и того же корня, расходиться — по мере того, как они изменяются,— в своих признаках. Тот факт, что они значительно разошлись, с очевидностью следует из принципа, на основании которого мы в состоянии всевозможные виды классифицировать в роды, роды — в семейства, семейства — в подотряды и так далее; я точно помню то место дороги, по которой я проезжал в карете, где, к моей радости, мне пришло в голову решение этой проблемы; это было много времени спустя после моего переезда в Даун. Решение это, как я полагаю, состоит в том, что измененное потомство всех господствующих и количественно возрастающих форм имеет тенденцию приспособиться к многочисленным и чрезвычайно разнообразным [по своим условиям] местам в экономии природы [164].

В начале 1856 г. Лайелль посоветовал мне изложить мои взгляды с достаточной подробностью, и я сразу же приступил к этому в масштабе, в три или четыре раза превышавшем объем, в который впоследствии вылилось мое «Происхождение видов»,— и все же это было только извлечение из собранных мною

материалов. Придерживаясь этого масштаба, я проделал около половины работы, но план мой был полностью расстроен, когда в начале лета 1858 г. м-р Уоллес, который находился тогда на [островах] Малайского архипелага, прислал мне свой очерк «О тенденции разновидностей к неограниченному отклонению от первоначального типа», очерк, содержавший в точности ту же теорию, что и моя. М-р Уоллес выразил желание, чтобы я — в случае, если я отнесусь одобрительно к его очерку, — переслал его для ознакомления Лайеллю.

Обстоятельства, при которых я согласился, по предложению Лайелля и Гукера, на опубликование извлечения из моей рукописи [1844 г.] и моего письма к Аза Грею [165] от 5 сентября 1857 г. одновременно с очерком Уоллеса, изложены в «Journal of the Proceedings of the Linnean Society» за 1858 год, стр. 45 [166]. Сначала мне очень не хотелось идти на это: я полагал, что м-р Уоллес может счесть мой поступок совершенно непозволительным, — я не знал тогда, сколько великодушия и благородства в характере этого человека. Ни извлечение из моей рукописи, ни письмо к Аза Грею не предназначались для печати и были плохо написаны. Напротив, очерк м-ра Уоллеса отличался прекрасным изложением и полной ясностью. Тем не менее, наши изданные совместно работы привлекли очень мало внимания, и единственная заметка о них в печати, которую я могу припомнить, принадлежала профессору Хоутону из Дублина, приговор которого сводился к тому, что все новое в них неверно, а все верное — не ново [167]. Это показывает, насколько необходимо любую новую точку зрения разъяснить с надлежащей подробностью, чтобы привлечь к ней всеобщее внимание.

В сентябре 1858 г. я принялся, по настоятельному совету Лайелля и Гукера, за работу по подготовке тома о трансмутации видов, но работа часто прерывалась болезнью и непродолжительными поездками в прелестную гидропатическую лечебницу доктора Лэйна в Мур-Парке [168]. Я сократил рукопись, начатую в значительно большем масштабе в 1856 г., и завершил книгу, придерживаясь этого сокращенного масштаба. Это

An abstract of an Essay
on the
Origin
of
Species and Varieties
Through natural Selection
by
Charles Darwin M.A.
Fellow of the Royal, Geological & Linn. Soc.

London

1859

Проект титульного листа «Происхождения видов», собственноручно составленный Ч. Дарвином: «Извлечение из труда о происхождении видов и разновидностей путем естественного отбора. Чарлза Дарвина, М. И., Чл. Корол., Геол. и Лин. обществ. Лондон, 1859»
По настоянию издателя Дж. Мёррея Ч. Дарвин вынужден был отказаться от включения в титул слов «Извлечение из труда»

стоило мне тринадцати месяцев и десяти дней напряженного труда. Книга под титулом «Происхождение видов» была опубликована в ноябре 1859 г. Хотя последующие издания были значительно дополнены и исправлены, в существе своем книга осталась без изменений [169].

Совершенно несомненно, что эта книга — главный труд моей жизни. С первого момента [своего появления] она пользовалась чрезвычайно большим успехом. Первое небольшое издание в 1250 экземпляров разошлось в день выхода в свет, а вскоре после того [было распродано] и второе издание в 3000 экземпляров. До настоящего времени (1876 г.) в Англии разошлось шестнадцать тысяч экземпляров, и если учесть, насколько трудна эта книга для чтения, нужно признать, что это — большое количество. Она была переведена почти на все европейские языки, даже на испанский, чешский, польский и русский [170]. По словам мисс Бэрд, она была переведена также на японский язык и широко изучается в Японии [171]. Даже на древнееврейском языке появился очерк о ней, доказывающий, что моя теория содержится в Ветхом Завете! [172] Число рецензий было очень большим; в течение некоторого времени я собирал все, что появлялось [в печати] о «Происхождении» и других моих книгах, [тематически] связанных с ним, и число рецензий (не считая появлявшихся в газетах) достигло 265, — тогда я в отчаянии бросил это дело. Появилось и много самостоятельных этюдов и книг по вопросу [об эволюции видов], а в Германии стали ежегодно или раз в два года издавать каталоги или библиографические справочники по «Дарвинизму» [173].

Успех «Происхождения» можно, я думаю, в большой мере приписать тому, что задолго до этой книги я написал два сжатых очерка и что в конечном счете она явилась результатом сокращения гораздо более обширной рукописи, которая, однако, и сама была извлечением [из обширных материалов]. Благодаря этому я имел возможность отобрать наиболее разительные факты и выводы. Кроме того, в течение многих лет я придерживался следующего золотого правила: каждый раз, как мне приходилось сталкиваться с каким-либо опубликованным фактом,

ON

THE ORIGIN OF SPECIES

BY MEANS OF NATURAL SELECTION,

OR THE

PRESERVATION OF FAVOURED RACES IN THE STRUGGLE
FOR LIFE.

BY CHARLES DARWIN, M.A.,

FELLOW OF THE ROYAL, GEOLOGICAL, LINNÆAN, ETC., SOCIETIES;
AUTHOR OF 'JOURNAL OF RESEARCHES DURING H. M. S. BEAGLE'S VOYAGE
ROUND THE WORLD.'

LONDON:
JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.
1859.

The right of Translation is reserved.

Титульный лист первого издания «Происхождения видов», вышедшего 24 ноября 1859 г. в количестве 1250 экземпляров и распроданного полностью в день выхода в свет

новым наблюдением или мыслью, которые противоречили моим общим выводам, я обязательно и не откладывая делал краткую запись о них, ибо, как я убедился на опыте, такого рода факты и мысли обычно ускользают из памяти гораздо скорее, чем благоприятные [для тебя]. Благодаря этой привычке, против моих воззрений было выдвинуто очень мало таких возражений, на которые я [уже заранее] не обратил бы по меньшей мере внимания или не пытался даже найти ответ на них.

Иногда высказывалось мнение, что успех «Происхождения» доказал, что «идея носилась в воздухе» и что «умы людей были к ней подготовлены». Я не думаю, чтобы это было вполне верно, ибо я не раз осторожно нащупывал мнение немалого числа натуралистов, и мне никогда не пришлось встретить ни одного, который казался бы сомневающимся в постоянстве видов. Даже Лайелль и Гукер, хотя и с интересом выслушивали меня, никогда, по-видимому, не соглашались со мною. Один или два раза я пытался объяснить способным людям, что́ я понимаю под Естественным Отбором, но попытки мои были удивительно безуспешны. Я думаю, несомненная истина заключается в том, что в умах натуралистов накопилось бесчисленное количество хорошо установленных фактов, и эти факты готовы были стать на свои места, как только была бы достаточно обоснована какая-либо теория, которая могла бы их охватить. Другим моментом, определившим успех книги, был ее умеренный размер; этим я обязан появлению очерка м-ра Уоллеса; если бы я опубликовал книгу в том объеме, в котором я начал писать ее в 1856 г., она была бы в четыре или в пять раз больше «Происхождения», и у очень немногих хватило бы терпения прочитать ее.

Я много выиграл, промедлив с публикацией книги примерно с 1839 г., когда теория ясно сложилась у меня, до 1859 г., и я ничего не потерял при этом, ибо весьма мало заботился о том, кому припишут больше оригинальности — мне или Уоллесу, а его очерк, без сомнения, помог восприятию теории. Только в одном важном вопросе меня опередили, и мое тщеславие всегда заставляло меня жалеть об этом; вопрос этот — объяснение при помощи ледникового периода наличия одних и тех же видов ра-

стений и некоторых немногочисленных видов животных на отдаленных друг от друга горных вершинах и в полярных областях. Это воззрение так сильно нравилось мне, что я письменно изложил его в развернутом виде, и мне кажется, что Гукер прочитал написанное мною за несколько лет до того, как Э. Форбс опубликовал свой знаменитый мемуар по этому вопросу [174]. Продолжаю думать, что в тех, очень немногих, пунктах, по которым мы с ним разошлись, прав был я. Разумеется, я ни разу не намекнул в печати, что разработал это представление совершенно независимо [от Форбса].

Вряд ли что-либо другое доставило мне — в процессе работы над «Происхождением» — столь большое удовольствие, как объяснение огромного различия, которое существует во многих классах между зародышем и взрослым животным, и близкого сходства между зародышами [различных видов животных] одного и того же класса. Насколько я в состоянии вспомнить, в ранних рецензиях на «Происхождение» не было сделано ни одного замечания относительно этого момента, и я выразил, помнится, свое удивление по этому поводу в одном из писем к Аза Грею. За последние годы некоторые рецензенты стали приписывать эту идею целиком Фрицу Мюллеру и Геккелю [175], которые, несомненно, разработали ее гораздо более полно и в некоторых отношениях более правильно, чем это сделал я. Моих материалов по этому вопросу хватило бы на целую главу, и я должен был развернуть обсуждение его с большей подробностью, ибо очевидно, что мне не удалось произвести впечатление на моих читателей; однако именно тому, кто сумел добиться этого, и должна быть отдана, по моему мнению, вся честь [открытия].

В связи с этим должен заметить, что мои критики почти всегда обращались со мной честно, если оставить в стороне тех из них, которые не обладали научными знаниями, ибо о них не стоит говорить. Мои взгляды нередко грубо искажались, ожесточенно оспаривались и высмеивались, но я убежден, что по большей части все это делалось без вероломства. Должен, однако, сделать исключение в отношении м-ра Майварта [176],

который, как выразился о нем в письме один американец, обращался со мною, как pettifoger или, как сказал Гёксли, «подобно адвокату из Олд-Бейли»[177]. В общем же у меня нет никаких сомнений в том, что слишком часто мои труды расхваливались сверх всякой меры. Я рад, что избегал полемики, и этим я обязан Лайеллю, который еще много лет назад, по поводу моих геологических работ, настоятельно рекомендовал мне никогда не ввязываться в полемику, так как она редко приносит пользу и не стоит той потери времени и того плохого настроения, которые она вызывает [178].

Каждый раз, когда я обнаруживал, что мною была допущена грубая ошибка или что моя работа в том или ином отношении несовершенна, или когда меня презрительно критиковали, или даже тогда, когда меня чрезмерно хвалили, и в результате всего этого я чувствовал себя огорченным, — величайшим утешением для меня были слова, которые я сотни раз повторял самому себе: «Я трудился изо всех сил и старался, как мог, а ни один человек не в состоянии сделать больше этого». Вспоминаю, как, находясь в бухте Доброго Успеха на Огненной Земле, я подумал (и кажется, написал об этом домой), что не смогу использовать свою жизнь лучше, чем пытаясь внести кое-какой вклад в естествознание. Это я и делал по мере своих способностей, и пусть критики говорят, что им угодно, в этом они не смогут разубедить меня.

В течение двух последних месяцев 1859 г. я был всецело занят подготовкой второго издания «Происхождения» и огромной перепиской. 1 января 1860 г. я начал приводить в порядок свои заметки для работы об «Изменениях домашних животных и культурных растений», но она была опубликована только в начале 1868 г.; задержка эта отчасти объясняется то и дело повторявшимися приступами болезни, которая один раз затянулась на семь месяцев, отчасти же — соблазном выступать в печати с работами по другим вопросам, которые в тот или иной момент больше интересовали меня.

15 мая 1862 г. вышла в свет моя небольшая книга «Опыление орхидей»; я потратил на нее десять месяцев труда, но большин-



Книжные полки в новом кабинете Дарвина в Дауне

ство приводимых в ней фактов медленно накапливались в продолжение нескольких предшествовавших лет. В течение лета 1839 г., а быть может, еще и летом предыдущего года, я пришел к необходимости заняться изучением перекрестного опыления цветов: меня побудил к этому вывод, сделанный мною в ходе рассуждений о происхождении видов, а именно, что скрещивание играло важную роль в поддержании постоянства видовых форм.

Я продолжал заниматься этим вопросом то больше, то меньше и в течение летних месяцев ряда следующих лет, но мой интерес к нему особенно возрос после того, как в ноябре 1841 г. я достал и прочитал по совету Роберта Броуна экземпляр замечательной книги Х. К. Шпренгеля «Das entdeckte Geheimniss der Natur»[179]. До 1862 г. я специально изучал на протяжении нескольких лет процесс опыления у наших британских орхидей, и мне казалось, что целесообразнее будет подготовить исчерпывающий (насколько я в состоянии это сделать) трактат об этой группе растений, нежели использовать огромное множество

данных, которые я постепенно собрал [по вопросу об опылении] в отношении других растений.

Решение мое оказалось благоразумным, ибо после выхода в свет моей книги появилось изумительное количество статей и монографических работ об опылении цветов самых различных растений, и работы эти были выполнены гораздо лучше, чем мог бы, вероятно, осуществить это я. Заслуги бедного старого Шпренгеля, так долго остававшиеся незамеченными, теперь, через много лет после его смерти, полностью признаны.

В том же году в «Journal of the Linnean Society» я напечатал статью «О двух формах, или диморфном состоянии, примулы», а на протяжении следующих пяти лет — еще пять статей о диморфных и триморфных растениях [160]. Не думаю, чтобы что-либо еще в моей научной деятельности доставило мне столь большое удовлетворение, как то, что мне удалось выяснить значение строения [цветов] этих растений. В 1838 или 1839 г. я обратил внимание на диморфизм *Linum flavum*, но решил сначала, что это всего лишь случай безразличной изменчивости. Однако, исследуя обычный вид примулы, я обнаружил, что две формы встречаются у нее слишком регулярно и постоянно, чтобы можно было удовлетвориться таким взглядом на них. Вследствие этого у меня явилось почти твердое убеждение в том, что обыкновенные баранчики [*Primula veris*] и первоцвет [*Pr. vulgaris*] находятся на прямой дороге к превращению в двудомные формы и что короткие пестики у одной формы и короткие тычинки у другой имеют тенденцию к тому, чтобы оставаться недоразвитыми. С такой точки зрения и были произведены опыты над этими растениями, но как только было обнаружено, что цветки с короткими пестиками при опылении их пыльцой с коротких тычинок дают больше семян, чем любой другой из четырех возможных союзов, теории недоразвития был нанесен смертельный удар. После некоторых дополнительных опытов стало очевидным, что обе формы,— хотя обе являются вполне выраженными гермафродитами,— относятся друг к другу почти в точности так же, как два пола у любого обыкновенного животного. У Lythrum мы встречаем еще более замечательный



Препаровальная лупа (микроскоп) Дарвина на подоконнике в его кабинете в Дауне

случай, когда в подобном же отношении одна к другой находятся три формы. Впоследствии я установил, что потомство, полученное от союза двух растений, принадлежащих к одной и той же форме, обнаруживает близкую и любопытную аналогию с гибридами, полученными от союза двух различных видов.

Осенью 1864 г. я закончил большую статью о «Лазящих растениях» и послал ее в Линнеевское общество. Работа над этой статьей отняла у меня четыре месяца, а когда я получил ее в корректуре, я до такой степени плохо чувствовал себя, что вынужден был оставить корректурные листы нетронутыми, хотя статья была написана очень плохо, а местами и весьма неясно. Статья мало обратила на себя внимания, но когда в 1875 г. она была исправлена и вышла отдельной книгой, спрос на нее был хороший. Заняться этим вопросом побудила меня небольшая статья Аза Грея о движениях усиков одного тыквенного растения,

опубликованная в 1858 г. Он прислал мне семена, и, вырастив [из них] несколько растений, я был так очарован и вместе с тем охвачен недоумением при виде вращательных движений усиков и стеблей,— движений в сущности очень простых, но на первый [взгляд] кажущихся очень сложными,— что я добыл различные другие виды лазящих растений и принялся за изучение всего вопроса в целом. Он тем более привлекал меня, что я отнюдь не был удовлетворен объяснением, которое давал нам на своих лекциях Генсло, заявлявший, что вьющимся растениям свойственно естественное стремление расти вверх по спирали. Это объяснение оказалось совершенно ошибочным. Некоторые приспособления, обнаруживаемые лазящими растениями, столь же прекрасны, как приспособления орхидей, обеспечивающие перекрестное опыление.

Мой труд «Изменения домашних животных и культурных растений» был начат, как уже указывалось выше, в начале 1860 г., но оставался неопубликованным вплоть до начала 1868 г. Это — огромная книга, и стоила она мне четырех лет и двух месяцев напряженного труда. В ней приведены все мои наблюдения и гигантское количество собранных из различных источников фактов относительно наших домашних организмов. Во втором томе были подвергнуты обсуждению — в той мере, в какой это позволяет современное состояние наших знаний — причины и законы изменчивости, наследственности и т. д. В конце этого труда я привожу свою гипотезу Пангенезиса, которую так основательно разругали. Непроверенная гипотеза представляет небольшую ценность или и совсем не имеет ее; но если со временем кому-нибудь придется заняться наблюдениями, которые могли бы подтвердить какую-нибудь из подобных гипотез, то я окажу ему добрую услугу, так как при помощи моей гипотезы можно связать воедино и сделать понятными поразительное количество изолированных фактов. В 1875 г. вышло второе, значительно исправленное издание, стоившее мне большого труда.

Мой труд «Происхождение человека» был опубликован в феврале 1871 г. Как только я пришел к убеждению, в 1837

или 1838 г., что виды представляют собой продукт изменения, я не мог уклониться от мысли, что и человек должен был произойти в силу того же закона [181]. В соответствии с этим я начал собирать заметки по этому вопросу — для своего собственного удовлетворения, так как в течение долгого времени не имел никакого намерения выступить в печати. Хотя в «Происхождении видов» совершенно не обсуждается происхождение какого-либо отдельного вида, я счел все же за лучшее — дабы ни один добросовестный человек не мог обвинить меня в том, что я скрываю свои взгляды — добавить [слова о том], что благодаря моей работе «будет пролит свет на происхождение человека и его историю». Однако выставлять напоказ свои убеждения в вопросе о происхождении человека, не приведя никаких доказательств, было бы бесполезно, а для успеха книги [о происхождении видов] даже и вредно.

Но когда я увидел, что многие натуралисты полностью приняли учение об эволюции видов, мне показалось целесообразным обработать имевшиеся у меня заметки и опубликовать специальный трактат о происхождении человека. Замысел этот был тем более по душе мне, что он давал мне удобный случай полностью обсудить проблему полового отбора,— проблему, которая всегда очень интересовала меня. Этот вопрос и вопрос об изменениях наших домашних организмов, а также вопросы о причинах и законах изменчивости и наследственности и о перекрестном [опылении] растений — единственные вопросы, которые мне удалось изложить с достаточной полнотой, использовав все собранные мною материалы. «Происхождение человека» я писал три года, но и на этот раз, как обычно, часть времени была потеряна из-за болезни, а часть ушла на подготовку новых изданий [моих книг] и на другие работы меньшего объема. Второе, значительно исправленное издание «Происхождения [человека]» появилось в 1874 г.

Моя книга «О выражении эмоций у людей [человека] и животных» вышла в свет осенью 1872 г. Сначала я имел намерение посвятить этому вопросу только одну главу в «Происхождении человека», но как только я начал приводить в порядок свои

заметки, я увидел, что здесь потребуется особый трактат. Мой первый ребенок родился 27 декабря 1839 г., и я сразу же начал делать заметки о первых проблесках различного рода выражения [эмоций], которые он проявлял, так как уже в тот ранний период я испытывал убеждение, что все самые сложные и тонкие оттенки выражения [эмоций] должны были иметь постепенное и естественное происхождение. В течение лета следующего, 1840-го, года я прочитал замечательный труд сэра Ч. Белла о выражении [эмоций] [182], и это значительно повысило интерес, который я испытывал к данному вопросу, хотя я никак не мог согласиться с мнением сэра Ч. Белла, будто различные мышцы были специально созданы для выражения [тех или иных эмоций]. С тех пор я время от времени занимался этим вопросом применительно как к человеку, так и к нашим домашним животным. Моя книга широко разошлась: 5267 экземпляров были проданы в день ее выхода в свет.

Летом 1860 г. я не работал и поехал отдохнуть близ Хартфилда [183], где в изобилии встречаются два вида росянки [Drosera], и я заметил, что их листья улавливают большое количество насекомых. Я принес домой несколько экземпляров этого растения и, дав им насекомых, увидел движения щупалец; это навело меня на мысль, что насекомые были, возможно, схвачены с какой-то специальной целью. К счастью, мне пришло в голову проделать решающее испытание, поместив большое количество листьев в различные азотистые и не-азотистые жидкости одинаковой плотности, и как только я обнаружил, что только первые вызывают энергичные движения [листьев], стало очевидным, что здесь открывается прекрасное новое поле для исследования.

В последующие годы, как только мне представлялся досуг, я продолжал свои опыты, и в июле 1875 г., то есть через шестнадцать лет после моих первых наблюдений, вышла в свет моя книга о «Насекомоядных растениях». Как случалось и со всеми другими моими книгами, задержка и на этот раз принесла мне большую пользу,— после такого большого промежутка времени можно критически оценить свою работу, отнесясь к ней

почти так же, как если бы она была написана другим человеком. Тот факт, что при надлежащем раздражении растение выделяет жидкость, содержащую кислоту и фермент и вполне аналогичную пищеварительному соку какого-либо животного, представляет собой, несомненно, замечательное открытие.

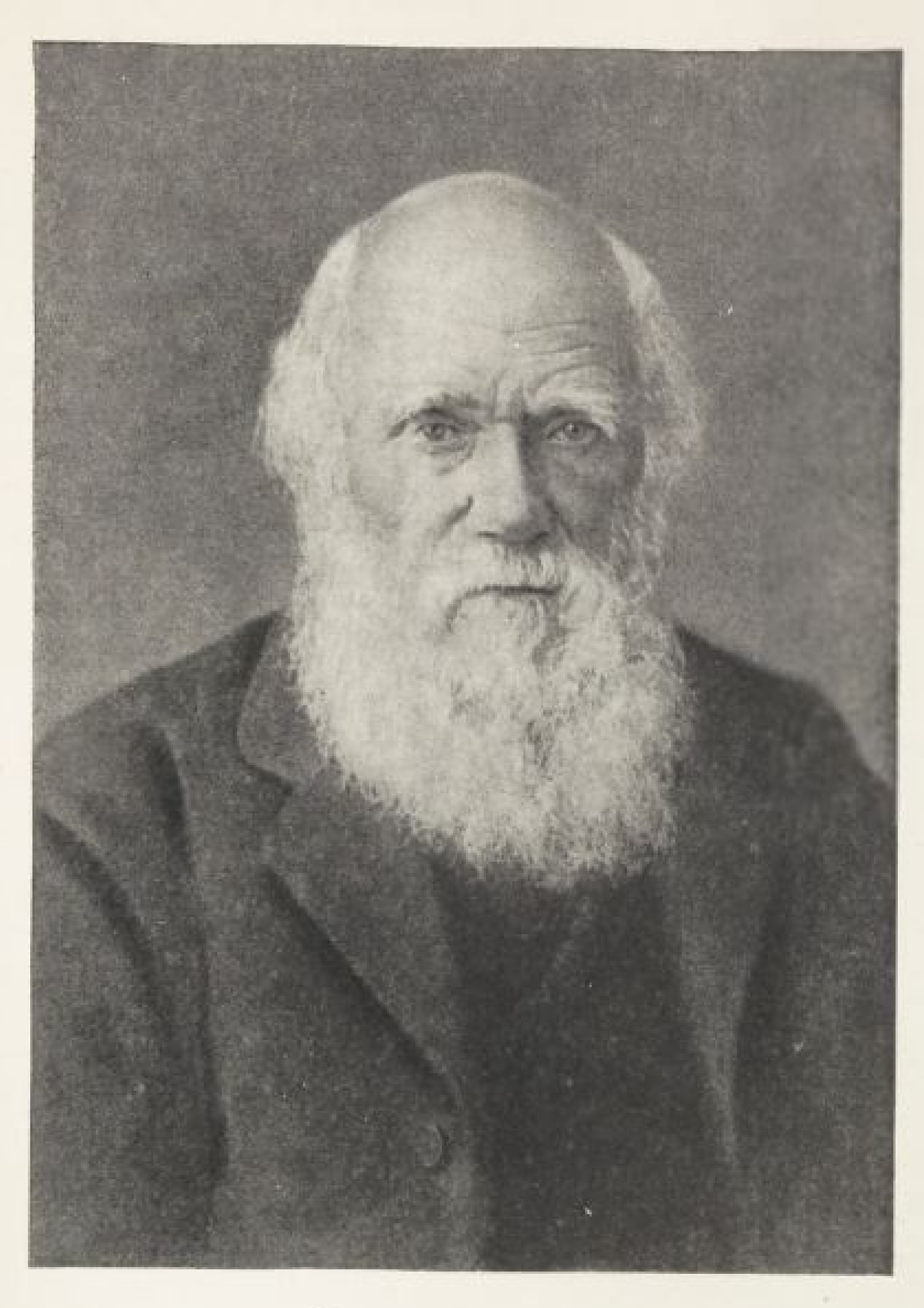
Осенью 1876 г. я выпущу в свет мой труд «Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире». Эта книга составит дополнение к моей работе об «Опылении орхидей», в которой я показал, как совершенны средства к перекрестному опылению; здесь же я покажу, как важны его результаты. К постановке многочисленных, продолжавшихся одиннадцать лет опытов, излагаемых в этой книге, меня побудило одно чисто случайное наблюдение; и действительно, понадобилось, чтобы этот случай повторился, прежде чем мое внимание оказалось полностью прикованным к замечательному факту, который заключается в том, что сеянцы, происходящие от самоопыленных растений, уступают по своей высоте и силе, и притом уже в первом поколении, сеянцам, происходящим от растений, опыленных перекрестно. Надеюсь также вновь выпустить в свет пересмотренное издание моей книги об орхидеях, а в будущем — и мои статьи о диморфных и триморфных растениях, присоединив к ним некоторые дополнительные наблюдения по смежным вопросам, до сих пор не приведенные еще мною в порядок за отсутствием времени. После того, вероятно, силы мои иссякнут, и я готов буду воскликнуть: «Nunc dimittis»[184].

Добавление (*написано 1 мая 1881 г.*).— Книга «Действие перекрестного опыления и самоопыления» вышла в свет осенью 1876 г. Результаты, приведенные в этой книге, объясняют, как мне кажется, бесчисленные и изумительные приспособления к переносу пыльцы с одного растения на другое того же вида. Теперь, однако, я считаю,— главным образом на основании наблюдений Германа Мюллера,— что мне следовало решительнее, чем я это сделал, настаивать на существовании многочисленных приспособлений к самоопылению, хотя я был хорошо осведомлен о большом числе такого рода приспособлений[185].

Значительно расширенное издание моей работы «Опыление орхидей» вышло в 1877 г.

В том же году появилось сочинение «Различные формы цветов и т. д.», а в 1880 г.— второе издание его. Эта книга состоит в основном из нескольких статей о гетеростильных цветках; в статьи эти, первоначально опубликованные Линнеевским обществом, были внесены исправления и дополнения на основании многих новых данных, в том числе — наблюдений над некоторыми другими случаями, когда одно и то же растение приносит цветки двоякого рода. Как уже было отмечено выше, ни одно из моих маленьких открытий не доставило мне такого большого удовольствия, как выяснение значения гетеростильных цветков. Результаты иллегитимного скрещивания такого рода цветков кажутся мне чрезвычайно важными, так как они имеют отношение к вопросу о бесплодии гибридов [186]; между тем только немногие ученые обратили внимание на эти результаты.

В 1879 г. я опубликовал перевод книги д-ра Эрнста Краузе «Жизнь Эразма Дарвина» и дополнил ее очерком о характере и привычках моего деда на основании принадлежащих мне материалов. Эта маленькая биография заинтересовала очень многих лиц, и меня удивляет, что она разошлась всего лишь в количестве 800 или 900 экземпляров. Так как я случайно забыл упомянуть о том, что д-р Краузе расширил и исправил свою статью в Германии еще до того, как она была переведена [на английский язык], м-р Сэмюэл Батлер разразился с почти безумной злобой бранью по моему адресу. Я никогда не мог понять, чем собственно я так жестоко обидел его. Этот инцидент вызвал некоторую полемику в газете «Athenaeum» и в «Nature». Я представил все документы нескольким добросовестным судьям, а именно — Гёксли, Лесли Стивену, Личфилду и другим, и все они единодушно признали, что нападение Батлера было настолько лишено какого бы то ни было основания, что не заслуживает никакого публичного ответа, тем более, что я сразу же выразил м-ру Батлеру свое сожаление по поводу случайно допущенного мною упущения. В утешение Гёксли привел мне



Чарлз Дарвин

По фотографии, снятой около 1880 г.

несколько немецких строк из Гёте, который подвергся нападению со стороны одного лица; содержание их заключалось в том, «что у каждого кита есть своя вошь»[187].

В 1880 г., пользуясь помощью [моего сына] Френка [Френсиса], я опубликовал нашу книгу «Способность к движению у растений». На нее пришлось затратить немало тяжелого труда. Книга эта находится в таком же примерно отношении к моей небольшой книге о «Лазящих растениях», как «Перекрестное опыление» к «Опылению орхидей», ибо невозможно было бы в согласии с принципом эволюции объяснить образование лазящих растений в столь многочисленных и чрезвычайно различных группах, не предположив, что в какой-то слабой степени аналогичного рода способность к движению присуща всем видам растений. Я доказал, что так в действительности и обстоит дело, а затем я пришел к довольно широкому обобщению, а именно, что все обширные и важные группы движений, возбуждаемых светом, силой тяжести и т. д., представляют собой измененные формы одного коренного движения — круговой нутации. Мне всегда бывало приятно повысить растения [в отношении того места, которое они должны занимать] в ряду организованных существ, и поэтому я испытал особое удовольствие, показав, какими многочисленными и изумительно хорошо приспособленными движениями обладает кончик корня.

Сейчас (1 мая 1881 г.) я сдал в печать рукопись небольшой книги об «Образовании растительного слоя земли деятельностью дождевых червей». Вопрос этот не имеет большого значения, и я не знаю, заинтересует ли он читателей[188], но меня он заинтересовал. Книга эта представляет собою развернутое изложение небольшой статьи, доложенной мною в Геологическом обществе более сорока лет назад; она воскресила мои старые мысли по вопросам геологии.

[*1 мая 1881 г.*]

[*Оценка моих умственных способностей*]. — Итак, я перечислил все изданные мною книги, и поскольку они были вехами моей жизни, мне мало что еще остается сказать. Я не

усматриваю какого-либо изменения в складе моего ума за последние тридцать лет, за исключением одного пункта, о котором я сейчас упомяну; да и вряд ли, конечно, можно было ожидать какого-нибудь изменения, разве только — общего снижения сил. Но отец мой дожил до восьмидесяти трех лет, сохранив ту же живость ума, какая всегда была свойственна ему, и все свои способности нисколько не потускневшими; и я надеюсь, что умру до того, как ум мой сколько-нибудь заметно ослабеет. Думаю, что я стал несколько более искусным в умении находить правильные объяснения и придумывать методы экспериментальной проверки, но и это, возможно, является лишь простым результатом практики и накопления более значительного запаса знаний. Как и всегда [в прежнее время], мне очень трудно ясно и сжато выражать свои мысли, и это затруднение стоило мне огромной потери времени; однако в нем имеется и компенсирующее меня преимущество — оно вынуждает меня долго и внимательно обдумывать каждое предложение, а это нередко давало мне возможность замечать ошибки в рассуждении, а также в своих собственных и чужих наблюдениях.

По-видимому, моему уму присуща какая-то роковая особенность, заставляющая меня излагать первоначально мои утверждения и предположения в ошибочной или невразумительной форме. В прежнее время у меня была привычка обдумывать каждую фразу, прежде чем записать ее, но вот уже несколько лет, как я пришел к заключению, что уходит меньше времени, если как можно скорее, самым ужасным почерком и наполовину сокращая слова набросать целые страницы, а затем уже обдумывать и исправлять [написанное]. Фразы, набросанные таким образом, часто оказываются лучше тех, которые я мог бы написать, предварительно обдумав их.

К этим словам о моей манере писать добавлю, что при составлении моих больших книг я затрачивал довольно много времени на общее распределение материала. Сначала я делаю самый грубый набросок в две или три страницы, затем более пространный в несколько страниц, в котором несколько слов или даже одно слово даны вместо целого рассуждения или ряда фак-

тов. Каждый из этих заголовков вновь расширяется и часто переносится в другое место, прежде чем я начинаю писать in extenso [189]. Так как в некоторых из моих книг были очень широко использованы факты, наблюдавшиеся другими лицами, и так как я в одно и то же время всегда занимался несколькими совершенно различными вопросами, то могу упомянуть, что я завел от тридцати до сорока больших папок, которые хранятся в шкафчиках на полках с ярлыками, и в эти папки я могу сразу поместить какую-либо отдельную ссылку или заметку. Я приобретал много книг и в конце каждой из них делал указатель всех фактов, имеющих отношение к моей работе; если же книга не принадлежит мне, я составляю извлечение из нее, — у меня имеется большой ящик, наполненный такими извлечениями. Прежде чем приступить к работе над каким-либо вопросом, я просматриваю все краткие указатели и составляю общий систематический указатель, и, беря одну или несколько соответствующих папок, я имею перед собой в готовом для использования виде сведения, собранные мною в течение моей жизни.

Как я уже сказал, в одном отношении в складе моего ума произошло за последние двадцать или тридцать лет изменение. До тридцатилетнего возраста или даже позднее мне доставляла большое удовольствие всякого рода поэзия, например, произведения Мильтона, Грея, Байрона, Вордсворта, Кольриджа и Шелли, и еще в школьные годы я с огромным наслаждением читал Шекспира, особенно его исторические драмы. Я указывал также, что в былое время находил большое наслаждение в живописи и еще большее — в музыке. Но вот уже много лет, как я не могу заставить себя прочитать ни одной стихотворной строки; недавно я пробовал читать Шекспира, но это показалось мне невероятно, до отвращения скучным. Я почти потерял также вкус к живописи и музыке. Вместо того, чтобы доставлять мне удовольствие, музыка обычно заставляет меня особенно напряженно думать о том, над чем я в данный момент работаю. У меня еще сохранился некоторый вкус к красивым картинам природы, но и они не приводят меня в такой чрезмерный восторг, как в былые годы. С другой стороны, романы, которые

являются плодом фантазии, хотя и фантазии не очень высокого порядка, в течение уже многих лет служат мне чудесным источником успокоения и удовольствия, и я часто благословляю всех романистов. Мне прочли вслух необычайное количество романов, и все они нравятся мне, если они более или менее хороши и имеют счастливую развязку,— нужно было бы издать закон, запрещающий романы с печальным концом. На мой вкус, ни один роман нельзя считать первоклассным, если в нем нет хотя бы одного героя, которого можно по-настоящему полюбить, а если этот герой — хорошенькая женщина, то тем лучше.

Эта странная и достойная сожаления утрата высших эстетических вкусов тем более поразительна, что книги по истории, биографии, путешествия (независимо от того, какие научные факты в них содержатся) и статьи по всякого рода вопросам попрежнему продолжают очень интересовать меня. Кажется, что мой ум стал какой-то машиной, которая перемалывает большие собрания фактов в общие законы, но я не в состоянии понять, почему это должно было привести к атрофии одной только той части моего мозга, от которой зависят высшие [эстетические] вкусы. Полагаю, что человека с умом, более высоко организованным или лучше устроенным, чем мой ум, такая беда не постигла бы, и если бы мне пришлось вновь пережить свою жизнь, я установил бы для себя правило читать какое-то количество стихов и слушать какое-то количество музыки по крайней мере раз в неделю; быть может, путем такого [постоянного] упражнения мне удалось бы сохранить активность тех частей моего мозга, которые теперь атрофировались. Утрата этих вкусов равносильна утрате счастья, и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее — на нравственных качествах, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей природы.

Книги мои широко расходились в Англии, были переведены на многие языки и выдержали по несколько изданий в иностранных государствах. Мне приходилось слышать утверждение, будто успех какого-либо произведения за рубежом — лучший показатель его непреходящей ценности. Сомневаюсь, чтобы

такое утверждение вообще можно было считать правильным. Но если судить с такой точки зрения, мое имя, вероятно, на несколько лет сохранит свою известность. Поэтому мне все же стóит, быть может, сделать попытку проанализировать те умственные качества и те условия, от которых зависел мой успех, хотя я и отдаю себе отчет в том, что ни один человек не в состоянии осуществить такой анализ правильно.

Я не отличаюсь ни большой быстротой соображения, ни остроумием — качествами, которыми столь замечательны многие умные люди, например, Гёксли. Поэтому я плохой критик: любая статья или книга при первом чтении обычно приводят меня в восторг, и только после продолжительного размышления я начинаю замечать их слабые стороны. Способность следить за длинной цепью чисто-отвлеченных идей очень ограничена у меня, и поэтому я никогда не достиг бы успехов в философии и математике. Память у меня обширная, но неясная: ее хватает настолько, чтобы путем смутного напоминания предупредить меня, что я наблюдал или читал что-то, противоречащее выводимому мною заключению или, наоборот, подтверждающее его, а через некоторое время я обычно припоминаю, где следует искать мой источник. В одном отношении память моя настолько слаба, что я никогда не в состоянии был помнить какую-либо отдельную дату или стихотворную строку дольше, чем в течение нескольких дней.

Некоторые из моих критиков говорили: «О, наблюдатель он хороший, но способности рассуждать у него нет!» Не думаю, чтобы это было верно, потому что «Происхождение видов» от начала до конца представляет собою одно длинное рассуждение, и оно убедило немало способных мыслить людей. Эту книгу нельзя было бы написать, не обладая известной способностью к рассуждению. Я обладаю порядочной долей изобретательности и здравого смысла, т. е. рассудительности, — в такой мере, в какой должен обладать ими всякий хорошо успевающий юрист или врач, но не в большей, как я полагаю, степени.

С другой стороны, благоприятным для меня, как я думаю, обстоятельством является то, что я превосхожу людей среднего

уровня в способности замечать вещи, легко ускользающие от внимания, и подвергать их тщательному наблюдению. Усердие, проявленное мною в наблюдении и собирании фактов, было почти столь велико, каким только оно вообще могло бы быть. И что еще более важно, моя любовь к естествознанию была неизменной и ревностной.

На помощь этой чистой любви приходило, однако, и честолюбивое желание снискать уважение моих товарищей-натуралистов. С самой ранней юности я испытывал сильнейшее желание понять и разъяснить все, что бы я ни наблюдал, то есть подвести все факты под некоторые общие законы. Все эти причины, вместе взятые, и объясняют то терпение, с которым я мог в течение любого количества лет упорно размышлять над каким-нибудь неразрешенным вопросом. Насколько я могу судить, у меня нет склонности слепо следовать указаниям других людей. Я неизменно старался сохранять свободу мысли, достаточную для того, чтобы отказаться от любой, самой излюбленной гипотезы (а я не могу удержаться от того, чтобы не составить себе гипотезу по всякому вопросу), как только окажется, что факты противоречат ей. Да у меня и не было другого выбора и именно таким образом мне приходилось действовать, ибо — за исключением [теории образования] коралловых рифов — я не могу вспомнить ни единой первоначально составленной мною гипотезы, которая не была бы через некоторое время отвергнута или сильно изменена мною. Это, естественно, вызвало у меня сильное недоверие к дедуктивному методу рассуждения в науках, имеющих одновременно теоретический и прикладной характер[190]. С другой стороны, во мне не очень много скептицизма, а я убежден, что такой склад ума вреден для прогресса науки. Порядочная доля скептицизма полезна представителям науки, так как позволяет избежать большой потери времени, а между тем мне приходилось встречать немало людей, которые, я уверен, именно в силу этого [т. е. отсутствия у них скептицизма] уклонялись от постановки опытов и наблюдений, хотя эти опыты и наблюдения оказались бы полезными прямо или косвенно.

В качестве иллюстрации приведу самый странный из известных мне случаев. Один джентльмен (как я узнал впоследствии, хороший знаток местной флоры) написал мне из одного из восточных графств [Англии], что в этом году повсеместно семена, или бобы, у обыкновенного полевого боба выросли не с той стороны стручка, как обычно. В своем ответе я просил его сообщить мне об этом более подробно, так как не понимал, что́ он имеет в виду, но в течение долгого времени не получал от него ответа. Затем в двух газетах, одна из которых выходила в Кенте, а другая в Йоркшире, мне попались заметки, сообщавшие о совершенно замечательном факте: «Все бобы в этом году выросли не с той стороны». Я решил тогда, что должно быть какое-то основание для столь широко распространившегося утверждения. Я пошел к своему садовнику-старику, родом из Кента, и спросил его, не слыхал ли он чего-нибудь на этот счет. «О, нет, сэр, — ответил он, — наверно, это ошибка — ведь бобы вырастают не с той стороны только в високосные годы, а сейчас у нас год не високосный». Тогда я спросил его, как они растут в обыкновенные годы и как в високосные, и сразу же обнаружил, что он ровно ничего не знает о том, как они растут вообще в любое время, но он упорно стоял на своем.

Спустя некоторое время мой первый информатор, всячески извиняясь, сообщил мне, что не стал бы мне писать в тот раз, если бы не слышал этого утверждения от нескольких культурных фермеров; однако после того он еще раз беседовал с каждым из них, и оказалось, что ни один из них ни в малейшей степени не представлял себе, что́ собственно он имел в виду. Таким образом, мы имеем здесь дело со случаем, когда убеждение — если только можно назвать убеждением утверждение, с которым не связано никаких определенных представлений, — распространилось почти по всей Англии без всякого подобия доказательства.

За всю мою жизнь мне пришлось столкнуться только с тремя случаями заведомо ложных утверждений, причем одно из них было, пожалуй, мистификацией (научные мистификации не раз имели место), которая тем не менее ввела в заблуждение

один американский сельскохозяйственный журнал. Речь шла о получении в Голландии новой породы быков путем скрещивания различных видов рода Bos (относительно некоторых из них я имел случай узнать, что при скрещивании друг с другом они не дают потомства), причем у автора хватило наглости утверждать, что он переписывался со мной и что на меня произвела большое впечатление важность полученных им результатов. Эту статью прислал мне редактор одного английского сельскохозяйственного журнала с просьбой сообщить ему мое мнение о ней до того, как он перепечатает ее [в своем журнале].

Во втором случае сообщалось о нескольких разновидностях, полученных автором от различных видов примулы и принесших спонтанно полный комплект семян, несмотря на то, что доступ насекомых к родительским растениям был нацело исключен. Это сообщение было опубликовано до того, как я открыл значение гетеростилии, и утверждение автора либо целиком представляет собою простой обман, либо же небрежность в исключении доступа насекомых была так велика, что этому трудно даже поверить.

Более любопытен был третий случай. В своей книге о браках между единокровными родственниками м-р Хат [191] привел несколько длинных выдержек из работы одного бельгийского автора, который утверждал, что он скрещивал кроликов, находившихся в самом близком родстве друг с другом, на протяжении очень большого числа поколений, без каких бы то ни было вредных последствий. Статья эта была напечатана в весьма солидном научном органе — журнале Бельгийского королевского медицинского общества [192]; тем не менее, я не мог освободиться от охватившего меня сомнения — сам не знаю почему, разве лишь по той причине, что в статье не было приведено ни одного неудачного случая, а мой опыт в разведении животных вынуждал меня считать это крайне невероятным [193].

Поэтому, после многих колебаний, я написал профессору Ван-Бенедену [194] и просил его сообщить, заслуживает ли автор статьи доверия. Из полученного вскоре ответа я узнал, что Общество было глубоко возмущено, так как обнаружилось, что

статья эта была сплошным обманом. На страницах журнала Общества от автора публично потребовали, чтобы он сообщил, где он проживает и где содержал столь огромное количество кроликов, необходимых для его опытов, которые должны были длиться несколько лет, но никакого ответа нельзя было от него добиться. Я сообщил бедному м-ру Хату, что статья, которая составила краеугольный камень его доказательств, была лживой, и он самым благородным образом немедленно прислал мне листок соответствующего содержания, отпечатанный для того, чтобы вложить его в нераспроданные еще экземпляры его книги.

В своих привычках я методичен, и это принесло мне немалую пользу при моем своеобразном способе работы. Наконец, благодаря тому, что я не должен был зарабатывать себе на хлеб, у меня было достаточно досуга. Даже плохое здоровье, хотя и отняло у меня несколько лет жизни, [пошло мне на пользу, так как] уберегло меня от рассеянной жизни в светском обществе и от развлечений.

Таким образом, мой успех как человека науки, каков бы ни был размер этого успеха, явился результатом, насколько я могу судить, сложных и разнообразных умственных качеств и условий. Самыми важными из них были: любовь к науке, безграничное терпение при долгом обдумывании любого вопроса, усердие в наблюдении и собирании фактов и порядочная доля изобретательности и здравого смысла. Воистину удивительно, что, обладая такими посредственными способностями, я мог оказать довольно значительное влияние на убеждения людей науки по некоторым важным вопросам.

3 августа 1876 г. Этот очерк о моей жизни был начат около 28 мая в Хопдене [195]*, и с тех пор я писал приблизительно по часу почти ежедневно после полудня.*



Даун. Дом Дарвина. Вид со стороны сада.

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ДНЕВНИК
РАБОТЫ И ЖИЗНИ

1838—1881

CHARLES DARWIN

JOURNAL

(Personal diary)

1838—1881.

ДНЕВНИК

Чарлз Дарвин.
Август 1838 г.

1809. *Февраль, 12-го.* — Родился в Шрусбери в приходе св. Чэда.

1813. *Лето.* — Был в Гроссе близ Абергела на морских купаньях; некоторые из самых ранних моих воспоминаний относятся к этому времени [1].

1817. *Весной* начал посещать школу м-ра Кейса (в восьмилетнем возрасте).

Июль. — Умерла моя мать.

1818. *Июль.* — Поехал с Эразмом посмотреть Ливерпуль.

Середина лета. — Начал посещать школу д-ра Батлера.

Сентябрь. — Был болен скарлатиной.

1819. *Июль.* — Был на море в Плейс-Эдвардс [2], где прожил три недели.

1820. *Июль.* — Отправился с Эразмом в поездку верхом на Пистилл-Райадер [3].

1822. *Июнь.* — Поездка с Каролиной [4] в Дунтон [Dounton]. Мое первое воспоминание о чувстве удовольствия, доставленном мне картинами природы, восходит к этой поездке. Мне было 13 лет.

Июль. — [Поехал] с Элизабет в Монтгомери и Бишопс-Касл [5].

Сентябрь. — [Посетил] старого м-ра Коттона [6].

1824. *Ноябрь.* — Марианна вышла замуж за Паркера.

1825. *Июнь, 17-го.* — Навсегда покинул школу [д-ра Батлера] в Шрусбери в возрасте 16 лет.

Октябрь. — Поехал с Эразмом в Эдинбург.

1826. *Июнь, 15-го.* — Совершил с Хабберсти [Hubbersty] пешеходную прогулку по Северному Уэльсу.

Октябрь, 30-го. — Совершил с Каролиной поездку верхом в Вайнор-Парл-Бала [7], а в

Ноябре, 6-го, самостоятельно отправился в Эдинбург.

1827. *Весной* поехал в Дублин и Порт, а затем — в Лондон и Париж с дядей Джосом.

«Первый сделанный им (м-ром Дарвином) доклад под заглавием «On the Ova of the Flustra» [«О яйцах Flustra»], в котором он сообщает, что открыл органы движения, и, во-вторых, что небольшое черное тело, которое до сих пор ошибочно принимали за молодую форму *Fucus lorea*, в действительности представляет собою яйцо *Pontobdella muricata*, показывает его раннюю склонность к тщательным исследованиям». (Из протоколов Плиниевского общества). «Trans. Bot. Soc.», vol. XI*.

Эти два доклада были прочитаны мною в самом конце 1826 или в начале 1827 г. на заседании Плиниевского общества в Эдинбурге, и это были мои первые доклады. Мне было тогда 18 лет.

1826.–1827. *Зима.* — Изучал морских животных с д-ром Грантом и Колдстримом на побережье Фёрт-оф-Форт.

Весной совершил поездку: Данди, Сент-Андрус, Стёрлинг, далее — Глазго, Белфаст, Дублин, затем — Лондон, Париж [9].

---

* Приведенная цитата выписана Дарвином также на заглавном листке «Дневника» с отметкой слева: «Извлечение напечатано». Там же, под цитатой, Дарвин отмечает: «Сообщение о Плиниевском обществе в Эдинбурге: «Nature», 20 ноября 1873 г., стр. 38. Мой первый доклад. Второй год в Эдинбурге» [8].

Punctuation not corrected
Copy

Journal
Charles Darwin
August—1838

His first paper contributed by him (Charles Darwin) entitled "On the Ova of the Flustra" in which he announces that he has discovered organs of motion and secondly that the small black body hitherto mistaken for the young of Fucus loreus is in reality the ovum of Pontobdella muricata, exhibits his early habits of minute investigation.

An Account of the Plinian Soc. of Edinburgh. Nature Nov 20 1873, p. 38.
My first paper 2d year in Edinburgh

1809 Feb 12 Born at Shrewsbury Parish of St Chad
1813 Summer Went to Gros [illegible] Abergele for sea bathing, one of my earliest recollections dates from this
1817 Went to Mr Case's School in the Spring, 8 years old
July My Mother died
1818 July Went with Erasmus on party of pleasure to Liverpool
Midsummer Went to Dr Butler's School
September Ill with Scarlet Fever
1819 July Went to sea at Plas Edwards & stayed there three weeks
1820 July Went tour with Erasmus to Pistol on horseback
1822 June Tour with Caroline to Downton
My first recollections of having some pleasure in scenery dates from [illegible]

«Личный дневник» Чарлза Дарвина. Первая страница рукописной копии (Библиотека Кембриджского университета)

1827. *Осенью* часто бывал в Вудхаусе[10].

Сентябрь.— Мэр и сэр Дж. Макинтош[11].

Рождество.—Поехал в Кембридж[12].

1827.–1828. Познакомился с Фоксом и Уэем, и таким образом начал заниматься энтомологией[13].

1828. Крайне увлекся коллекционированием насекомых — весною в Кембридже и осенью в Бармуте.

Лето.— Поехал в Бармут (с Гербертом и Батлером) для занятий с Баттертоном[14].

Сентябрь.— Мэр, а затем — в Осмастон-Холл на музыкальные празднества[15].

1829. *Лето.* Побывал в Бармуте.

Октябрь.— Бирмингем — на музыкальных празднествах с Веджвудами.

1830. Рождественские каникулы провел в Кембридже (?). Продолжал коллекционировать насекомых, охотиться и вести совершенно праздную жизнь.

1831. *Рождество* [*январь*?].— Сдал экзамены на степень бакалавра [B. A.] и остался [в Кембридже] на два следующих семестра.

В течение этих месяцев проводил много времени с Генсло, часто обедая у него и гуляя с ним; близко познакомился с несколькими кембриджскими учеными, что сильно оживило мое слабое рвение [в занятиях науками], не [вполне еще] уничтоженное обеденными пирушками и охотой.

Весною вместе с Рамси и Кирби посетил м-ра Доса: поговорили насчет экскурсии на Тенериф. Весною Генсло убеждал меня подумать о [занятиях] геологией и познакомил с Седжвиком. В середине лета немного работал по геологии Шропшира[16].

Август.— Совершил геологический поход через Ллангиллен, Рутин, Конуэй, Бангор и Кэйпл-Кьюриг; здесь я расстался с профессором Седжвиком и через горы пере-



Ч. Дарвин в возрасте 40 лет.
Рисунок Т. Мегайра (1849 г.)

1831. брался в Бармут. В конце августа вернулся в Шрусбери. Отклонил предложение о путешествии [17].

Сентябрь.— Поехал в Мэр, вернулся с дядей Джосом в Шрусбери, затем [поехал] в Кембридж, Лондон.

Сентябрь, 11-го.— Поехал с капитаном Фиц-Роем на пароходе в Плимут, чтобы осмотреть «Бигль».

Сентябрь, 22-го.— Вернулся в Шрусбери, проехав через Кембридж.

Октябрь, 2-го.— Попрощался с родными. Оставался в Лондоне [до отъезда в Плимут].

Октябрь, 24-го.— Прибыл в Плимут.

Октябрь и ноябрь.— Эти месяцы были очень печальными.

Декабрь, 10-го.—Отплыли, но были вынуждены вернуться.

Декабрь, 21-го.— Вновь вышли в море, но были отогнаны [ветром] назад.

Декабрь, 27-го.— Отплыли от [берегов] Англии в наше кругосветное путешествие.

1832. *Январь, 16-го.*— Впервые высадился на тропическом берегу (Сант-Яго).

Февраль, 29-го.— Пристали к берегу Бразилии.

Декабрь, 2-го.— Пристали к берегу Огненной Земли.

1833. *Декабрь, 6-го.*— В последний раз отплыли из Рио-Платы.

1834. *Июнь, 10-го.*— В последний раз отплыли от Огненной Земли.

1835. *Сентябрь, 5-го.*— Отплыли от западных берегов Южной Америки.

1836. *Май, 31-го.*— Стали на якорь у мыса Доброй Надежды.

Октябрь, 2-го.— Стали на якорь в Фалмуте [18].

Октябрь, 4-го.— Прибыл в Шрусбери после пяти лет и двух дней отсутствия.

Октябрь, 14-го.— Лондон.

Октябрь, 15-го.— Кембридж.

Октябрь, 20-го.— Лондон.

Октябрь, 28-го. — «Бигль» прибыл в Вулидж [19], и 27 ноября его команда была отпущена.

1836. *Ноябрь, 12-го.*— Мэр.

Ноябрь, 16-го.— Шрусбери.

Декабрь, 2-го.— Лондон.

Декабрь, 13-го.— Кембридж.

1837. *Январь.*— Кембридж. Был занят приведением в порядок всех коллекций, изучением минералов, чтением, по вечерам писал понемногу свой «Дневник» [«Путешествие натуралиста»]. Дважды на короткое время съездил в Лондон и доложил [4-го января в Геологическом обществе] статью о поднятии берегов Чили.

Март, 6-го.— Оставил Кембридж, чтобы поселиться в Лондоне.

Март, 13-го.— Переехал в свою [лондонскую] квартиру на Грейт-Марльборо-стрит, 36.

Май.— [Доложил] в Геологическом обществе работу об образовании коралловых рифов [и] работу о [костеносных] отложениях в пампасах [20].

В июле начал первую записную книжку о «Трансмутации Видов».— Начиная приблизительно с прошедшего марта [т. е. с марта этого года] был сильно поражен характером южно-американских ископаемых и видов Галапагосского архипелага. Эти факты (особенно последний) положили начало всем моим воззрениям.

С 13 марта до *конца сентября* занимался все время своим «Дневником» [«Путешествие натуралиста»].

Июнь, 26-го.— Короткий визит в Шрусбери.

Сентябрь, 25-го.— Вернулся в Шрусбери из Мэра и прибыл в Лондон 21 октября.

Октябрь, 21-го.— Лондон.

Ноябрь, 20-го.— [Поехал на] два дня на остров Уайт, чтобы повидаться с Фоксом.

В октябре-ноябре был занят подготовкой плана «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“», начал «Геологию» и закончил [чтение] корректур «Дневника» [«Пу-

1837. тешествие натуралиста»]. Работа о «Червях, образующих растительный слой почвы» [была доложена в Геологическом обществе 1 ноября].

1838. *Январь, 17-го.* — Я закончил описание геологии Галапагосского архипелага и острова Вознесения.

Февраль, 25-го. — Закончил [описание геологии] острова св. Елены и маленьких островов Атлантического океана. Много размышлял также о сущности вида [21] и читал больше, чем обычно.

Март. — [Работал над] частью о млекопитающих для «Зоологии». Работа о землетрясениях для Геологического общества [доложена 7-го].

Апрель. — [Работал над] частью о птицах для «Зоологии». Таким образом, потеряно много времени.

Апрель, 16-го. — Начал [писать] геологию мыса Доброй Надежды, залива Короля Георга, Сиднея.

Май, 1-го. — Нездоров, ничего [не сделал] по геологии из того, что было намечено, и [ничего по] видам.

Май, 10-го. — Поехал в Кембридж на 4 дня.

Май, 15-го. — Начал [писать] геологию Хобарт-тауна и Новой Зеландии.

Май, 22-го. — Начал [писать] геологию Сант-Яго, островов Зеленого мыса.

Июнь (*начало*). — Готовил первую часть «Птиц». — Кое-что по геологии Сант-Яго и по теории видов, и потерял очень много времени из-за болезни.

Июнь, 23-го. — Отправился на пароходе в Эдинбург (один день [провел] в Солсберийских скалах). Затратил добрых восемь дней в Глен-Рое; вернулся морем через Гринок и Ливерпуль, ночевал в Овертоне и приехал в Шрусбери 13 июля [22].

Основательно бездельничал в Шрусбери; сделал несколько записей со слов моего отца[23]. Начал записную книжку по метафизическим изысканиям [24].

1838. *Июль, 29-го.*— Поехал в Мэр.

Август, 1-го.— Лондон. Начал статью о Глен-Рое и закончил ее. В августе читал порядочное количество различных занимательных книг и уделял некоторое внимание метафизическим вопросам.

Сентябрь, 6-го.— Закончил статью о Глен-Рое — один из самых трудных и поучительных вопросов, какими я когда-либо занимался [25].

Сентябрь, 14-го.— Растратил по мелочам несколько предыдущих дней, работая над трансмутационной теорией и исправляя [статью о] Глен-Рое. Начал [изучение] теории кратеров поднятия [26].

В течение *всего сентября* порядочно читал по многим вопросам; много размышлял о религии. *В начале октября* — то же.

Октябрь, 5-го.— Начал статью о коралловых рифах, для чего необходимо много прочитать.

Октябрь, 25-го.— Поехал отдохнуть на два дня в Виндзор [27], чудесная погода, восхитительно.

Октябрь, 27-го.— [Начал писать] предисловие и приложение о теории эрратических валунов к «Дневнику» [«Путешествие натуралиста»][28].

Ноябрь, 9-го.— Поехал в Мэр.

Ноябрь, 11-го, воскресенье.— Лучший из дней![29]

На следующий день поехал в Шрусбери. 17-го вернулся в Мэр и 20-го — в Лондон.

Потерял 7 и 8 ноября из-за нездоровья. Последняя неделя ноября потеряна полностью. *В начале декабря* приготовил порядочное количество по «Птицам». С 6-го по 21-е занимался [поисками] дома и хозяйственными делами. До конца года [продолжал] поиски дома, немного читал и потерял некоторое время из-за плохого состояния здоровья.

Декабрь, 6-го.— К величайшему счастью для меня, Эмма приехала в город [т. е. в Лондон].

Декабрь, 21-го.— Эмма уехала в Мэр.

1838. *Декабрь, 31-го.* — Поселился на Аппер-Гауэр-стрит, 12[30].
1839. В течение *первой недели января* исправлял статью о Глен-Рое. Весь остальной месяц ничего не делал.
Январь, 11-го. — Поехал в Шрусбери.
Январь, 15-го. — Поехал в Мэр.
Январь, 18-го. — Поехал в Лондон.
Январь, 25-го. — Шрусбери.
Январь, 28-го. — Мэр.
Январь, 29-го. — Сегодня, в возрасте тридцати лет, женился в Мэре, [после чего] вернулся в Лондон.
Февраль, 5-го. — Начал [изучать] немецкий язык.
Февраль, 7-го. — Возобновил работу над статьей о коралловых рифах.
Конец февраля и первая неделя марта. — Статья о землетрясениях, затем немного работал [по вопросу] о видах и над статьей о коралловых рифах.
Конец марта и почти весь апрель. — Статья о коралловых рифах.
Апрель, 26-го. — Поехал в Мэр. Во время пребывания в Мэре немного читал по вопросу о видах, но сделал очень мало, так как болел.
Май, 13-го. — Поехал в Шрусбери.
Май, 20-го. — Поехал в Лондон.
С 20 мая до 30 июля. — Карта для «Коралловых островов»; орнитологическая часть [«Зоологических результатов] путешествия на «Бигле»; некоторое время потерял из-за болезни; немного читал для [работы о] видах; до 23 августа — карта коралловых островов и [чтение] «Horticultural Transactions» [31].
Август, 23-го. — Поехал в Мэр, а затем, 26-го, в Бирмингем для участия в съезде Британской ассоциации [32].
Сентябрь, 12-го. — [Поехал] в Шрусбери, где оставался десять дней.
Октябрь, 2-го. — Прибыл в Лондон.

1839. *Декабрь, 27-го.*— В $9^1/_2$ часов утра у нас родился мальчик [33].

Во время моего пребывания в Мэре немного читал, был очень нездоров и скандально бездельничал. В результате я весьма основательно понял, что нет *ничего* более невыносимого, чем безделье. В течение последней недели исправлял «Орнитологию» [34]. *10-го октября* возобновил работу над статьей о коралловых рифах.

1840. *24 декабря* заболел и, за исключением двух или трех дней, продолжал болеть до 24 февраля [1840 г.]. В перерывы [болезни] немного читал для [работы по] трансмутационной теории, но в других отношениях потерял целых три месяца, [так как после 24 февраля] снова заболел и до *26 марта* не мог приступить к книге о коралловых рифах [35].

Апрель, 3-го.— Поехал на неделю в Шрусбери один.— Работал над книгой о коралловых рифах.

Июнь, 10-го.— Поехал в Мэр и побывал в Шрусбери.

Август, 1-го.— Заболел.

Ноябрь, 14-го.— Вернулся в Лондон. В течение этого месяца, когда чувствовал себя достаточно хорошо, порядочно поработал над трудом о видах.

Декабрь, 15-го.— Начал [работу над] оставшимися птицами для «Зоологических результатов путешествия на „Бигле"».

1841. *Февраль, 20-го.*— Закончил [работу над описанием птиц для «Зоологических результатов путешествия»]. Начал статью о валунах и валунной глине Южной Америки; закончил [ее] 4 апреля. Ленился и болел.

Март, 2-го.— Родилась Энни.— Рассортировал заметки по теории видов.

Май, 28-го.— Поехал в Мэр и Шрусбери; читал очень мало; вернулся в Лондон 23 июля. *26 июля* приступил к работе над «Коралловыми рифами» после перерыва, длившегося более тринадцати месяцев.

1842. *Январь, 3-го.*— Отослал издателям рукопись «Коралловых рифов».

Март, 7-го.— Поехал на 10 дней в Шрусбери.

Май, 6-го, 1842 г.— Исправил последнюю корректуру книги о коралловых рифах. Я начал это сочинение три года и семь месяцев назад. Из этого времени я затратил на нее около двадцати [месяцев], не считая работы, произведенной во время путешествия на «Бигле»; помимо того, я завершил всего лишь часть о птицах для «Зоологии», «Приложение» к «Дневнику» [путешествия], статью о валунах и исправил статьи о землетрясениях и о Глен-Рое; читал о видах; все остальное время потеряно из-за болезни.

Май, 18-го.— Поехал в Мэр, 15 июня — в Шрусбери и 18-го — в Кэйпл-Кьюриг — Бангор — Карнарвон — Кэйпл-Кьюриг, в общем десять дней, для исследования [результатов] деятельности ледников. Во время моего пребывания в Мэре и Шрусбери (через пять лет после того, как я начал [работать над этой проблемой]), я написал карандашом очерк моей теории видов.— *18 июля* вернулся в Лондон. Написал статью о ледниках [Карнарвоншира], переписал заметки о видах. Хлопотал относительно Дауна. Эмма приехала в Даун *14 сентября*, а я последовал за ней 17-го. Мэри-Элеонора родилась 23 сентября, умерла 16 октября.

14 сентября 1842 г. мы переехали в Даун.

Октябрь, 14-го.—Приступил к «Вулканическим островам», сокращая и приводя в порядок рукописи Конингтона [36].

1843. *Июль, 8-го.*— [Поехал] на неделю в Мэр и Шрусбери.

Июль, 12-го.— Скончался Дж. В.

12 июля 1843 г. скончался Джосайя Веджвуд.

До этого [времени] мало что сделал весною из-за строительных работ [в Дауне], за исключением кое-чего по труду о видах, и по возвращении вновь приступил к «Вулканическим островам».

1843. *Сентябрь, 25-го.*— Родилась Генриетта-Эмма Д. [т. е. Дарвин].

Октябрь, 12-го.— [Поехал] в Шрусбери на 12 дней.

Статьи о Sagitta и о сохранении семян.

Шестнадцать месяцев [работы] над книгой о «Вулканических островах».

1844. *Январь, 5-го.*— Отослал издателям рукопись «Вулканических островов». 13 февраля закончил исправление [корректур]. В промежутках и еще до того времени понемногу расширял и улучшал карандашный очерк теории видов на 35 страницах (написанный в середине лета 1842 г.).

Апрель, 23-го.— [Поехал] в Мэр и Шрусбери, вернулся 30 мая.

Июль, 5-го.— Послал написанный [мною] очерк теории видов (спустя семь лет после начала работы), около 230 страниц, м-ру Флетчеру для изготовления копии [37]. Исправил ее на последней неделе сентября.

Статьи об атлантической пыли, о планариях.

Привел в порядок свои коллекции.

Июль, 27-го.— Начал [писать «Геологию] Южной Америки».

Октябрь, с 18-го до 29-го.— [Находился] в Шрусбери.

1845. *Апрель, 24-го.*— Закончил в первом варианте [«Геологию] Южной Америки» (девять месяцев).

Апрель, 25-го.— Приступил к [подготовке] 2-го издания «Дневника» [«Путешествия натуралиста»]. 25 августа закончил его (четыре месяца). Недели две отдыхал, ничего не делал.

Апрель, 29-го.— [Поехал] в Шрусбери, вернулся 10 мая.

Джордж-Говард родился 9 июля.

Сентябрь, 15-го.— [Поехал] в Шрусбери, Линкольншир, Иорк. Декан Манчестерский, Уотертон, Чатсуорт. [Через] Кемп-Хилл вернулся домой 26 октября [38].

1845. *Октябрь, 29-го.*— Возобновил [работу над] «Геологией Южной Америки».

4000 экземпляров нового издания «Дневника» [«Путешествие натуралиста»] было продано на 1 января 1847 г.[39]

1846.

Октябрь, 1-го. — Закончил последние корректуры моего [сочинения] «Геологические наблюдения в Южной Америке». Это сочинение и статья о Фолклендских островах в «Геологическом журнале» отняли у меня 18,5 месяцев; однако рукопись не была столь безупречной, как рукопись «Вулканических островов». Таким образом, [вся] моя «Геология» [т. е. все три геологических труда] отняла у меня 4,5 года; ныне 10 лет со времени моего возвращения в Англию — как много времени потеряно из-за болезни!

Октябрь, 1-го.— Статья о новой [форме] Balanus — Arthrobalanus. 10 дней в Лондоне; в течение двух дней визиты и прием посетителей, несколько дней болел.

Ноябрь, декабрь. —Conia и Megatrema[40].

1846.

Февраль, 21-го.— [Поехал] в Шрусбери, 3 марта [вернулся] домой.

Июль, 31-го.— [Поехал] туда же, 9 августа [вернулся] домой.

Сентябрь, 9-го. — [Поехал] с Эммой в Саутгемптон на [съезд] Британской ассоциации; 12-го—в Портсмут и на побережье острова Уайт; 13-го — в Винчестер и Сент-Кросс; 14-го — в Ретли-Абби и Саутгемптон; вернулись домой 17-го.

Сентябрь, 22-го.— [Поехал] с Эммой и Сюзен в Нол-Парк[41].

1847.

Январь, 1-го.— Conia.

Февраль.— Balanus.

Март.— Acasta и Clisia.

1847.

Февраль, 19-го. — [Поехал] в Шрусбери, 5 марта [вернулся] домой.

1847.

Апрель, 14-го.— Потерял несколько недель из-за фурункулов и нездоровья.

Tubicinella. Coronula.

Декабрь, 18-го. — Анатомия стебельчатых усоногих [Pedunculata] [42].

С 1 января 1847 до января 1848 г. Мёррей продал 236 экземпляров моего «Дневника». Всего до 1 января 1848 г. [продано] 4100 экз.

1847.

Июнь, 22-го.— [Поехал] на [съезд] Британской ассоциации в Оксфорд. — Бленейм — Нанитон — Дропмор — Бёрнгем — Бичс [43]. [Вернулся] домой 1 июля.

Октябрь, 22-го.— [Поехал] в Шрусбери.

Ноябрь, 5-го.— [Вернулся] домой.

1848.

Март, 20-го.— Закончил научную инструкцию [по геологии][44] и статью о переносе валунов с более низкого уровня на более высокий.

Апрель, 19-го. — Доложил [в Геологическом обществе] статью о переносе валунов. Обе эти [статьи] написаны в перерывы работы [над усоногими].

Около 1 ноября.— Начал [работать над видом *Lepas*] *anatifera* [45]. 13 января 1849 г. закончил.

С июля до конца года тяжело болел: головокружения, слабость, дрожь и частые тяжелые приступы тошноты.

1848.

Май, 17-го. — [Поехал] в Шрусбери. 1 июня [вернулся] домой

Июль, 22-го. — [Поехал] в Суонадж близ Уэргема и Корф-Касла. Затем, 29-го, на яхте сэра У. Симондса — в Пул, проведя утро в Нью-Форесте [46].

Октябрь, 10-го. — [Поехал] в Шрусбери. 25 октября [вернулся] домой.

Ноябрь, 17-го.— [Поехал] туда же, 26 ноября [вернулся] домой.

Мой отец умер утром 13 ноября на 83-м году жизни. Он родился в Личфилде 30 мая 1766 г. Он был 3-м сыном

1849.

Январь, 1-го до 10 марта.— Состояние здоровья очень плохое — частые тошноты, упадок сил. Работал, пользуясь каждым благополучным днем.

Март, 10-го до 30 июня.— Поселился на даче в Молверне [47]; полное безделье; здоровье значительно улучшилось.

Июль, 15-го. — Возобновил [работу над] систематической частью стебельчатых усоногих [Pedunculata] — современных и ископаемых.

1850.

Апрель, 28-го. — Начал [работать над] систематикой сидячих усоногих [Sessilia].

Декабрь, 30-го. — Закончил [работу над] Balanus и Pachymina [Pachylasma?] [48].

1848.

Эразма Дарвина (родившегося в Элстоне в 1731 г.). В Шрусбери он поселился около 1786 г.

1849

Сентябрь, 11-го до 21-го. — [Находился на съезде] Британской ассоциации в Бирмингеме; в воскресенье поехал в Молверн.

1850.

Июнь, 11-го до 18-го.— Молверн.

Август, 10-го до 16-го.— Лит-Хилл.

Октябрь, 14-го.— Хартфилд; 18-го [поехал] в Рамсгет [49]; 22-го [вернулся] домой.

1851.

В начале года закончил ископаемых Lepadidae, подготовлял к печати современных Lepadidae.

Август, 18-го.— Начал [чтение] корректур.

Ноябрь, 12-го. — Закончил [чтение] корректур и начал [работать над] родом Conia (или сидячими усоногими) и Elminius[50].

1851.

Март, 24-го. — [Поехал] в Молверн с Энни и Этти, вернулся домой 31-го.

Апрель, 16-го. — Отправился в Молверн. 23 апреля наше дорогое дитя угасло[51]. 24-го я вернулся к Эмме. Наша любимая девочка родилась 2 марта 1841 г.

Июль, 30-го. — [Поехал] в Лондон и вернулся 10 августа [от] Эразма, [у которого гостил], чтобы посмотреть Выставку[52] и пр.

1852.

Весь год [работал над] родами сидячих усоногих [Sessilia]. Acasta. (Pyrgoma и Escuria [?] — 41 день). Coronula (19 дней). Platytypes [Platylepas?]. Tubicinella. Xenobalanus. Chelonobia. (Chthamalus — 36 дней). Chamaesipho. Octomeris. Catophragmus. Вновь начал [работать над] Balanus. Рисунки Balanidae, сделанные м-ром Соуэрби, [готовы]. Начал [работать над] Verruca[53].

1852.

Март, 24-го.— [Поехал] на один день в Регби[54], затем — в Шрусбери. [Вернулся] домой 1 апреля.

Сентябрь, 11-го. — [Поехал] в Лит-Хилл. 16-го — вновь дома. (Проехал в пассажирском вагоне через Годстон и Райгет)[55].

1853.

Весь год готовил к печати рукопись сидячих усоногих,

1853.

Июль, 14-го. — [Поехал] в Истборн, затем в Брайтон

1853.

а именно: Verruca, Alcippe.

Cryptophialus, Alcippe [передал] м-ру Соуэрби для изготовления рисунков 20 сентября.

Класс Cirripedia [56].

1854.

Февраль, 3-го. — Первые корректуры «Сидячих усоногих» [«Cirripedia sessilia»].

Июль, 15-го. — Закончил вторую корректуру того же.

Сентябрь, 9-го. — Закончил упаковку всех моих усоногих, подготовку ископаемых Balanidae, распределение экземпляров моего труда [для рассылки] и пр. и пр. Для [прочтения] немногих оставшихся еще корректур «Ископаемых Balanidae» мне остается поработать с неделю или больше. Я начал [работать над усоногими] 1 октября 1846 г. 1 октября исполнится 8 лет с тех пор, как я начал! Но я потерял год или два из-за болезни.

Сентябрь, 9-го. — Начал распределять заметки для [сочинения о] теории видов [59].

1853.

и Гастингс; [вернулся] домой 4 августа [57].

Август, 13-го. — [Поехал] в Хермитейдж, чтобы [посмотреть маневры на] Чобгемском поле. 17-го [вернулся] домой [58].

Ноябрь, 13-го. — Мне присуждена медаль Королевского общества.

1854.

Март, 13-го. — [Поехал] в Хартфилд из-за болезни Френки; вернулся 17-го.

Июль, 13-15-го. — Хартфилд.

Октябрь, 9-14-го. — Лит-Хилл.

(*Декабрь.* — Лэнни и Френки больны [60].)

1855.

Март и апрель.— Был занят главным образом [работой по] сравнению семян, ставя опыты с семенами в соленой воде и читая [61].

1856.

Май, 14-го.— Начал, по совету Лайелля, *писать* очерк о видах.

Октябрь, 13-го. — Закончил 2-ю главу (и до того часть [главы] о географическом распределении).

Декабрь, 16-го. — Закончил 3-ю главу [63].

1857.

Январь, 26-го. — Закончил 4-ю главу: изменчивость [в] природе.

Март, 3-го.— Закончил 5-ю главу: борьба за существование.

1855.

Январь, 18-го.— Поселился [в Лондоне:] 27 Иоркская площадь, [Аппер-] Бейкер-стрит. 15 февраля вернулся домой.

Сентябрь, 10-го.—Отправился в Глазго [на съезд] Британской ассоциации. Ночевали с Эммой в Карлайле[62]. 19-го поехали обратно; ночевали в Карлайле и 20-го прибыли в Шрусбери, а 22-го я вернулся домой.

1856.

Сентябрь, 13-го.— Лит-Хилл; вернулся 19-го.

Ноябрь.—Умерла тетя Сара[64].

Декабрь, 6-го. — Родился Чарлз-Уоринг Дарвин [65].

1857.

Апрель, 22-го.—Мур-Парк [66]. Вернулся 6 мая. [Лечение] подействовало на меня поразительно хорошо.

Июнь, 16-го. — [Поехал] в Мур-Парк, вернулся 30-го. Этти здесь [дома?]. 27-го

1857.

Март, 31-го. — Закончил 6-ю главу: естественный отбор.

Сентябрь, 29-го. — Закончил 7-ю и 8-ю главы, но один месяц потерял в Мур-Парке.

Сентябрь, 30-го до 29 декабря. — [Работал над главой] о гибридизации.

1858.

Март, 9-го. — Закончил главу об инстинкте.

Апрель, 14-го. — Обсуждение [вопроса] об обширных и малых родах и о дивергенции; исправил [в Мур-Парке] главу 6-ю; закончил 12 июня, а также [раздел] о пчелиных ячейках.

Июнь, 14-го. — Голуби (прервал).

[*Июнь, 18-го.* — Получил от А. Р. Уоллеса очерк его эволюционной теории.]

[*Июль, 1-го.* — Работы Дарвина и Уоллеса о происхождении видов путем естественного отбора были доложены в Линнеевском обществе].

Июль, 20-го до 12 августа. — Начал в Сандауне [68] [работать

1857.

[июня] побывал в Селборне[67].

В конце сентября у Лэнни около недели был сильно перемежающийся пульс, но сейчас, 6 октября, он кажется вполне здоровым. В конце октября по временам плохо. 13 ноября кажется вполне здоровым.

(*Ноябрь, 5-го — 12-го.* — Мур-Парк).

1858.

Апрель, 20-го. — Мур-Парк. Вернулся 4 мая.

Этти очень больна.

Июнь, 28-го. — Бедный дорогой ребенок [Чарлз-Уоринг] умер.

Июль, 9-го. — [Поехал] в Хартфилд, 16-го — на остров Уайт: 17-го — Сандаун, 27-го — Шанклин[69]. 13 августа [вернулся] домой.

Октябрь, 25-го. — Мур-Парк. Вернулся 1 ноября.

Марианна Паркер [70] умерла в июле.

1858.

над] «Извлечением» из сочинения о видах.

Август, 17-го.— Вновь начал [работать над] рукописью о скелетах и голубях[71].

Сентябрь, 16-го. — Возобновил [работу над] «Извлечением»: разделы III и IV.

Октябрь, 8-го.— Начал раздел V «Извлечения» — о законах изменчивости; закончил 22-го.

Октябрь, 23-го. Раздел VI— Затруднения, [встречаемые теорией]; закончил 13 ноября (Мур-Парк).

Ноябрь, 13-го.— Инстинкт. — 30-го — гибридизация.

Декабрь, 11-го. Геологическая последовательность.

1859.

Январь, 15-го. — «Извлечение»: [главы о] геологии, [географическом] распределении.

Февраль, 28-го.— [Главы о] сродстве и классификации.

Март, 19-го.— Начал пересмотр первых глав рукописи и закончил последнюю главу.

Май, 25-го.— Начал [чтение] корректурных листов [«Происхождения видов»].

1859.

(Медаль от Геологического общества.)

Февраль, 5—19-го. — Мур-Парк не помог мне так хорошо, как обычно.

Май, 21—28-го. Мур-Парк.

Июль, 19—26-го. Мур-Парк.

Август, 20—23-го. Лит-Хилл.

Октябрь, 2-го. Отправился [на водолечение] в Илкли[72]. Вернулся домой (остановив-

1859.

Октябрь, 1-го. — Закончил [чтение] корректур. 13 месяцев и 10 дней [работы] над «Извлечением о происхождении видов». Отпечатано 1250 экземпляров.

В течение *конца ноября* и в *начале декабря* был занят исправлением [книги] для 2-го издания в 3000 экземпляров.

Множество писем.

1-е издание было выпущено в свет 24 ноября, и все экземпляры — 1250 — были проданы в первый же день.

1859.

шись на два дня в Лондоне) 9 декабря.

1860.

Январь, 9-го. — Начал пересматривать (с частыми перерывами) рукописи для [будущего] труда об изменениях. Письма и подготовка иностранных изданий «Изменений» [«Происхождения видов»?].

Март, 24-го. — Начал «Введение» [т. е. «Исторический очерк»] к книге «[Происхождение видов»] [73].

Июнь, 10-го. — Закончил 2-ю главу [«Изменений»] о голубях; привел в порядок заметки и экспериментальные данные для следующей главы.

Август, 11-го. — Начал главу III [«Изменений»].

1860.

Январь. — Мёррей сообщает, что в настоящее время продано 6000 экземпляров моего «Дневника [натуралиста»].

Январь, 7-го. — Вышло в свет 2-е издание «Происхождения видов», 3000 экземпляров.

Май, 22-го. — 1-е издание «Происхождения» в Соединенных Штатах выпущено в [количестве] 2500 экземпляров.

Июнь, 28-го до 7 июля. — Садбрук-Парк [74].

Июль, 10-го до 2 августа. — Хартфилд (Этти долго болела).

Сентябрь, 22-го. — Истборн. Вернулся 10 ноября — семь недель из-за болезни Этти.

1863.

Лондон.

Апрель, 1-го. — Главу о скрещивании и бесплодии закончил 16 июня: [она] взяла у меня 8 недель, [но часть] времени я потерял из-за [поездки в] Хартфилд, болезни и пр.

Июнь, 16-го. — [Главу об] отборе закончил 20 июля.

1864.

Около 20 апреля начал подсчет семян Lythrum. Закончил статью о Lythrum около 25 мая. Начал статью о [растениях с] усиками и закончил ее 13 сентября, но в дальнейшем около двух недель [потратил] на дополнения. Следовательно, эта статья о лазящих растениях отняла 4 месяца!!

Сентябрь, 14-го. — Начал [писать] о законах изменчивости для «Изменений домашних животных и культурных растений» и закончил эту главу 16 ноября. Затем я вновь начал просматривать первые главы книги о «Домашних животных и пр.».

1865

Январь, 1-го. — Я продолжал [работать] над «Домашними

1863.

вернулся 14 октября. Затем болел. Был болен до конца года.

Апрель, 13-го. — Длительная тошнота.

Апрель, 20-го. — Доктор Дженнер.

Май, 22-го. — Доктор Дженнер [61].

1864.

Весь январь, февраль, март болел. 13 апреля длительная тошнота.

Август, 25-го. — [Поехали] к Элизабет в Честер-Плейс на одну неделю.

Тяжелая болезнь продолжалась 7 месяцев.

Коплеевская медаль [62].

1865.

Заболев 22 *апреля*, почувствовал себя немного лучше в се-

1865.

животными и пр.», гл. X, до 22 апреля, когда я заболел и продолжал в дальнейшем (за исключением одной недели) болеть, и не был в состоянии что-либо делать (за исключением чтения «Происхождения [видов]» для 2-го французского издания) до начала декабря, когда я приступил к корректированию [работы] о гомоморфных семенах [83]. 25 декабря я снова принялся за X главу «Домашних животных».

1866.

Продолжал исправлять главы «Домашних животных».

Март, 1-го.— Начал [работать] над 4-м изданием «Происхождения [видов»], [которое будет выпущено в количестве] 1250 экземпляров (получил за него 238 фунтов); т. е. всего [в четырех изданиях] 7500 экз.

Май, 10-го.— Закончил «Происхождение [видов», 4-е изд.], за исключением второй корректуры, и начал пересматривать гл. XIII «Домашних животных».

Ноябрь, 21-го. — Закончил [главу о] пангенезисе.

Декабрь, 21-го. — Закончил

1865.

редине сентября.

Ноября, 8-го.— Поехал к Эразму и гостил [у него] десять дней, и снова заболел, простудившись, но в начале декабря состояние мое улучшилось.

1866.

Апрель, 21-го до 2 мая.— [Поехал] к Эразму.

Май, 29-го до 2 июня.— Лит-Хилл-Плейс.

Ноябрь, 22-го до 29-го.— [Поехал] к Эразму.

Февраль, 2-го. — Умерла Кэтрин.

Октябрь, 3-го. — Умерла Сюзен.

1866.

пересмотр всех глав [«Изменений»] и отослал [их типографам.

Декабрь, 22-го. — Начал заключительную главу книги [«Изменения домашних животных и пр.»].

1867.

Последняя глава «Изменений в условиях одомашнения» и начало [работы над] очерком о человеке. Первая корректура [«Изменений»] пришла *1 марта.* Вторую корректуру закончил *15 ноября.* Я приступил к [работе над] этой книгой в начале 1860 г. (причем у меня имелись уже тогда некоторые рукописные материалы), но из-за перерывов [в работе], вызванных моей болезнью и болезнью детей, из-за [подготовки] различных изданий «Происхождения [видов]» и статей — особенно книги об орхидеях и [книги] о лазящих растениях — я потратил на нее 4 года и 2 месяца. — 1260 экземпляров [«Изменений»] продано Мёрреем.

Книга фактически вышла в свет только 30 января 1868 г.

1867.

Февраль, 13-го до 21-го. — [Поехал] к Эразму.

Июнь, 17-го до 24. — То же.

Сентябрь, 18-го до 24-го. — То же; все время [чувствовал себя] плохо.

Ноябрь, 28-го до декабря. — То же; [чувствовал себя] очень хорошо.

1868.

Новая книга об «Изменениях в условиях одомашнения» вышла в свет *30 января* — 1500 экземпляров[83а]. *10 февраля* было отпечатано новое издание в [количестве] 125 экземпляров. Я получил за это издание 720 фунтов.

В середине декабря 1867 г. начал [работать над сочинением] «Об иллегитимном потомстве диморфных и триморфных растений и о видовых различиях у Primula» и закончил [эту работу] *1 февраля* [1868 г.].

Февраль, 4-го. Начал [работать над сочинением] о человеке и половом отборе.

Май, 17-го.— Птицы — половой отбор [у них].

Декабрь, 26-го.— Пятое издание «Происхождения [видов]». Будет издано 2000 экземпляров.

1868.

Март, 3-го.— [Поехал] на неделю к Эразму, а затем на три недели в гости к тете Элизабет [в Лондон]. Вернулся домой 1 апреля.

Июнь, 23-го.— Заболел и продолжал болеть до 16 июля, и вряд ли что-либо делал.

Июль, 16-го.— [Поехал] на остров Уайт на взморье[84].

Август, 21-го.— Вернулся в Даун, переночевав в Саутгемптоне.

Ноябрь, 7-го до 16-го.— [У] Эразма.

1869.

Февраль, 10-го.— Закончил [подготовку] 5-го издания «Происхождения [видов]», что отняло у меня 46 дней.

Февраль, 11-го.— Половой отбор у млекопитающих и человека и вступительная глава

1869.

Февраль, 16-го до 24-го.— [Поехал] к Эразму.

Июнь, 10-го. — Отправился [с семьей] в Кардин, Бармут, переночевав [по дороге] в Шрусбери[85]. Вернулся 31 июля, остановившись на

1869.

о половом отборе (да 10 дней на заметки об орхидеях) — до 10 июня, когда я поехал в в Северный Уэльс.

4 августа вновь приступил к пересмотру всех глав о половом отборе.

1870.

Я узнал, что Мёррей отпечатал 9000 экземпляров моего «Дневника путешествия» [на «Бигле»] и Колбёрн[86] — 1500, всего 10 500 экземпляров.

Весь этот год [провел] за работой над «Происхождение человека и половой отбор». Я начал это сочинение 4 февраля 1868 г., но [работал] со многими перерывами. — [Книга] отправлена в печать 30 августа (70 г.) и закончил последнюю корректуру [...][87]

1871.

Я начал «Происхождение человека и половой отбор» 4 февраля 1868 г. и сейчас, *15 января*, исправил последнюю корректуру; таким образом, это сочинение отняло у меня почти 3 года, но [при этом] «Происхождение [видов]» отняло 46 дней и заметки об орхидеях — 10 дней, и здоровье требовало многочис-

1869.

ночь в Стафforде. — Слаб и нездоров.

Ноябрь, 1-го до 9-го. — [У] Эразма.

1870.

Март, 5-го до 10-го. — [У] Эразма.

Май, 20-го до 24-го. — [В] Кембридже.

Июнь, 24-го до 1 июля. — [У] Эразма.

Август, 13-го до 26-го. — Саутгемптон [в гостях] у Уильяма.

Октябрь, 13-го до 20-го. — Лит-Хилл и [2 нерзб.].

Декабрь, 8-го до 14-го. — [У] Эразма.

1871.

Февраль, 23-го до 2 марта. — [У] Эразма.

Апрель, 1-го до 5-го. — То же.

Май, 11-го до 19-го. — Саутгемптон.

Июнь, 24-го до 30-го. — [У] Эразма.

Июль, 28-го. — [Поехал] в Хэрдин-Олбёри [Haredene Albury?]. [Вернулся] домой 25 августа.



Вестминстерское аббатство в Лондоне, где находится могила Ч. Дарвина



Внутренняя стена северной галереи Вестминстерского аббатства, с медальонами и досками в память великих английских ученых близ места, где в полу захоронены гробы с их останками. Верхний ряд (справа налево): Дарвин. Уоллес, Листер, Адамс, Ньютон. Боковой ряд (сверху вниз): Джоуль, Гукер, Рамзай (см. примеч. 110 на стр. 246)

1871.

ленных поездок для отдыха.

«Происхождение человека» вышло в свет *24 февраля.* Сначала было отпечатано 2500 экземпляров и [еще] 2000 было [затем] допечатано. Получил 1470 фунтов.

Январь, 17-го.— Начал «Выражение [эмоций]» и закончил последнюю [главу] чернового текста *27 апреля.* Много перерывов [в работе].

Июнь, 28-го.— Начал 6-е издание «Происхождения [видов]»; *29 октября* закончил рукопись, но потерял два месяца из-за болезни.

Ноябрь и *декабрь.*— Корректуры «Происхождения видов», [работа над] «Выражением и пр.», болезнь и поездки.

1871.

Август, 31-го.— Генриетта вышла замуж.

Ноябрь, 3-го до 10-го.— Лит-Хилл-Плейс.

*Декабрь, 14-го до 22-*го.—[У] Эразма.

1872.

Январь, 10-го. — Закончил корректуры «Происхождения [видов]» и наново переписал «Выражение».

Август, 22-го. — Закончил последние корректуры «Выражения», которое я начал [писать] 17 января прошлого года. (Оно отняло у меня около 12 месяцев).

Август, 23-го. — Начал заниматься дрозерой.

1872.

Февраль, 13-го до 21 марта.— Лондон Девоншир-Стрит, 9, Портленд-Плейс (5 недель).

Июнь, 8-го до 20-го.— Саутгемптон.

Август, 13-го до 21-го.—Лит-Хилл-Плейс.

Октябрь, 5-го до 26-го.— Севноукс-Коммон [88].

Декабрь, 17-го до 23-го.— [У] Эразма (все время был нездоров).

1872.

Ноябрь, 3-го. — Начал писать о том же.

Ноябрь, 8-го. — Мёррей продал лондонским книготорговцам 5267 экземпляров книги о «Выражении». — Издание состоит из 7000 [экземпляров], вышедших в свет в ноябре; 2000 [вышло] в конце года дополнительно.

1873.

Январь, 15-го. — Закончил «Drosera» [т. е. «Насекомоядные растения»] 14-го и переработал «Лазящие растения».

Февраль, 3-го.— Начал [работать над сочинением] о вредном действии скрещивания [89].

Июнь, 14-го.— Вновь приступил к «Drosera».

Октябрь, 20-го.— Начал исправление рукописи «Drosera».

Ноябрь, 20-го.— Начал исправление «Происхождения человека» для 2-го издания и продолжал [это] весь конец года и в следующем году.

1873.

Март, 15-го до 10 апреля.— [Жил в Лондоне на] Монтегью-Стрит, 16.

Июнь, 4-го до 12-го.— Лит-Хилл-Плейс.

Август, 5-го до 9-го.— [Был] в Абинджере; с 9-го до 21-го— в Бассете [90].

Ноябрь, 8-го до 18-го.— [Пробыл у Генриетты в Лондоне на] Брайанстон-Стрит (очень приятно).

Экземпляры переводов [моих работ] проданы в Германии [на] 1 февраля 1874 г. [в количестве]:

«Происхождение [видов]» — 6500,

«Происхождение человека» — 5000,

«Изменения»—1700,

«Выражение [эмоций]» — 3000,

«Орхидеи» — 600.

1874.

Второе издание «Происхождения [человека]» и «Коралловых рифов». «Происхождение [человека]» взяло 3 месяца.

Апрель, 1-го. — Начал «Насекомоядные растения» (перерывы из-за корректур) и продолжал [работать над этим сочинением] всю остальную часть года: писал и [производил] некоторые наблюдения.

1875.

Март, 29-го. — Закончил рукопись «Насекомоядных [растений]» и вновь исправил «Лазящие растения».

Начал чтение корректур [«Насекомоядных растений»] 3 *июня.*

[«Насекомоядные растения»] начал писать 1 апреля [1874 г.], производя [при этом] некоторые наблюдения над [живыми] насекомоядными растениями.

Июль, 2-го. — «Насекомоядные растения» вышли в свет. 2700 [экземпляров] были проданы немедленно.

Июль, 6-го. — [Приступил к] исправлению «Изменений в

1874.

Январь, 10-го до 17-го. — [У] Эразма.

Апрель, с 21-го до 29-го. — [У] Генриетты.

Июль, 25-го. — [Поехал] в Абинджер, 30-го — к Уильяму.

Август, 24-го. — [Вернулся] домой.

Декабрь, 3-го до 12-го. — [У] Генриетты.

Френки женился в июле [91].

1875.

Март, 31-го. — [Поехал] к Эразму и Личфилдам. Домой [вернулся] 12 апреля.

Июнь, 3-го до 5 июля. — Абинджер-Холл.

Июль, 2-го. — «Насекомоядные растения» вышли в свет. Отпечатано 3000 экземпляров.

Август, 25-го до 11 сентября. Саутгемптон [у] Уильяма.

Ноябрь, 4-го и 5-го. — [Был у] Эразма для [выступления в] Комиссии по вивисекции [92].

Декабрь, 10-го до 20-го. — [У Генриетты на] Брайанстон-Стрит.

1875.

условиях одомашнения» для 2-го издания.

Октябрь, 3-го. — Закончил «Изменения в условиях одомашнения», но мне предстоит еще около месяца работы над корректурами и пр. Могу зато сказать, что я начал [писать работу] «О преимуществах скрещивания» 1 сентября [93].

1876.

Май, 5-го. — Закончил [и] в первый раз просмотрел рукопись [сочинения] «Действие перекрестного опыления». Начал исправление книги об орхидеях для 2-го издания — много работы; в Хопдене начал [писать] мою маленькую автобиографию [94].

Июнь, 11-го. — Начал во второй раз просматривать рукопись [сочинения] «Действие перекрестного опыления».

Август, 19-го. — Первые корректуры этого сочинения.

Октябрь, 21-го. — Закончил [чтение] корректур.

[Книга] вышла в свет *10 ноября* и 7000 экземпляров было продано к концу года. В промежутках работал над 2-м изданием «Орхидей». *14 нояб-*

1876.

Февраль, 3-го до 5-го. — У Эразма.

Апрель, 27-го до 3 мая.—У него же.

Май, 24-го. — [Поехал] в Хопден.

Июнь, 7-го.—Холликомб [Hollycombe].

Июнь, 10-го. — [Вернулся] домой.

Октябрь, 4-го. — Лит-Хилл.

Октябрь, 7-го. — Саутгемптон.

Октябрь, 20-го. — [Вернулся] домой.

Сентябрь, 11-го. — Бедная Эми [95] умерла. Ужаснейший удар для всех нас.

1876.

ря закончил [чтение] первой корректуры; [книга] вышла в свет в конце года.

Ноябрь, 15-го. — Приступил к «Гетеростильным растениям»[96], но в промежутках я отдал [этому труду] 2 или 3 недели работы, — скажем, начал работать над этой книгой *1 ноября.* Таким образом, в течение последних 14 месяцев приготовил «Действие перекрестного опыления» и 2-е издание «Орхидей», и переписал начисто черновую рукопись экспериментальной части «Действие и пр.».

1877.

В течение всей первой части лета работал над «Различными формами цветков» — [книга] вышла в свет (⟨1000⟩ 1250 экземпляров) *в середине июля.*

С этого времени до конца года работал [над вопросами] о восковом налете [на листьях], самопроизвольном движении растений и гелиотропизме, и немного — над «Червями»[97].

1877.

Январь, 6-го до 15-го. — [У] Генриетты.

Апрель. 10-го до 28-го. — [У] Эразма и Генриетты.

Июнь, 8-го. — Лит-Хилл. 13-го — [поехал] [в Саутгемптон, Стонхендж[98], и вернулся домой 4 июля.

Август, 20-го до 25-го. — Абинджер — восхитительно.

Октябрь, 26-го до 29-го. — [У] Эразма.

Ноябрь, 16-го до 19-го. — Кембридж — [получил] степень доктора прав[99].

1878.

Весь этот год [работал над вопросами] о круговых движениях растений и восковом налете [на листьях].

1878.

Январь, 17-го до 23-го. — У Эразма.

Февраль, 27-го до 5 марта. — [У Генриетты на] Брайанстон-Стрит по поводу головокружений.

Апрель, 27-го до 13-го мая. — Саутгемптон.

Август, 7-го. — Лит-Хилл, Абинджер и Барлстон[100]. [Вернулся из поездки] домой 22 августа.

Ноябрь, 19-го до 27-го. — Брайанстон-Стрит.

1879.

Весь этот год [работал над вопросом] о круговых движениях растений, за исключением приблизительно 6-ти недель, [в течение которых писал] «Жизнь Эразма Дарвина».

1879.

Февраль, 27-го до 5-го марта. — У Эразма по поводу болезни Элизабет [101].

Май, 6-го. — Уэртинг[102], *8-го* — Саутгемптон, *21-го* — Лит-Хилл, *26-го* [вернулся] домой.

Июнь, 26-го. — [У] Эразма. [Получил] медаль Бейли [103]. 28-го — [Побывал у] Лауры Форстер [104].

Июль, 1-го. — [Вернулся] домой.

Август, 1-го до 27-го. — Конистон [105]; ночевал у Эразма.

Декабрь, 2-го до 11-го. — У Генриетты и Эразма.

1880.

Круговые движения.

Всю весну заканчивал рукопись [сочинения] «Способность к движению у растений», а затем — корректуры. Осенью приступил к «Червям».

Ноябрь, 6-го. — 1500 экземпляров [сочинения] «Способность к движению» продано книготорговлей Мёррея.

1880.

Март, 4-го до 8-го. — [У] Эразма.

Апрель, 8-го до 13-го. — Абинджер. Горас и Ида [106].

Май, 25-го до 8-го июня. — Саутгемптон.

Август, 14-го. — [Поехал] в Кембридж [к Горасу]; *19-го* у Эразма, 21-го [вернулся] домой.

Октябрь, 28-го до 2 ноября. — В гостях у Генриетты.

8 ноября умерла Элизабет Веджвуд [107].

Декабрь, 7-го. — У Эразма. 11-го — Лит-Хилл-Плейс. 15-го [вернулся] домой.

1881.

В течение всей первой части года [работал над] книгой о червях. Вышла в свет *10 октября*; 2000 экземпляров было продано немедленно, 5000 было отпечатано в декабре, и я исправил [книгу] для нового издания.

Ноябрь. — [Работал по вопросу] о действии углекислого аммония на хлорофилл и на корни Euphorbia и других растений [108].

1881.

Февраль, 24-го до 3 марта. — Брайанстон-Стрит.

Июнь, 2-го до 4 июля. — Паттердейл [109].

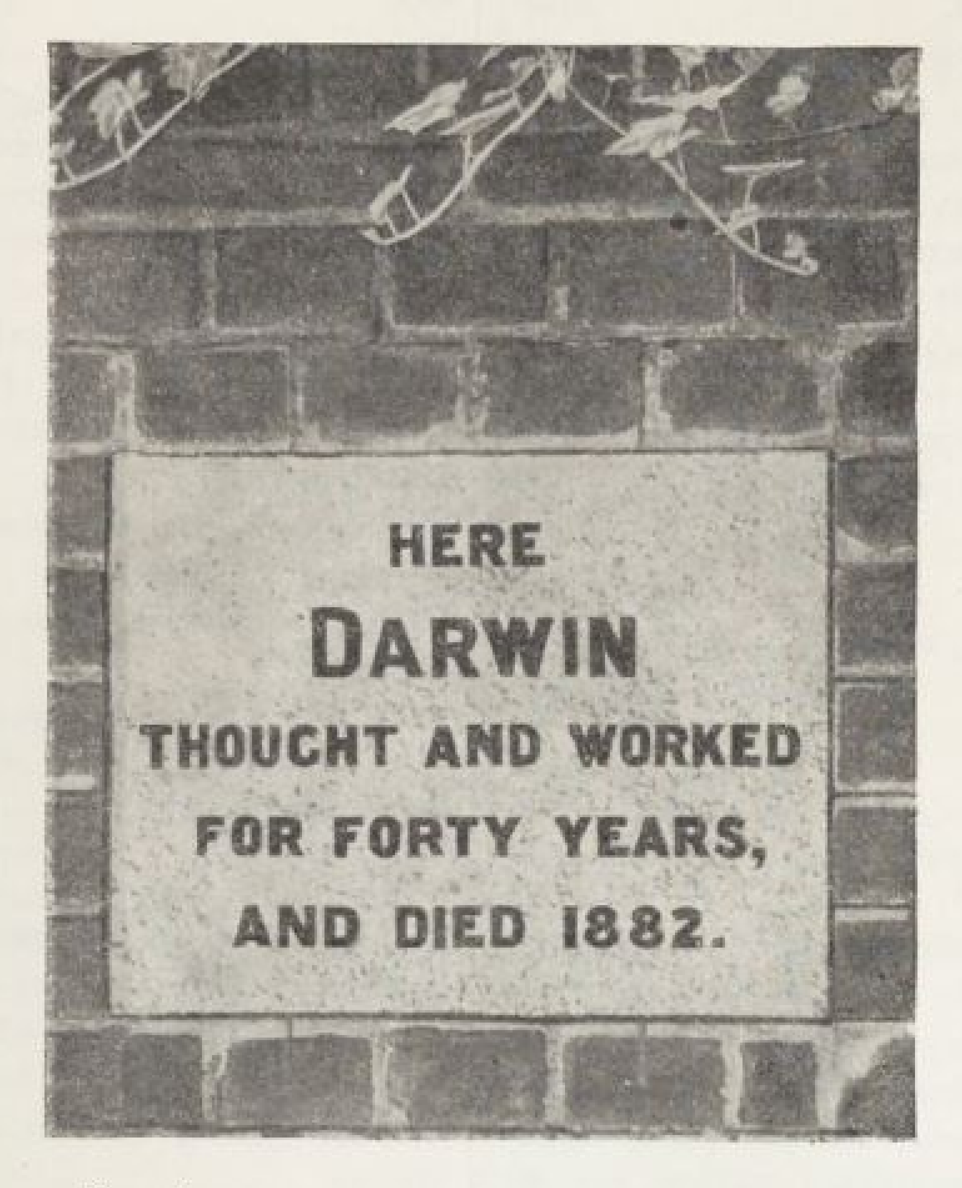
Август, 3-го до 5-го. — У Эразма.

Август, 26-го. — Эразм умер ночью.

Сентябрь, 8-го до 10-го. — [Поехал] к А. Ричу в Уэртинг.

Октябрь, 20-го до 27-го. — У Гораса в Кембридже.

Декабрь, 13-го до 20-го. — Брайанстон-Стрит.



«Здесь Дарвин мыслил и трудился в течение сорока лет и умер в 1882 году».

Мемориальная доска на стене у въездных ворот в дом Дарвина в Дауне

ПРИЛОЖЕНИЯ

—

«ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗВИТИИ МОЕГО УМА И ХАРАКТЕРА»

Примечания С. Л. Соболя

Как уже указывалось во вступительной статье, Дарвин назвал свой автобиографический очерк «Воспоминания о развитии моего ума и характера». Его сын Френсис, опубликовав этот очерк в 1887 г., сильно сократил его, а некоторые разделы (например, о религиозных воззрениях, об отце докторе Роберте Дарвине и брате Эразме Дарвине) выделил из состава «Воспоминаний» и поместил их в другие главы того же тома L.L., в котором напечатан и преобразованный указанным образом автобиографический очерк Дарвина, названный Френсисом «Автобиографией».

Сокращая «Воспоминания», Френсис Дарвин исходил из различных соображений. Прежде всего он не считал удобным в то время, в 80-х годах прошлого века, публиковать некоторые довольно откровенные высказывания Ч. Дарвина о характере и воззрениях ряда английских ученых и деятелей его времени. Он исключил далее все более резкие и вполне откровенные высказывания Ч. Дарвина о религии. Сокращению подверглись также некоторые места в рассказе Ч. Дарвина об отце, о жене и т. п.

Все эти изменения лишили — если и не вполне, то в большой мере — «Воспоминания» Ч. Дарвина характера повести о развитии его ума и характера, но зато дали право Френсису Дарвину назвать получившийся сокращенный текст «Автобиографией». С другой стороны, небольшие чисто литературные исправления текста, произведенные Френсисом Дарвином, и исключение им из текста «Воспоминаний» ряда упомянутых выше разделов, придали, несомненно, тексту «Воспоминаний» более легко читаемый и более стройный характер, — вспомним, что сам Дарвин, как он говорит во вступлении к «Воспоминаниям», «о стиле изложения... совершенно не заботился» (стр. 39). Так возникла широко известная «Автобиография» Чарлза Дарвина, весьма значительно уступающая по своему объему и содержанию собственному тексту гениального ученого.

«Воспоминания» в том виде, в каком они дошли до нас в рукописи Ч. Дарвина, возникли не сразу. В основной текст, написанный Дарвином в Хопдене с 31 мая по 3 августа 1876 г. (см. стр. 39 и 153 и примечания 1 и 195), Дарвин в дальнейшие годы сделал ряд вставок. Они-то, имея в большинстве случаев довольно значительный объем, и нарушили первоначальную стройность изложения, а в двух-трех местах даже вызвали небольшие повторения. В 1877 или 1878 г. была написана обширная вставка об отце, брате Эразме и сестрах (см. стр. 47—59 и примечание 20). В 1879 г. была добавлена заключительная часть раздела о религии (стр. 98—107 и примечание 115), оставшаяся неопубликованной за исключением двух известных фраз, которыми Френсис Дарвин заключил третий том L. L. (стр. 359): «Что касается меня самого, то я думаю, что поступал правильно, неуклонно занимаясь наукой и посвятив ей всю свою жизнь. Я не совершил какого-либо серьезного греха и не испытываю поэтому никаких угрызений совести, но я очень и очень часто сожалел о том, что не оказал больше непосредственного добра моим ближним». Наконец, в 1881 г. Ч. Дарвином было сделано последнее добавление — о работах, опубликованных им в период с 1876 по 1881 годы (см. стр. 143—145).

Текст «Воспоминаний» был впервые опубликован в Англии Френсисом Дарвином (в сильно сокращенном виде под названием «Автобиография») в 1887 г. в первом томе L. L. на стр. 26—107. В том же первом томе L.L. помещены дополнение об отце и брате (стр. 11—12) и раздел о религии (стр. 307—313), но без дополнения 1879 г.; оба отрывка даны Френсисом независимо от «Автобиографии» и с значительными сокращениями. В M.L., появившихся в 1903 г., т. е.через пятнадцать лет после L.L.,Френсис Дарвин дал ранее исключенные им отрывки о жене Ч. Дарвина Эмме Дарвин (т. I, стр. 30) и о Леонарде Дженинсе (т. I, стр. 49, примечание). Еще через 30 лет, в 1933 г. внучка Ч. Дарвина Нора Барло опубликовала полностью страницы «Воспоминаний», посвященные характеристике капитана Роберта Фиц-Роя («Charles Darwin's Diary of the Voyage of H. M. S. «Beagle». Edited from the MS by Nora Barlow. Cambridge, 1933, стр. XV—XVIII), которая в «Автобиографии» дана с очень большими сокращениями. Это всё, что было когда-либо опубликовано из состава «Воспоминаний» Ч. Дарвина до настоящего времени, если не считать, что в своей вышедшей в 1955 г. в Лондоне книге «Apes, Angels and Victorians. A joint biography of Darwin and Huxley» У. Эрвин (William Irvine) делает несколько ссылок на неопубликованные части рукописного текста «Воспоминаний».

Ниже приводится перечень всех важнейших мест «Воспоминаний», остававшихся до настоящего времени неопубликованными. Против каждого из отрывков, перечисленных в этом перечне, указаны страницы, на которых находятся данные отрывки в настоящем переводе:

1. Содержание. Стр. 39 (петит перед текстом).
2. Мне приходилось... со мною, ибо. Стр. 39—40.
3. Думаю, что... перед смертью. Стр. 40.
4. До того, как...успешно. Стр. 40.
5. Каролина была... сказала. Стр. 40.
6. Около этого времени... быстро бегал. Стр. 42.
7. Отец рассказывал... крови пациента. Стр. 48—49.
8. Обычным объектом... гораздо лучше. Стр. 49.
9. Один родственник... не знает этого. Стр. 51.
10. В молодости отец... конверте. Стр. 53.
11. Об отце... сестрах. Стр. 58.
12. ...как и моим четырем сестрам... ко мне. Стр. 59.
13. Приведенный выше... ценности. Стр. 59.
14. Некоторые... человеком. Стр. 61.
15. ...но был человеком... на язык. Стр. 66.
16. В его внешности... джентльменского, но... Стр. 70.
17. Меня, однако, поражало... incredibile». Стр. 73.
18. Первобытные... цивилизованного человека. Стр. 92.
19. — с его до очевидности... тирана — Стр. 98.
20. ...или верования какого-нибудь дикаря. Стр. 98.
21. Как бы прекрасна... аллегории. Стр. 99.
22. ...и никогда... отвратительно. Стр. 100.
23. Всё в природе является результатом твердых законов.Стр. 100.
24. Существо... времени? Стр. 102.
25. Не приходится, однако,... возникли. Стр. 103.
26. Не имеем ли мы... по отношению к змее. Стр. 105.
27. Человек... существует». Стр. 105—107. (Кроме слов «Что касается...моим ближним», стр.106. См. также выше стр.196, строки12 св. и сл.)
28. В отношении своей... характера. Стр. 108.
29. В подобных случаях... со стула. Стр. 111.
30. Он обладал... его сдали. Стр. 112.
31. Я был... в указателе [к книге]». Стр. 113.
32. до того... просиживая с ним. Стр. 113—114.
33. Он никогда... вопросов. Стр. 114.
34. (а ведь я был... на пять лет). Стр. 114.
35. Полагаю, что... С другой стороны... Стр. 114.
36. Он был склонен... многим книгам». Стр. 114.
37. В то время... на благо человечества. Стр. 115—116.
38. Он был очень... действительно грязные. Стр. 117.
39. Довольно часто я ... рассказ о Спенсере... Стр. 117—118.
40. Г. Спенсер говорил... ни одной строки его! Стр. 119.
41. Это, я думаю, обидело его, ибо... Стр. 119.

42. Когда завтрак... несвоевременны». Стр. 120.
43. Я слыхал, что его отец... был знаком... Стр. 120.
44. ...которые никогда... позволяют обстоятельства. Стр. 123.
45. Пока я был молод... моей жены и детей. Стр. 124.
46. Должен, однако,... Олд-Бейли». Стр. 135—136.
47. ...о движениях усиков одного тыквенного растения... Стр. 139.
48. Так как я случайно... кита есть своя вошь». Стр. 144—145.
49. Я сообщил бедному... его книги. Стр. 153.

Перевод «Автобиографии» Ч. Дарвина (с текста, вошедшего в первый том «Life and Letters») на русский язык был впервые осуществлен К. А. Тимирязевым. Этот перевод появился в конце прошлого века в составе «Собрания сочинений» Ч. Дарвина, изданного О. Н. Поповой (т. I, стр. 1—35), и затем неоднократно перепечатывался как до, так и после 1917 г. Тимирязев, однако, не перевел, — вероятно, по цензурным условиям, — отрывка о религии. Этот отрывок впервые (и единственный раз!) появился на русском языке в 1907 г. в переводе... с немецкого языка: издатель «Вестника знания» В. В. Битнер выпустил под своей редакцией перевод составленной доктором Бруно Вилле книги «Чарльз Дарвин. Мое миросозерцание», представляющей собой хрестоматийный сборник отрывков из различных работ Дарвина, в том числе и из «Life and Letters». Перевод этот представляет собою сильно искаженное изложение текста Дарвина. Наконец, в VIII томе «Иллюстрированного собрания сочинений Чарлза Дарвина», издававшегося Ю. Лепковским, К. А. Тимирязев дал перевод извлечений из «Life and Letters», где привел (стр. 153) и указанные выше две фразы из добавления Дарвина к разделу о религии («Что касается меня» и т. д.). Таким образом, даже опубликованные части «Воспоминаний» оставались до настоящего времени почти неизвестными широким кругам русских читателей.

[1] По поводу этого заглавия см. стр. 3, 16, 195. Так же, как дата и подпись Ч. Дарвина, заглавие предшествует тексту «Воспоминаний» (см. стр. 19), а не «Содержанию» (примеч. 2). Поставленная здесь Ч. Дарвином дата начала работы над «Воспоминаниями» (31 мая 1876 г.) расходится с датой, указанной им в конце рукописи, — 28 мая 1876 г. (стр. 153). Это расхождение объясняется, вероятно, тем, что во втором случае Дарвин поставил дату по памяти, не заглянув в начало рукописи. — Стр. 39.

[2] «Содержание» написано рукою Дарвина на отдельной странице, расположенной перед текстом «Воспоминаний». Поскольку на этой странице указаны первая и последняя страницы каждого из разделов рукописи, можно думать, что «Содержание» составлено Дарвином по завершении работы, т. е. 3 августа 1876 г. — Стр. 39.

[3] Ч. Дарвин имеет здесь в виду своего деда Эразма Дарвина (1731—1802) — врача, натуралиста и поэта, одного из первых биологов-эволю-

ционистов, выдвинувшего в конце XVIII в. эволюционную концепцию, близкую к концепции Ламарка. — Стр. 39.

[4] Шрусбери (Shrewsbury) — старинный город, административный центр графства Шропшир, в зап. части Центральной Англии, примыкающей к Уэльсу; Шрусбери расположен на реке Северн. В русской лит. часто встречается неправильное написание: Шрюсбери. — Стр. 39.

[5] Во избежание повторений приводим здесь данные о составе семьи Дарвинов, члены которой будут часто упоминаться в автобиографических материалах Чарлза Дарвина. Отец Ч. Дарвина *Роберт Уоринг Дарвин* (1766—1848) — сын Эразма Дарвина (см. выше примеч. 3); мать его *Сусанна Дарвин* (1765—1817) — старшая дочь Джосайи Веджвуда из Этрурии, основателя знаменитой английской фабрики фарфора. У Роберта и у Сусанны Дарвин было четыре дочери и двое сыновей: 1. *Марианна* (1798—1858), в 1824 г. вышла замуж за д-ра Генри Паркера; 2. *Каролина-Сара* (1800—1888), в 1837 г. вышла замуж за Джосайю Веджвуда, своего двоюродного брата, сына Джосайи Веджвуда из Мэра, который был продолжателем дела своего отца — Джосайи Веджвуда из Этрурии; 3. *Сусанна (Сюзен)-Элизабет* (1803—1866); 4. *Эразм-Олви* (1804—1881); 5. *Чарлз-Роберт* (1809—1882), в 1839 г. женился на своей двоюродной сестре Эмме Веджвуд (1808—1896), дочери Джосайи Веджвуда из Мэра; 6. *Эмили-Катерина (Кэтрин)* (1810—1866), в 1863 г. стала второй женой родственника Веджвудов Ч. Лэнгтона. Таким образом, Дарвины и Веджвуды были связаны родством на протяжении ряда поколений.—Стр. 39

[6] Абергел (Abergele) — небольшой город в Денбишире, в северной части Уэльса, на берегу Ирландского моря.—Стр. 40.

[7] Эти самые ранние воспоминания Ч. Дарвина изложены им в небольшом отрывке, представляющем собою начало автобиографии, составление которой Дарвин предпринял в 1838 г., но вскоре бросил, доведя изложение только до 1820 г. Отрывок этот опубликован Френсисом Дарвином в M. L., т. 1, стр. 1—5. — Стр. 40.

[8] «Day-shool» — «дневная школа», т. е. школа для занятий в течение дня с приходящими учениками, в противоположность «ночной школе», т. е. школе с пансионом. Френсис Дарвин сообщает (L. L., т. 1, стр. 27, примеч.), что частную начальную «дневную школу» в Шрусбери «содержал преподобный Кейс (G. Case) — священник унитарной капеллы на Хай-стрит. Миссис Дарвин [т. е. мать Ч. Дарвина] была унитарийкой и посещала капеллу м-ра Кейса, куда вместе с ней ходили мой отец и его старшие сестры. Однако он и его брат были крещены по обряду англиканской церкви, к которой они и считались принадлежащими; когда отец подрос, он, по-видимому, посещал англиканскую церковь, а не капеллу м-ра Кейса. Как сообщает «St. James's Gazett» (от 15 декабря 1883 г.), в память отца в капелле, которая в настоящее время известна под названием «Свобод-

ная христианская церковь», установлена стенная мемориальная доска. Напомним, что секта унитариев отрицала догмат триединства бога; молитвенные дома унитариев обычно назывались капеллами. — Стр. 40.

[9] «Преподобный Лейтон (W. A. Leighton), который обучался вместе с моим отцом в школе м-ра Кейса, вспоминает, как отец принес однажды в школу какой-то цветок и заявил, что мать научила его, как можно узнать название растения, если заглянуть внутрь цветка. М-р Лейтон говорит далее: «Это сильно возбудило мое любопытство, и я неоднократно допытывался у него, каким образом это может быть сделано?», но его объяснение, естественно, довольно-таки трудно передать» (Френсис Дарвин, L. L., т. I, стр. 28, примеч.). — Стр. 40.

[10] Франки (Franks) — почтовые знаки различной формы и вида, наклеивавшиеся на почтовые отправления для указания того, что данное отправление освобождено от почтовых сборов; эта привилегия была отменена в Англии в 1840 г. — Стр. 40.

[11] «Его отец мудро усматривал в этом не лживость, а стремление к открытиям» (Фр. Дарвин, 1949, стр. 3, примеч.). — Стр. 42.

[12] Мэр (Maer) — имение дяди Ч. Дарвина Джосайи Веджвуда, расположенное в Стаффордшире, в 23 милях к северо-западу от Шрусбери, т. е. на расстоянии около дня пути на лошадях от дома Дарвинов.—Стр. 44.

[13] Фр. Дарвин сообщает, что аналогичное впечатление эти военные похороны произвели и на другого уроженца Шрусбери — некого Греттона, который в своих воспоминаниях (G r e t t o n, Memory's Harkback) рассказывает, что отлично помнит даже то место «в саду около церкви св. Чэда, где бедняга был похоронен», и что драгун этот служил в полку, командир которого был незадолго до этих похорон ранен в битве при Ватерлоо (Фр. Дарвин, 1949, стр. 5, примеч.). Так как битва при Ватерлоо произошла 18 июня 1815 г., то описываемое Дарвином событие, если, конечно, верно то, что говорит Греттон, относится не к 1817 г., а к 1815 г., когда Дарвину было шесть с половиною лет. — Стр. 44.

[13а]. Со времени открытия Гельмгольцем возможности измерения скорости распространения нервного возбуждения (1850) в физиологической и психологической литературе все чаще и чаще подвергался рассмотрению вопрос о быстроте протекания психических процессов. Господствовавшее до работ Гельмгольца представление о молниеносном, не поддающемся измерению характере психических актов было поколеблено экспериментальными фактами. Было доказано, что скорость проведения возбуждения по периферическому нерву неизмеримо меньше скорости распространения не только света, но и звука (у лягушки—около 30 м в секунду, у человека—немногим больше 60 м). В 60 — 70-х годах XIX в. широкое применение получил хроноскопический метод измерения латентного времени простых и сложных двигательных реакций человека (работы Дондерса, Вундта, Экспера и др.). Количественные характеристики времени реакций (0,15—

0,20 сек. для простой реакции, 0,300—0,500 сек. для реакции с выбором) заставили еще больше усомниться в правильности общепринятых взглядов на сверхскоростной характер психических процессов. Дарвин, конечно, был хорошо знаком с основными трудами Спенсера, Бэна, Дондерса, Вундта, в которых с достаточной полнотой рассматривался этот вопрос, но возможно, что мимо внимания Дарвина прошло одно из ранних сочинений В. Вундта, в котором была сделана попытка разъяснить именно то противоречие, которое озадачило Дарвина. В примечании к 3-й лекции I тома своей работы «Душа человека и животных» (1863) Вундт писал: «Вспоминая о прошедшем, мы иногда в самое короткое время пробегаем в уме большие периоды времени. Но внимательно наблюдая над собою, мы легко можем заметить, что эти периоды наполнены только немногими происшествиями, и лишь впоследствии мы мало-помалу припоминаем и другие факты». Кажущуюся одновременность нескольких психических актов Вундт объясняет быстрой их последовательностью, считая, что самая быстрая мысль длится в среднем 1/8 сек. К этому можно добавить экспериментальные данные, полученные позднейшими исследователями. Следует прежде всего указать на значительную изменчивость (как межиндивидуальную, так и внутрииндивидуальную) времени, характеризующего длительность психических процессов. В определенных условиях поток возникающих в сознании представлений течет с молниеносной быстротой, особенно, когда эти представления не оформляются вербально и носят характер зрительных образов, сменяющих друг друга в темпе, не поддающемся учету. Темп этого «мелькания» образов нарастает особенно резко при аффективных состояниях или под влиянием таких эмоций, как страх. В этих условиях психические процессы носят сверхскоростной характер, чередуясь со скоростями в тысячные доли секунды. Дарвин, следовательно, вполне правильно описал свое переживание. (Примечание составлено проф. С. Г. Геллерштейном). — Стр. 46.

[14] Поскольку Плиний старший, знаменитый натуралист и историк, погиб в 79 г., наблюдая извержение Везувия, Дарвин имеет, очевидно, в виду Плиния младшего, однако обстоятельства смерти последнего совершенно неизвестны. Вряд ли поэтому сообщаемый Дарвином рассказ относится к Плинию. Самоубийство путем вскрытия себе вен в ванне было широко распространено в древнем Риме. «Анналы» Тацита полны таких рассказов, но особенно популярен рассказ Тацита о трагической смерти в 65 г. знаменитого римского философа и писателя Сенеки, который вскрыл себе вены, когда Нерон приговорил его к смертной казни за участие в заговоре Пизона против Нерона (см. «Летопись Кая Корнелия Тацита», перевод А. Кронеберга, ч. 2, стр. 208—211, М., 1858; см. также Н. Ф. Дератани и др., История римской литературы, стр. 346, М., 1954). Вполне вероятно, что в классической школе д-ра Батлера Дарвин читал Тацита в подлиннике. — Стр. 48.

[15] «Атеней» («Atheneum») — аристократический клуб в Лондоне. По уставу этого клуба ежегодно в состав его членов избиралось несколько выдающихся представителей науки, литературы и искусства, а также видные общественные деятели. Дарвин был избран в члены клуба в 1838 г. Из письма Дарвина к Лайеллю от 9 августа 1838 г. (L. L., т. I, стр. 294) видно, что какое-то участие в избрании Дарвина в члены клуба принимал Лайелль, что первоначально Дарвин был далеко не в восторге от мысли оказаться членом аристократического клуба («я был полон ожидания, что буду питать отвращение к нему», т. е. к клубу), но то обстоятельство, что, обедая по вечерам в клубе, он получил возможность встречаться там с видными лондонскими натуралистами, сделало для него пребывание в клубе даже приятным. В 1858 г. в члены клуба был избран Гёксли. — Стр. 52.

[15а] Брюшной тиф как болезнь sui generis был действительно выделен из смешанной группы тифозных лихорадочных заболеваний рядом авторов (Гильдебрандом в Германии, Дженнером и Мурчисоном в Англии, Гергардом и Паннекоком в США) после опубликования работ Луи (1828) и Бретоно (1830). (Справка любезно составлена проф. Ф. Т. Гринбаумом). — Стр. 53.

[16] По словам Френсиса Дарвина, эта легенда продолжала жить в Шрусбери еще и в конце века, — в 1884 г. ее рассказал другому сыну Ч. Дарвина один шрусберийский старожил (L. L., т. I, стр. 16, примеч.).—Стр. 54.

[17] В 1879 г. Ч. Дарвин организовал перевод на английский язык статьи известного немецкого дарвиниста Э. Краузе об эволюционных воззрениях Эразма Дарвина. Переводу он предпослал написанный им на основании семейных архивов очерк жизни Э. Дарвина. Очерк этот до настоящего времени не появлялся в русском переводе. Полный перевод его будет включен в 9-й том академического издания Сочинений Ч. Дарвина. Краткое изложение очерка дано академиком Е. Н. Павловским в изданном им переводе поэмы Эразма Дарвина «Храм природы» (изд. АН СССР, М., 1954, стр. 157—171). — Стр. 58.

[18] Эразм Дарвин, старший брат Ч. Дарвина, получил медицинское образование в Эдинбурге и Лондоне и степень бакалавра медицины — в Кембридже, но врачебной практикой никогда не занимался. Получив от отца большие средства, Эразм вел в Лондоне спокойную одинокую жизнь. Его близкими друзьями были знаменитый Карлейль и его жена. До смерти он оставался в тесной дружбе со своим младшим братом, часто приезжая в Даун и проводя лето где-нибудь на курорте с семьей Чарлза. начала 1860-х годов Дарвин, приезжая в Лондон, обычно останавливался доме старшего брата на Queen Anne Street. — Стр. 58.

[19] Чарлз Лэмб (Charles Lamb), 1775—1834, английский писатель-юморист. Сравнение Эразма с Лэмбом, по-видимому, бытовало в семьях

Дарвинов и Веджвудов. Так, двоюродная сестра Э. и Ч. Дарвинов Джулия Веджвуд в письме об Эразме, напечатанном после его смерти в «Spectator» (3 сентября 1881 г.), писала: «Беседы с Эразмом Дарвином были, как мне кажется, столь же обаятельными, как произведения Чарлза Лэмба. Это была того же рода шутливость, то же изящество в манере, та же мягкость и, быть может, тот же стиль» (L.L., т. I, стр. 24). — Стр. 58.

[20] Как уже было указано (стр. 196), вставки об отце и брате написаны Ч. Дарвином в 1877 или 1878 г. Однако заключительная фраза о Карлейле могла быть добавлена Дарвином только в 1881 г., после того как появилось первое издание «Воспоминаний» («Reminiscences») Карлейля, в которых Карлейлем дана краткая характеристика Эразма Дарвина (т. II, стр. 208). Хотя эта характеристика не содержит ничего порочащего Эразма Дарвина, надо думать, что несколько снисходительный по отношению к Эразму тон ее и явился причиной отрицательного отношения к ней, высказанного, как мы видели, Ч. Дарвином. По-видимому, по той же причине Джулия Веджвуд напечатала в «Spectator» указанное выше письмо, задачей которого было, вероятно, стремление несколько сгладить то впечатление об Эразме, которое создавала характеристика, данная Карлейлем (см. L.L., т. I, стр. 22—25, где приведены письмо Дж. Веджвуд и отрывок из «Воспоминаний» Карлейля). — Стр. 59.

[21] Отец Френсиса Гальтона (1822—1911) С. Т. Гальтон (1783—1844) был женат на Анне-Вайолет Дарвин — дочери Эразма Дарвина от его второго брака; отец Чарлза Дарвина — сын Эразма Дарвина от его первого брака. Вот почему Ч. Дарвин называет С. Т. Гальтона своим дядей, а Френсиса Гальтона — своим двоюродным братом. — Стр. 59.

[22] Джемс Томсон (J. Thomson), 1700—1748, шотландский поэт, представитель так называемой «кладбищенской», элегической, мрачно-меланхолической поэзии. «Времена года» («The Seasons», 1730) — наиболее известное его произведение. — Стр. 59.

[22a] Нам не удалось найти эту книгу в библиотеках Москвы. По справке, любезно наведенной по нашей просьбе в Ленинграде В. Л. Левиным, в Англии в начале XIX в., да и позже, часто появлялись книги под названием «Чудеса мироздания» или близкими к нему. В частности, в 1825 г., т. е. около того времени, когда Дарвин мог читать эту книгу, в Лондоне появилась книга Томаса Смита (Thomas Smith of Spa Fields' Chapel) «Wonders of the World», New Edition. Книга представляет собою, по-видимому, переработку предназначенного для юношества шеститомного сочинения того же автора «Naturalist's Cabinet» (Лондон, 1807), пользовавшегося широкой популярностью и переведенного на французский и итальянский языки. У нас нет, однако, твердых оснований утверждать, что сочинение Смита 1825 г. именно и есть та книга, которой увлекался Дарвин в школьные годы. — Стр. 60.

[23] «Noscitur a Socio» (лат.) — буквально: «узнается товарищем» или «узнается по товарищу». Быть может, Дарвин применил эти слова в смысле: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты».—Стр. 61.

[24] Плейс-Эдвардс (Plas Edwards) — курорт близ города Тоуина в Уэльсе, на берегу Кардиганского залива. — Стр. 61.

[25] Zygaena (Anthrocera) — род бабочек из семейства пестрянок; Cicindela — род жуков из семейства скакунов. — Стр. 61.

[26] Уайт Г. (Gilbert White), 1720—1793, — английский священник, писатель и натуралист, автор популярного и по настоящее время в Англии сочинения «The natural history and antiquities of Selborne, in the county of Southampton», Лондон, 1789. В 1930-х годах насчитывалось свыше ста английских и американских изданий этой книги. Биографические данные об Уайте и характеристику его творчества см.: E. A. Martin, A bibliography of Gilbert White, Westminster, 1897; «Journals of Gilbert White», edited by W. Johnson, London, 1931. — Стр. 61.

[27] Henry and Parkes, Chemical] Catechism. — Стр. 61.

[28] Некоторые сведения о пребывании Ч. Дарвина в Эдинбурге опубликованы в «Edinburgh Weekly Dispatch» от 22 мая 1888 г. и в «St. James's Gazette» от 16 февраля 1888 г. В последнем журнале, в частности, сообщается, что Эразм и Чарлз Дарвины пользовались университетской библиотекой в гораздо большей мере, чем другие студенты того времени. См. также: J. H. Ashworth, Charles Darwin as a student in Edinburgh, «Proceedings of the Royal Society of Edinburgh», vol. LV, part, II, № 10, pp. 97—113, Edinburgh, 1935; «Nature», 1935, Oct. 5, p. 534; «Nature» 1935, Dec. 28.— Стр. 62.

[29] Хоп Ч. (Charles Hope), известный химик, описавший в 1798 г. стронциеву землю; ученик и последователь Лавуазье и Дальтона, Хоп один из первых в Англии развивал с университетской кафедры их воззрения, в частности — учение Дальтона об атомном строении материи. Блестящий лектор, Хоп пользовался огромной популярностью среди эдинбургских студентов. Кафедру химии в Эдинбурге Хоп занимал с 1795 по 1844 годы. См. о нем: A. Grant, The Story of the University of Edinburgh, vols I—II, London, 1884 (vol. II, pp. 397—398). — Стр. 62.

[30] Дункан (правильнее: Данкан) Э. (Andrew Duncan), второй, или младший, занимал в Эдинбурге кафедру Materia medica (учение о лекарственных веществах, фармакогнозия) в 1821—1832 гг. Его учебник фармакопеи («Edinburgh Dispensatory») был широко распространен в течение многих лет в медицинских школах всей Европы. Дункан занимался изучением цинхонина (алкалоида коры хинного дерева) и ряда других растительных алкалоидов. В годы обучения Ч. Дарвина в Эдинбурге Дункан заведовал также университетской библиотекой. См. о нем указанное соч. Гранта, т. I, стр. 292 и т. II, стр. 14—16, 407, 424, 445—447.— Стр. 62.

[31] Речь идет об Александре Монро (A. Monro) третьем, который занимал кафедру анатомии в Эдинбурге в 1798—1846 гг. Его отец (Александр Монро второй) и дед (Александр Монро первый) занимали ту же кафедру (дед — с 1720 г.). Оба они прославились как выдающиеся анатомы, посвятившие себя в значительной мере разработке сравнительной анатомии. Третий Монро, лекции которого слушал молодой Дарвин, был весьма посредственным исследователем и педагогом, и не пользовался любовью студентов. Подробнее обо всех трех Монро см. указанное сочинение Гранта, т. II, стр. 386—391. — Стр. 62.

[32] «Я слышал, — говорит Френсис Дарвин (1949, стр. 12, примеч.), — как отец вспоминал о том, какую он испытывал гордость, когда добился успешного излечения целого семейства при помощи рвотного камня». — Стр. 63.

[33] В 1909 г. Френсис Дарвин передал Эдинбургскому университету следующие студенческие билеты Дарвина 1825—1826 гг.: 1) на право пользования университетской библиотекой; 2) на право посещения лекций Э. Дункана по фармакогнозии, диэтетике и фармации; 3) на право посещения лекций Т. Ч. Хопа по химии и фармации; 4) на право посещения лекций А. Монро по анатомии, физиологии и патологии; 5) на право посещения клинических лекций д-ров Греэма и Алисона; 6) на право посещения лекций А. Монро по теории и практике хирургии; 7) постоянное удостоверение на право посещения Королевского госпиталя. — Стр. 63.

[34] Сведения об этих трех эдинбургских друзьях Дарвина находим в указанной статье Ашуорта (см. выше примеч. 28). У. Ф. Эйнсуорт (William Francis Ainsworth), 1807—1896, врач и геолог; в 1835 г. вошел в состав научной экспедиции на Евфрат и опубликовал отчет о своих исследованиях по геологии и животному миру южной Месопотамии. — Дж. Колдстрим (John Coldstream), 1806—1863, врач и зоолог; в «Энциклопедии анатомии и физиологии» Тодда напечатал в 1830-х годах статьи о медузах, усоногих раках, свечении животных и др. — Ашуорт показал, что Дарвин ошибся в отношении как фамилии, так и судьбы того студента, которого он называет Гарди (Hardie): речь идет об У. Ардинге (Willoughby Arding), 1805—1879, получившем в 1826 г. золотую медаль за собранную им коллекцию растений; в 1829 г. он отправился в качестве хирурга в Индию, а через десять лет вернулся в Англию и в течение многих лет занимался медицинской практикой. — Стр. 66.

[35] О взаимоотношениях Ч. Дарвина и Роберта Гранта (1793—1874) см. интересную статью в журнале «Лихнос»: P. H. Jespersen, Charles Darwin and Robert Grant, «Lychnos», 1948—1949, стр. 159—167. С 1820 г. Грант работал в Эдинбурге, занимаясь исследованием морских беспозвоночных. В 1827 г. он был избран профессором сравнительной анатомии и зоологии Лондонского университета. Как в эдинбургских

работах, так и в лондонских лекциях по сравнительной анатомии (1830-е годы) Грант определенно говорит о «превращениях [метаморфозах] видов» и о «развитии животного царства... от более простого до нынешнего состояния». Опубликованную им в мае 1861 г. работу о «первичных подразделениях живстного царства» Грант посвятил Дарвину как основателю эволюционного учения. — Стр. 66.

[36] Доклад Дарвина о мшанке Flustra и морской хоботной пиявке *Pontobdella muricata*, нападающей главным образом на скатов, был сделан им не «в начале 1826 г.», как он пишет, а 27 марта 1827 г., как видно из протоколов Плиниевского общества. Отрывки из эдинбургской записной книжки Дарвина опубликованы в упоминавшейся уже статье Ашуорта (см. примеч. 28). Из этих отрывков видно, насколько серьезно юный Дарвин осуществлял свою первую научную работу: отмечая, что «яйца» (личинки) Flustra обладают органами движения (ресничками), он говорит что «это обстоятельство... не было, по-видимому, до сих пор замечено ни Ламарком, ни Кювье, ни Ламуру, ни каким-либо другим автором». Хотя он пользовался советами своих старших руководителей и товарищей Гранта и Колдстрима, однако большая его самостоятельность уже в те годы видна из его рассказа, записанного его дочерью Генриеттой Личфилд, но опубликованного лишь недавно Йесперсеном (см. примеч. 35): обнаружив реснички у «яиц» Flustra, «он немедленно бросился к проф. Гранту, который работал над этим предметом, чтобы сообщить ему, так как думал, что тот обрадуется столь любопытному факту. Но он был крайне смущен, получив в ответ, что очень некрасиво с его стороны заниматься предметом, над которым работает сам профессор Грант, и что он, Грант, сочтет дурным, если мой отец опубликует свое открытие. Это произвело глубокое впечатление на моего отца, и он всегда выражал величайшее презрение к такого рода мелким чувствам, недостойным тех, кто ищет истину». — Стр. 68.

[37] Плиниевское студенческое естественнонаучное общество при Эдинбургском университете было основано в 1823 г. и закончило свое существование в 1840-х годах. Дарвин был избран в члены Общества 28 ноября 1826 г., а уже через неделю он был избран одним из пяти членов Совета Общества, из чего следует, что активный интерес Дарвина к вопросам естествознания был хорошо известен членам Общества. За то время, когда Дарвин состоял членом Общества, т. е. с 28 ноября 1826 г. по 3 апреля 1827 гг., было проведено 19 заседаний, и Дарвин, как видно из протоколов Общества, присутствовал на 18-ти из них и 4 раза участвовал в обсуждении докладов. Большой интерес для биографа Дарвина представляют темы некоторых докладов: инстинкт, анатомия выразительных движений, повадки кукушки, своеобразное изменение формы листьев у лавра благородного, принципы естественной классификации в связи с вопросом о видовых признаках. Последний доклад был прочитан в январе 1827 г.

Эйнсуортом, и Дарвин принимал участие в обсуждении его, но протоколы, к сожалению, не излагают содержания его выступления. Любопытен факт забаллотирования членами Общества на заседании 26 декабря 1826 г. Кювье и Блуменбаха, которые были выдвинуты в почетные члены некоторыми членами Правления (но не Совета!) Общества. Не объясняется ли нежелание большинства членов Плиниевского общества назвать своими почетными членами Кювье и Блуменбаха реакционными позициями этих двух крупнейших представителей биологической науки того времени — креационизмом Кювье и витализмом Блуменбаха? — Стр. 68.

38 Грант упомянул об открытии Дарвина не в работе о Flustra, а в статье о коконах («яйцах») пиявки Pontobdella, напечатанной им в «Edinburgh Journal of Science» (1827, июль, т. III., стр. 160—161). В этой статье Грант писал: «Заслуга установления впервые того факта, что они [«яйца»] принадлежат этому животному [Pontobdella], принадлежит моему ревностному молодому другу м-ру Чарлзу Дарвину из Шрусбери, который любезно передал мне экземпляры яиц [коконов], содержавших животное на разных стадиях созревания». Почти полный текст доклада Дарвина и его рисунки сообщены Ашуортом (см. примеч. 28). — Стр.68.

38а В «Автобиографии», обработанной Фр. Дарвином, вместо «ныне здравствующий» напечатано «покойный». — Стр. 69.

39 Ж.-Ж. Ф. Одюбон (Jean Jackes Fougère Audubon), 1785—1851, американский натуралист-орнитолог, первоначально учился живописи в Париже у Давида, в 1803г. переехал из Франции в США, где занялся орнитологией; его акварельные рисунки птиц Сев. Америки получили всемирную известность. Путешествуя по Европе, Одюбон пробыл в Эдинбурге с 23 октября 1826 до 5 апреля 1827 г. Здесь он сблизился с проф. Джемсоном, путешественником капитаном Холлом, писателем Вальтер Скоттом и с гравером Лизарсом, изготовившим для него гравюры с его акварельных рисунков для первого четырехтомного издания его «Птиц Америки» (Лондон, 1827—1838). Одюбон прочитал в Эдинбурге два доклада: в Королевском обществе (19 февраля 1827 г.) о повадках дикого американского голубя и в Вернеровском естественноисторическом обществе (24 февраля 1827 г.) о гремучей змее, — вероятно, Дарвин присутствовал на том и другом докладе. — Ч. Уотертон (Charles Waterton), 1782—1865, английский орнитолог. С 1812 по 1824 г. путешествовал по Южной и Северной Америке. Описание этого путешествия издал в 1825 г. Судя по словам Дарвина, Одюбон, надо думать, оспаривал какие-то данные Уотертона, касающиеся орнитологии Сев. Америки. В 1838 г. впервые вышло его большое сочинение по орнитологии, неоднократно переиздававшееся впоследствии. — Стр. 69.

40 Л. Хорнер (Leonard Horner), 1785—1862, английский геолог и минералог. В 1827 г. переехал из Эдинбурга в Лондон, где работал

в Университете, Королевском и Геологическом обществах. Дружеские отношения между Хорнером и Дарвином установились впоследствии, в Лондоне, когда Дарвин начал публиковать свои геологические труды, которые Хорнер восторженно приветствовал. — Стр. 69.

[41] Р. Джемсон (Robert Jameson), 1774—1854, виднейший из профессоров Эдинбургского университета в первой половине XIX в. Минералог и геолог, Джемсон был одновременно и видным зоологом. Он издавал два крупнейших в Шотландии естественнонаучных журнала. Им был основан при Эдинбургском университете Музей естественной истории, который долго считался вторым после Британского музея (Лондон) по размерам и качеству коллекций. Сохранившаяся программа курса, который читал Джемсон в 1826—1827 учебном году, когда его слушал Дарвин, показывает, что он включал в свои лекции по «естественной истории» геологию, метеорологию, гидрологию, зоологию и ботанику (свыше ста лекций в течение пяти зимних месяцев). Раздел зоологии начинался рассмотрением человека с естественноисторической точки зрения и заканчивался лекциями по философии зоологии, причем главным вопросом здесь было «происхождение видов животных». Однако Джемсон был учеником и последователем знаменитого фрейбургского геолога Вернера, т. е. убежденным нептунистом, что и оттолкнуло от него Дарвина. Следует, однако, отметить, что суровый отзыв Дарвина о лекциях Джемсона не находит подтверждения в отзывах других слушателей и учеников его, таких, например, как Э. Форбс, Р. Грант, Макджилливрей. О Роберте Джемсоне см. работы Ашуорта (примеч. 28) и «Историю Эдинбургского университета» Гранта, т. II, стр. 433 (примеч. 29); см. также V. A. Eyles, Robert Jameson and the Royal Scottish Museum, «Discovery», т. XV, № 4, стр. 155—162, апрель 1954. — Стр. 69.

[42] «Нептунисты» считали, что нахождение «эрратических (блуждающих) валунов» на огромных расстояниях от материнской горной породы объясняется «наводнениями», которые якобы переносили на сотни и тысячи километров громадные массы камня. Явная неудовлетворительность этого объяснения привела к возникновению теории переноса валунов плавающими айсбергами, которая была предложена Ч. Лайеллем и которой долго придерживался и Дарвин. Только в конце 1830-х годов была выдвинута Луи Агассицем ледниковая теория, которая полностью объяснила распространение валунов движением древних гигантских ледников, переносивших на юг обломки северных гранитных пород и оставлявших их там при своем отступании на север. См. статью Н. С. Шатского «Дарвин как геолог» (Ч. Дарвин, Сочинения, т. 2, стр. 261—267. М.—Л., 1936). — Стр. 70.

[43] Дайки — жилы изверженных пород (древних лавовых потоков — трапов), пересекающие осадочные и метаморфические породы. Нелепость

нептунистского «объяснения» происхождения дайки путем заполнения трещины в земной коре осадками, приносимыми водой, была уже совершенно очевидна в годы студенчества Дарвина. Поэтому Дарвин и говорит, что ему, кому сейчас только 67 лет, кажется странным, что он еще мог 50 лет назад слышать из уст университетского профессора столь невежественное «объяснение». — Стр. 70.

44 У. Макджилливрей (William Macgillivray), 1796—1852, зоолог, ассистент Джемсона и хранитель Музея естественной истории в годы, когда Дарвин учился в Эдинбурге. С 1841 г. Макджилливрей состоял профессором естественной истории в Абердине. Макджилливрей специализировался по систематике моллюсков и особенно — птиц. — Стр. 70.

45 Сноудон (Snowdon) — вершина Кембрийского массива в Уэльсе; высота 1085 метров. — Стр. 71.

46 Оуэн (Owen) — шропширский сквайр (помещик), имение которого Вудхаус (Woodhouse) находилось в нескольких милях от Шрусбери. Дарвины были близкими друзьями Оуэнов. — Дядя Джос — Джосайя Веджвуд из Мэра (см. примеч. 5 и 12). — Стр. 71.

47 У Дарвина Scotch fir, что иногда переводят как «шотландская сосна», но Scotch fir — это то же, что сосна обыкновенная (*Pinus silvestris*). — Стр. 71.

48 Дж. Макинтош (James Mackintosh), 1765—1832, англ. государственный деятель и историк. — Стр. 72.

49 Приводимые Дарвином слова взяты из Од Горация (Книга III, ода III, строфа 1). Эта ода обращена к императору Августу; написана в 27 г. до н. э. Слова, запомнившиеся Дарвину, цитирует также Энгельс в своем письме к Марксу от 21 декабря 1866 г. (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 390, М.—Л., 1930), давая следующую характеристику Горацию: «Представьте себе этого честного человека, бросающего вызов в vultus instantis tyranni [т. е. в лицо присутствующего тирана] и ползающего на брюхе перед Августом». Дарвин, разумеется, применяя эти слова Горация к Веджвуду, хочет изобразить его как честного и смелого человека без всяких оговорок. Полностью строфа звучит так:

Justum et tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium,
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solida.

Русский перевод:

Кто, справедливый, стоек в решениях,
Того сограждан гнев — на неправое
Не склонит, ни царей упорных
Грозные взгляды.

Квинт Гораций Флакк, Оды. Перевел размерами подлинника Н. И. Шатерников. Стр. 90. Москва, 1935. — Стр. 73.

[50] Джон Пирсон (J. Pearson) — речь идет, по-видимому, об английском теологе епископе Честерском (1613—1686). — Стр. 73.

[51] «Credo quia incredibile» (лат.) — «Верую, потому что это невероятно». По-видимому, несколько измененный знаменитый христианский «постулат» св. Августина: «Credo quia absurdum est» («Верую, потому что это абсурдно»), т. е. вера не нуждается в разумных доказательствах того, что она утверждает. — Стр. 73.

[52] Little-Go (буквально: малый переход) — так в английских университетах называется первый или предварительный экзамен на степень бакалавра искусств (см. примеч. 53). — Стр. 75.

[53] B. A. (Bachelor of Arts) — бакалавр искусств, т. е. первая ученая степень, присваиваемая в Англии лицам, окончившим университеты и колледжи; следующая степень — магистр искусств и высшая — доктор искусств. Термин является пережитком средневековья, когда в схоластических университетах под «искусствами» понимали семь т. н. «свободных искусств» (грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия); в настоящее время в некоторых западных странах под «свободными искусствами» понимают круг наук (лингвистика, философия, естествознание, история и т. д.), изучаемых в университетах (в противоположность специальным, например техническим высшим учебным заведениям). У нас часто, во избежание недоразумений, английские ученые степени «бакалавр, магистр, доктор искусств» переводят как «бакалавр, магистр, доктор наук». — Стр. 75.

[54] Уильям Пейли (William Paley), 1743—1805, английский теолог, сочинения которого (три главных из них названы Дарвином) в течение долгого времени служили основными учебниками богословия в английских университетах. Пейли, мало оригинальный писатель, способствовал своими произведениями широкому распространению в Англии так называемой «натуральной теологии», которая исходит из того положения, что целесообразность в строении организмов, их приспособленность к условиям их среды является выражением премудрости и благости божией, — бог-де сотворил каждое животное, каждое растение по заранее задуманному плану в соответствии с той средой, в условиях которой данный организм должен был по замыслу бога существовать. Биография Пейли предпослана однотомному собранию его сочинений: «The Works of William Paley», Edinburgh, 1825.— Стр. 75.

[55] Οἱ πολλοί (греч.), букв.: многие, множество, масса. — Стр. 75.

[56] Френсис Дарвин сообщает, что по списку сдавших экзамены в Кембридже в январе 1831 г. Ч. Дарвин был десятым. — Стр. 75.

[57] Адам Седжвик (A. Sedgwick), 1785—1873, геолог, профессор Кембриджского университета. См. дальше в «Воспоминаниях» Дарвина

рассказ о его геологической экскурсии с Седжвиком в августе 1831 г. по Северному Уэльсу. Дарвин относился к Седжвику с большим уважением как к своему учителю в области геологии и крупному геологу (Седжвику принадлежат важные исследования по Кембрию и Палеозою Англии и самые эти термины установлены им). Впоследствии, однако, Седжвик стал одним из самых ярых противников эволюционного учения Дарвина. — Стр. 76.

[58] Генсло — см. ниже примеч. 70.— Стр. 76.

[59] Более старые члены Университета, т. е. профессора и преподаватели.— Стр. 76.

[60] «На основании собранных мною у некоторых современников моего отца сведений, я полагаю, что он преувеличил разгульный характер этих вечеринок» (Фр. Дарвин, 1949, стр. 23, примеч.) — Стр. 76.

[61] Ч. Уитли (C. Whitley), кембриджский друг Ч. Дарвина по Университету. Впоследствии стал священником; одно время состоял лектором естественной истории в Дургамском университете.—Лауреат Кембриджского университета по математике — в подлиннике коротко: «Senior Wrangler», так же как окончившего Кембриджский университет с высшим отличием по математике называют получившим «a high wrangler's degree» (wrangler — буквально: тот, кто переспорил всех).— Стр. 76.

[62] Галерея Фицуильяма (Fitzwilliam Gallery) — художественная галерея Кембриджского университета.— Стр. 77.

[63] Джошуа Рейнольдс (Joshua Reynolds), 1723—1792, знаменитый английский портретист. Дарвин, по-видимому, говорит о книге Рейнольдса (Лондон, 1778), содержащей его лекции по эстетике. См. также «The works of Sir J. Reynolds», vol. 1-2, London, 1797, и 2-е изд., vols. 1—3, London, 1798.— Стр. 77.

[64] Себастьяно дель Пьомбо (Sebastiano del Piombo), 1485—1547, выдающийся итальянский художник. В своих картинах отразил влияние своих учителей и друзей Джорджоне, Тициана, Рафаэля. С 1514 г., сблизившись с Микельанджело, создает под его влиянием ряд монументальных произведений, композиция которых действительно, как пишет Дарвин, поражает своей величественностью. К числу этих произведений относится и находящаяся в Национальной галерее в Лондоне картина «Воскрешение Лазаря», написанная ок. 1517 г. Возможно, что именно об этой картине Себастьяно дель Пьомбо и говорит Дарвин.— Стр. 77.

[65] Джон Морис Герберт (John Maurice Herbert) — университетский друг Дарвина. Впоследствии был судьей местного суда в Кардиффе и выездным судьей графства Монмут (на юге Уэльса).—Стр. 77.

[66] В Кембриджском и Оксфордском университетах колледжи представляют собою более или менее самостоятельные корпорации, в известной мере соответствующие факультетам, но предоставляющие студентам не только возможность изучения науки, но и квартиру, питание и пр. Каждый колледж, ведущий свое происхождение от средневековых учреждений, на основе которых он развился и имя которых он сохраняет (колледжи Христа, Иисуса, Троицы и т. д.), имеет свои здания (учебные и жилые), своих преподавателей и пр. Дарвин учился в Колледже Христа (Крайстс колледж.).— Стр. 78.

[67] Джемс Френсис Стивенс (J. F. Stephens), 1792—1853, известный лондонский энтомолог, президент Лондонского энтомологического общества. В феврале 1829 г. Дарвин посетил Стивенса, о котором писал Фоксу: «Стивенс маленький приятный человек, по-видимому, весьма добродушный; его кабинет [т. е. коллекция насекомых] по своему великолепию превосходит все, о чем только может мечтать самый рьяный энтомолог» (L. L. , т. I, стр. 175). Дарвин не вполне верно передает название труда Стивенса. По любезно составленной по моей просьбе В. Л. Левиным справке, труд Стивенса «Illustrations of British Entomology», вышедший в Лондоне в 1827—1835 гг., в 11 томах, содержит не одно, а несколько упоминаний имени Дарвина в описаниях объектов, присланных Стивенсу различными английскими энтомологами, в том числе и коллекционерами-любителями, каким в то время был и Дарвин.— Стр. 79.

[68] Уильям Дарвин-Фокс (W. Darwin-Fox) — родственник и близкий друг Ч. Дарвина. Мать Фокса была дочерью У. О. Дарвина — родного брата Э. Дарвина, деда Ч. Дарвина. Дружба между Дарвином и Фоксом поддерживалась ими вплоть до смерти Фокса в 1880 г. Будучи деревенским священником, Фокс никогда не терял интереса к естествознанию, увлекаясь по-прежнему энтомологией и орнитологией. По словам Фр. Дарвина (L.L., т. I, стр. 172), обширный указатель к монографии Ч. Дарвина «Изменения домашних животных и культурных растений» составлен У. Д. Фоксом.— Стр. 79.

[69] Panagaeus и упоминаемый дальше Licinus — два рода семейства жужелиц (Carabidae).— Стр. 79.

[70] Джон Стивенс Генсло (John Stevens Henslow), 1796—1861, натуралист (преимущественно — ботаник), учитель и друг Ч. Дарвина. С характеристикой, которую Дарвин дает здесь, ср. его очерк о Генсло, написанный в 1861 г. (см. L.L., т. I, стр. 186—188).— Стр. 80.

[71] Эти вечера, которые Генсло устраивал у себя по пятницам, были прекращены им в 1836 г. Взамен он и ряд других профессоров Кембриджского университета организовали в 1837 г. «Реевский клуб», который таким образом возник из вечеров Генсло. См. C. C. Babbington, The Cambridge Ray Club, 1887.— Стр. 80.

[72] В 1553 г. реформаторы англиканского вероисповедания сформулировали 42 догмата веры. В 1563 г. число этих догматов было сведено к 39-ти, которые широко известны среди верующих Англии под названием «тридцати девяти догматов» («Thirty-nine articles»). — Стр. 80.

[73] Похитители трупов — Bodysnatchers. Весь этот эпизод представляет интерес, как документальное подтверждение того, что практика похищения трупов из могил для продажи их медицинским школам и отдельным хирургам и анатомам все еще существовала в Англии во времена студенческих лет Дарвина — в конце 20-х — начале 30-х годов. Как раз в эти годы (1829—1832) в английском парламенте шло обсуждение так называемого анатомического закона (Anatomy act), который был принят, наконец, 19 июля 1832 г. Главными противниками закона были представители церкви, отстаивавшие восходящее ко временам средневековья запрещение пользоваться трупами для преподавания анатомии. По их наущению чернь нередко расправлялась с «похитителями трупов», устраивая над ними суды линча. Энергично выступали в парламенте в защиту закона Маколей и О'Коннель. Согласно «анатомическому закону» были созданы должности четырех «инспекторов анатомии» по четырем округам Англии. Эти инспекторы подчинялись министру внутренних дел. В учебных заведениях на одного из преподавателей возлагалась ответственность за «надлежащее анатомирование». Как сообщается в Британской энциклопедии, закон 1832 г. действует, с небольшими изменениями, и в настоящее время. См. также F. E. Linden, Resurrection Riots during the Heroic age of Anatomy in America, «Bull. Hist. Med.», edited by Sigerist and Temkin, 1951, т. XXV, № 2, стр. 178—184. (Данные об анатомическом акте любезно сообщены мне доцентом П. Е. Заблудовским). — Стр. 81.

[74] Уильям Юэлл (William Whewell; в русской литературе часто неправильно — Уэвелль), 1794—1866, английский философ и историк науки, широко известный своим сочинением «История индуктивных наук» (русский перевод в трех томах, СПб., 1867—1869). Профессор Колледжа троицы в Кембриджском университете, Юэлл придерживался крайне реакционных, теолого-идеалистических воззрений. Проповедуя в биологии «натуральную теологию» (см. примеч. 54), Юэлл не только не принял учения Дарвина, но и прямо запретил держать в библиотеке Колледжа троицы «Происхождение видов». — Стр. 82.

[75] Леонард Дженинс, впоследствии Бломфилд (Leonard Jenyns; Blomefield), 1800—1893, натуралист, друг Дарвина. Справка Дарвина о родстве Дженинса с Соумом Дженинсом неверна: Соум был не дедом Леонарда, а троюродным братом его отца, которому он завещал свое обширное имение в Кембриджшире. По окончании Кембриджского университета Леонард стал помощником приходского священника в деревне близ

имения своего отца, на границе Фенов (Болот, расположенных в низовьях рек Нен и Уз, к северу от Кембриджа). Оставаясь в течение многих лет священником, Дженинс продолжал работать в области зоологии позвоночных и опубликовал большое число трудов. Им написана 2-я часть «Зоологических результатов путешествия на „Бигле"», посвященная рыбам, собранным Дарвином во время путешествия. Дженинс был известен как точный и тщательный наблюдатель. Перечисляя в письме к Гукеру в марте 1860 г. первых 15 английских натуралистов, примкнувших к нему, Дарвин указывает среди них и Дженинса. — Стр. 82.

[76] Фены (The Fens) — Болота, см. примеч. 75. — Стр. 82.

[77] Рамси (Ramsay) умер летом 1831 г. В переписке Дарвина с Генсло (письма от 24 и 30 августа 1831 г.) оба они посвящают Рамси несколько теплых строк. Не ошибся ли Дарвин, указав, что братом Рамси был «сэр *Александр* Рамси»? Вероятно, речь идет об известном шотландском геологе *Эндрью* Рамси (которого у нас принято также называть Рамсай и Рамзай).— Стр. 82.

[78] Королевское общество (Royal Society) — высшее научное учреждение Англии. Основанное в 1660 г. как свободная ассоциация английских натуралистов, Королевское общество фактически играет в Англии роль академии наук.— Стр. 83.

[79] В знаменитом 30-томном описании научных результатов путешествия Александра Гумбольдта и французского натуралиста Эме Бонплана в тропическую Южную Америку (вышло в 1807—1834 гг.) три тома посвящены описанию самого путешествия (Relation historique du voyage). Эти написанные самим Гумбольдтом тома были изданы в английском переводе под названием «Personal Narrative of Travels... 1779—1804», тт. I-III, Лондон, 1818—1819. Об этом сочинении и говорит Дарвин. — Стр. 83.

[80] Это сочинение знаменитого английского астронома Джона Гершеля (1792—1871) переведено на русский язык: «Философия естествознания. Об общем характере, пользе и принципах исследования природы», СПб., 1868.— Стр. 83.

[81] В подлиннике «at Christmas», т. е. «на Рождество». Это, однако, явная описка: выше (стр. 74) Дарвин совершенно правильно указывает, что он «поехал в Кембридж после рождественских каникул [after the Christmas vacation], в начале 1828 г.» — Стр. 84.

[82] «В связи с этим путешествием мой отец любил рассказывать следующую историю. Однажды утром они с Седжвиком выехали из гостиницы и проехали уже милю или две, когда Седжвик внезапно остановился и поклялся, что он вернется назад, так как уверен, что «этот проклятый негодяй» (официант) не передаст горничной шестипенсовика [мелкая серебряная монета в полшиллинга], который Седжвик оставил ему

для горничной. В конце концов его удалось убедить отказаться от этого намерения,— он понял, что нет никаких оснований подозревать официанта в подобном вероломстве».— (Примеч. Фр. Дарвина, L. L., т. I, стр. 56).— Стр. 84.

[83] Voluta (свиток) — род теплолюбивых вымерших и современных улиток с красивой веретеновидной раковиной; некоторые виды достигают довольно крупных размеров, и раковины их используются как украшения на каминах, в качестве пепельниц и пр.— Стр. 84.

[84] Все перечисленные пункты, как и ниже указанный Кумбран-Идуол, расположены в самой северной части Уэльса.— Стр. 85.

[85] Дарвин имеет в виду свою статью «О некоторых явлениях, связанных с древними ледниками Кернарвоншира, и о валунах, переносимых пловучим льдом» 1842 г. (русский перевод ее см. Ч. Дарвин, Сочинения, т. 2, стр. 593—601). Фраза Дарвина сформулирована им так, что производит впечатление, будто слова «дом, сгоревший во время пожара» и т. д. представляют собой цитату из указанной статьи. В действительности это не так, — в статье этих слов нет. Дарвин, надо думать, хотел лишь сказать, что приведенные им в статье данные так же красноречиво говорят о деятельности ледников в отдаленном прошлом, как дом и т. д. В данном случае было бы поэтому вернее перевести дарвиновское «declared» словом «показал», а не словом «заявлял». — Стр. 85.

[86] Во время путешествия Ч. Дарвин заносил свои наблюдения и первые впечатления в карманные «Записные книжки» («Note-books»), текст которых был впервые опубликован в 1945 г. Норой Барло (русский перевод: Ч. Дарвин, Путешествие на корабле «Бигль»: письма и записные книжки, перевод под ред. и с предисл. С. Л. Соболя, М., 1949). На основании этих записных книжек Ч. Дарвин на длительных стоянках и на корабле составлял свой «Дневник» («Journal»), который Н. Барло впервые опубликовала в 1933 г. под названием «Diary» (русский перевод: Ч. Дарвин, Сочинения, т. I, стр. 423—564, М. — Л., 1935) и который представляет собою первую литературную редакцию описания путешествия Дарвина на «Бигле». О вступлении к этому рукописному «Дневнику» и говорит Дарвин (перевод там же, стр. 425—426). — Стр. 86.

[87] «Дядя», или «дядя Джос»,— Джосайя Веджвуд (см. выше примеч. 5 и 12). Составленный Ч. Дарвином список возражений д-ра Роберта Дарвина против участия Чарлза в путешествии на «Бигле» и ответы Дж. Веджвуда на каждое из этих возражений см.: L. L., т. I, стр. 197—199. — Стр. 86.

[88] Иоганн-Каспар Лафатер (Lavater), 1741—1801, швейцарский пастор-богослов. В сочинении «Физиономические фрагменты» пытался обосновать связь между характером человека и чертами его внешности. «Физиогномика» Лафатера не имеет научных оснований. — Стр. 87.

[89] Капитан Роберт Фиц-Рой (R. Fitz Roy), 1805—1865, был командиром «Бигля» также во время предыдущей экспедиции на Огненную Землю, осуществленной совместно с кораблем «Эдвенчюр» в 1828—30 гг. под общим командованием капитана Ф. Кинга. Фиц-Рой известен как крупный гидрограф и метеоролог. Во время двукратного путешествия на «Бигле» под его руководством осуществлены обширные работы по нанесению на карту берегов Южной Америки и течения реки Санта-Крус. Осуществляя эти исследования, Фиц-Рой затратил крупные личные средства, которые Английское адмиралтейство отказалось ему возместить, что в конечном счете привело к разорению Фиц-Роя. Дарвин отдавал должное выдающимся чертам характера Фиц-Роя — его энергии, большому опыту и организаторскому таланту. Но на почве политических взглядов они резко расходились: Фиц-Рой был убежденным тори, защитником рабства негров, проводником реакционной колониальной политики английского правительства. В течение некоторого времени после путешествия на «Бигле» Фиц-Рой состоял губернатором Новой Зеландии. Однако его реакционная политика, тяжелое финансовое бремя, наложенное им на население, предоставление им чрезмерной власти миссионерам вызвали подачу поселенцами протеста в английский парламент, который вынужден был потребовать у правительства отзыва Фиц-Роя с поста губернатора. Последние годы жизни Фиц-Рой провел в психиатрической больнице, где и покончил самоубийством.— Стр. 87.

[90] Лорд Каслри (R. S. Castlereagh), 2-й маркиз Лондондерри, 1769—1822, — английский государственный деятель. — Фр. Дарвин (1949, стр. 35) приводит ряд источников, в которых показано, что претензии графов д'Олбени на родство с английскими королями не имели оснований.— Стр. 87.

[91] Крайне религиозный человек, слепой сторонник церковной догмы, Фиц-Рой не в состоянии был понять сомнений Дарвина в вопросе о неизменности видов. Как бы полемизируя с точкой зрения Дарвина на вопрос о происхождении разных форм галапагосских вьюрков от южноамериканской формы, видоизменившейся в соответствии с условиями обитания, Фиц-Рой в своем «Отчете» о путешествии «Бигля» говорит, что все эти формы были специально созданы богом независимо одна от другой.

Когда в 1859 г. вышло в свет «Происхождение видов», Фиц-Рой напечатал в газете «Таймс» под псевдонимом Senex две заметки, в которых доказывал несомненность библейских сказаний о сотворении растений, животных и человека (эти взгляды были развиты им и в приложении к указанному «Отчету»). Прочитав эти заметки, Дарвин сразу разглядел в их авторе «креационистские уши» Фиц-Роя: «Я уверен,— писал он Лайеллю,— что это написано Фиц-Роем... Жаль, что он не приложил своей теории, по которой мастодонт и пр. вымерли по той причине, что дверь в ковчег

Ноя была сделана слишком узкой». См. С. Л. Соболь, «Журнал общей биологии», т. I, № 1, стр. 96—97, 1940. — Стр. 90.

[92] Чарлз Лайелль (C. Lyell), 1797—1875, знаменитый английский геолог, основатель научной геологии, друг и сподвижник Дарвина. Первый том «Основных начал геологии», — революционного для своего времени сочинения Лайелля, — сочинения, положившего конец господствовавшим до того времени метафизическим представлениям о «всемирных катастрофах» как основных этапах «истории» Земли, Дарвин, отправляясь в путешествие, взял по совету Генсло с собой; второй том он получил в октябре 1832 г., когда находился на восточном побережье Южной Америки. Незадолго до этого времени он обнаружил в третичных отложениях пампы скелеты вымерших ископаемых позвоночных, знакомство с которыми впервые поколебало его убеждение в неизменности видов. Передовые геологические идеи Лайелля произвели глубокое впечатление на молодого Дарвина и в значительной мере определили развитие его эволюционных представлений, однако развитые Лайеллем в третьем томе его «Основных начал» (1833) традиционные взгляды по вопросу о происхождении видов не встретили сочувствия Дарвина. Наоборот, с течением времени он все дальше отходил в этой области от взглядов своего учителя и друга, который лишь после длительных колебаний присоединился к его эволюционному учению. О Лайелле см.: М. А. Энгельгардт, Чарльз Ляйелль, СПб., 1893; «Life, Letters and Journals of Sir Ch. Lyell», edited by Mrs. Lyell, тт. I—II, Лондон, 1881. Основная работа Лайелля переведена на русский язык А. Мином: «Основные начала геологии», М., 1866 (два тома).— Стр. 91.

[93] Под опубликованным «Дневником» Дарвин имеет здесь в виду «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль"», первое (1839) и второе издания (1845) которого были выпущены под заглавием «Дневник изысканий по естественной истории и геологии стран, посещенных во время кругосветного плавания корабля ее величества «Бигль» под командой капитана королевского флота Фиц-Роя». См. Ч. Дарвин, Сочинения, т. I, М. — Л., 1935 (стр. XVI—XX).— Стр. 93.

[94] Разработанная Дарвином еще во время путешествия теория происхождения коралловых островов изложена им в его монографии о коралловых рифах (1842; русский перевод: Ч. Дарвин, Сочинения, т. II, стр. 285—448, М. — Л., 1936) и в сокращенном виде в «Путешествии натуралиста» (см. Ч. Дарвин, Сочинения, т. I, М. — Л., 1935 и Ч. Дарвин, Путешествие натуралиста и т. д., Географгиз, М., 1954). Описание геологического строения острова св. Елены дано Дарвином в гл. IV монографии «Geological Observations», изд. 2-е, Лондон, 1876.— Стр. 93.

[95] О характере и происхождении фауны и флоры Галапагосских островов см. «Путешествие натуралиста», гл. XVII. — Стр. 93.

[96] 6 ноября 1835 г. Генсло зачитал на заседании Кембриджского философского общества отрывки из писем Дарвина, полученных им в 1832—1835 гг. Эти отрывки, в которых сжато изложены важнейшие наблюдения и открытия Дарвина, сделанные им во время путешествия, были затем изданы Генсло в виде брошюры в 32 страницы «для частного распространения» среди членов Общества в декабре 1835 г., т. е. еще до возвращения Дарвина на родину, благодаря чему Седжвик и другие кембриджские натуралисты и узнали о выдающихся достижениях юного Дарвина задолго до его публичных выступлений.— Стр. 96.

[97] В Кембридже Дарвин жил на улице Фицуильяма. — Стр. 96.

[98] Миллер Уильям Г. (W. H. Miller), 1801—1880, английский минералог, профессор Кембриджского университета. — Стр. 96.

[99] Эта работа Дарвина, являющаяся предварительным сообщением по отношению к соответствующим главам его монографии «Геологические наблюдения» (гл. IX. О поднятии западного берега Южной Америки. Русский перевод см. «Сочинения», т. II, стр. 531—562, М. — Л., 1936), была доложена в Геологическом обществе в 1837 г. и напечатана в трудах Общества в 1838 г.— Стр. 96.

[100] Эта знаменитая «Записная книжка» Дарвина, которую он вел с июля 1837 до февраля 1838 г., до настоящего времени известна лишь в немногочисленных извлечениях (см. Ч. Д а р в и н, Сочинения, т. III, стр. 75—78 и 763—765, М. — Л., 1939).— Стр. 97.

[101] Роберт Броун (R. Brown), 1773—1858, выдающийся английский ботаник, крупный систематик и морфолог. Броун первый описал ядро растительной клетки (1831). Ему же принадлежит открытие так называемого броуновского движения микроскопических твердых частиц, взвешенных в жидкости или газе. «Facile princeps botanicorum» (лат.) — «бесспорный глава ботаников».— Стр. 97.

[102] Глен-Рой — долина Роя (шотл.). Работа Дарвина о параллельных террасах Глен-Роя была опубликована в 1839 г. Агассиц и Бекленд показали, что эти террасы представляют собою последовательные по высоте береговые линии не моря, как думал Дарвин, а так называемых ледниковых озер, т. е. озер, образовавшихся в течение ледникового времени в результате заполнения талыми водами горных долин, выходы из которых были заперты ледником.— Стр. 98.

[103] «Книги метафизического содержания»: можно думать, что Дарвин имеет здесь в виду философские работы, выводы которых не основаны на данных наблюдения и опыта.— Стр. 98.

[104] Уильям Вордсворт (1770—1850) — английский поэт романтической школы. Вместе с поэтами Р. Саути и С. Кольриджем (1772—1834) Вордсворт принадлежал к так называемой озерной школе поэтов романтиков, которая вначале своей деятельности воспевала французскую

революцию, но затем развивала антиреволюционные и мистико-религиозные идеи. Поэма Вордсворта «Экскурсия» (или «Прогулка»), написанная в 1814 г., характерна как типичная для Вордсворта реакционная идеализация сельской жизни. — Джон Мильтон (1608—1674) — великий английский поэт. В своих знаменитых поэмах «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671) Мильтон, «пользуясь образами Ветхого и Нового завета, отразил опыт буржуазной революции и показал возмущение народных масс, их ненависть к монархии и всякому гнету» (БСЭ, изд. 2-е, т. 27, стр. 492).— Стр. 98.

105 Слово «эсхатологически» в рукописи написано неразборчиво, и нельзя поэтому быть вполне уверенным в правильном прочтении его. Однако по смыслу фразы можно думать, что речь идет именно о наказании, которое понесут неверующие в «последние дни» мира во время «вечного суда над грешниками».— Стр. 100.

106 Замком у пластинчатожаберных моллюсков называются зубовидные отростки на спинном краю одной из двух створок раковины, которые при соединении (смыкании) створок входят в соответственные ямки на спинном краю другой створки.— Стр. 100.

107 См. Ч. Дарвин, Сочинения, т. IV, стр. 777—778, М. — Л., изд. АН СССР, 1951. В этом месте своей монографии об изменениях домашних животных и культурных растений Дарвин проводит следующую аналогию: архитектор может построить дом, «не употребляя отесанных камней, а выбирая из обломков у подошвы обрыва клинообразные камни — для сводов, длинные — для перекладин и плоские — для крыши»; мы, говорит он, «восхитились бы его искусством и приписали бы ему верховную роль. Обломки же камня, хотя и необходимые для архитектора, стоят к возводимому им зданию в таком же отношении, в каком флюктуативные изменения органических существ стоят к разнообразным и вызывающим восхищение структурам, которые в конце концов приобретаются их измененными потомками». Дарвин далее спрашивает: «Разумно ли будет утверждать, что творец намеренно повелел... известным обломкам скалы принять известную форму, чтобы зодчий мог возвести свое здание?» Из этой аналогии Дарвин делает вывод, что мы не имеем никаких оснований рассматривать как предначертанные творцом многообразные изменения, на основе которых под действием искусственного и естественного отбора возникают новые формы животных и растений.— Стр. 100.

107а. Под «низшими животными» Дарвин имеет здесь в виду весь животный мир за исключением человека.— Стр. 102.

108 Ср. поэму Эразма Дарвина «Храм природы». (Перевод Н. А Холодковского, предисл., ред. и примеч. акад. Е. Н. Павловского, изд. АН СССР, М., 1954), где в 1—145 стихах IV песни Эразм Дарвин дает картину страданий живых существ, заключая ее вопросом о том, где же возможно человеку «увидеть благость бога?» — Стр. 102.

[109] Дарвин, будучи, очевидно, слабо знаком с литературой о буддизме, следует здесь за теми буржуазными учеными, которые изображали буддизм как религию без богов, как «атеистическую» религию и т. п. Как хорошо известно, это совершенно не соответствует действительности.— Стр. 103.

[110] Ср. монографию Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» (Сочинения, т. V, М., изд. АН СССР, 1953), где в гл. III Дарвин рассматривает вопрос о происхождении религии и веры в бога (стр. 210—213). Там же ссылки на работы Тэйлора, Леббока и Спенсера.— Стр.103.

[111] См. Ч. Дарвин, Путешествие натуралиста и т. д., М., Географгиз, 1954, стр. 525, или Сочинения, т. I, М. — Л., 1935, стр. 420.— Стр. 103.

[112] Дарвин имеет здесь в виду те теории астрономов и физиков его времени, согласно которым источником солнечной теплоты является сжатие солнца. Гельмгольц подсчитал, что через 5 миллионов лет солнце сожмется до половины своего нынешнего объема, а через 7 миллионов лет его плотность будет равна плотности Земли, и тогда оно перестанет излучать свет и тепло. Дальнейшее развитие науки показало глубокую ошибочность всех этих рассуждений. Подлинный источник солнечной теплоты— внутриатомная энергия, выделяющаяся при расщеплении атомов массы солнца.— Стр. 104.

[113] Это примечание Дарвина было добавлено им в рукописной копии «Воспоминаний», принадлежавшей Френсису Дарвину. В опубликованном им тексте (L. L. , т. I, стр. 313) Фр. Дарвин поместил это примечание непосредственно в тексте после слов «т. е. заслуживаю названия Теиста». Вследствие этого следующая фраза («Но в таком случае возникает сомнение...») оказалась отнесенной к тексту примечания, а не к словам «т. е. заслуживаю названия Теиста», что, разумеется, искажает смысл. Следуя подлиннику, мы перенесли это примечание под текст. — Стр. 105.

[114] Достаточно очевидно, что между внушением детям веры в бога и описываемым инстинктом обезьян нет ничего общего. Воспитание религиозности у человека—явление чисто социальное, вера в бога, возникающая под влиянием воспитания в определенных социальных условиях, не может превратиться в «наследуемое воздействие на мозг». — Стр. 105.

[115] За этой фразой в подлиннике следует запись, сделанная рукой Дарвина: (Написано в 1879 г., переписано 22 апреля 1881г.).— Стр. 106.

[116] Китти (Катерина) Веджвуд (1774—1823) — младшая сестра Джосайи Веджвуда (дяди Чарлза Дарвина) и Сусанны Веджвуд (матери Чарлза Дарвина).— Стр. 107.

[116a] Эти слова Ч. Дарвина обращены им к его детям.— Стр. 107.

[117] Эта фраза (в круглых скобках) добавлена Ч. Дарвином карандашом. Свое намерение Дарвин, видимо, так и не осуществил. В двухтом-

нике переписки Эммы Дарвин («Emma Darwin. A Century of Family Letters, 1792—1896», edited by... H. Litchfield. Лондон, 1915) нет ни одного письма Эммы Дарвин, адресованного Ч. Дарвину «вскоре после свадьбы», т. е. в январе-феврале 1839 г.— Стр. 108.

118 Очерк Чарлза Дарвина о его дочери Энни опубликован Фр. Дарвином в L. L., т. I, стр. 132—134.— Стр. 108.

119 В подлиннике: «живых рифов», но это, разумеется, описка — должно быть: «живых кораллов». Смысл фразы, очевидно, заключается в том, что Дарвин считал необходимым убедиться — путем непосредственного исследования — действительно ли живые кораллы могут жить лишь на небольших глубинах и компенсировать своим ростом вверх оседание морского дна, на котором покоится возведенный кораллами риф. Как известно, предположение Дарвина оказалось совершенно правильным: он показал, что главные виды рифообразующих кораллов не могут жить глубже 20-30 фатомов (36—54 м) под уровнем моря, а наиболее глубокий предел их процветания составляет всего лишь около 15 фатомов (27 м), и что, по мере оседания морского дна, кораллы в зоне ниже указанных пределов отмирают, а живые кораллы достраивают риф вновь до уровня моря. См. подробнее: «Путешествие натуралиста», гл. XX, и «Строение и распределение коралловых рифов» (Ч. Дарвин, Сочинения т. 2, стр. 285—448, М. — Л., 1936). — Стр. 110.

120 Эти три доклада Ч. Дарвина были сделаны в Геологическом обществе 14 апр. 1841 г., 7 марта 1838 г. и 1 ноября 1837 г. и напечатаны в «Трудах» Общества: т. VI, 1842; т. II, 1838 и т. V, 1840.— Стр. 110.

121 Работа о ледниках Кернарвоншира была опубликована в 21 томе этого издания в 1842 г. — Стр. 110.

122 В дальнейшей части этого раздела «Воспоминаний» читатель заметит в нескольких случаях небольшие повторения, которые объясняются тем, что воспоминания о Лайелле, Броуне и других лицах были расширены, а частью дополнительно написаны Ч. Дарвином в апреле 1881 г.— Стр. 111.

123 Эли де-Бомон (Elie de Beaumont), 1798—1874, видный французский геолог, принадлежавший к школе катастрофистов. Вместе с Леопольдом фон Бухом защищал теорию «кратеров поднятия», согласно которой горные породы, расположенные вокруг вулканов, были приподняты действием подземных сил: под действием этих сил происходит как бы вздутие почвы, которое иногда лопается и таким путем образуются кольцевые горы, «кратеры поднятия», в центре которых постепенно возникает конус с кратером вулкана. Ошибочность этой теории видна из того, что кольцевые горы образованы, как правило, продуктами извержения вулкана, между тем как осадочные горные породы никогда не встречаются в них, хотя, казалось бы, что и они должны были подверг-

нуться действию «сил поднятия». Тем же «силам поднятия» Бух и Бомон приписывали «линии поднятия», т. е. горные цепи, которые образовались, по их мнению, в результате сплющивания земной коры вдоль определенных линий разлома.— Стр. 112.

[124] Уильям Бэкленд, или Бакленд (W. Buckland), 1784—1856, английский геолог, профессор Оксфордского университета, учитель Лайелля. Священник, декан Вестминстера, Бекленд придерживался и в науке самых реакционных, креационистских воззрений. Им был написан в серии Бриджуотерских трактатов, долженствовавших доказать «могущество, мудрость и благость бога, проявленные им в творении», трактат на тему «Геология и минералогия с точки зрения натуральной теологии» (1836).— Стр. 113.

[125] Родерик Импи Мурчисон (R. I. Murchison), 1792—1871, видный английский геолог, представитель реакционной школы катастрофистов, противник Лайелля и Дарвина. Мурчисону принадлежит заслуга выделения основных подразделений палеозоя: силурийской (1835), девонской (1839, совместно с А. Седжвиком) и пермской (1841) систем. Последняя выделена им в результате его геологического исследования России, которое он осуществил во время своего путешествия по России в 1840—1841 гг. Совместно с русскими геологами Мурчисон создал обобщающий труд по геологии Европейской России и Урала. Этим и объясняется приводимая Дарвином, по рассказу Мурчисона, реплика Николая I.— Стр. 113.

[126] Альберт, принц Саксен-Кобургский, муж королевы Виктории английской.— Стр. 113.

[127] См. выше примеч. 101.— Стр. 113.

[128] См. выше примеч. 74.— Стр. 114.

[129] Ричард Оуэн (R. Owen), английский зоолог и палеонтолог, 1804—1892. В ранние годы Оуэн сотрудничал с Дарвином — им в «Зоологических результатах путешествия на „Бигле"» (под ред. Ч. Дарвина) были описаны найденные Дарвином в Южной Америке скелеты ископаемых позвоночных. Впоследствии, однако, Оуэн, креационист и катастрофист («английский Кювье»), выражал претензии на то, что построенная им, крайне путанная и противоречивая теория происхождения видов предвосхищала эволюционное учение Дарвина. См. «Исторический очерк» Дарвина к «Происхождению видов» (Сочинения, т. 3, стр. 265, М. — Л., 1939).—Стр. 115.

[130] Хью Фоконер (Hugh Falconer), 1809—1865, английский палеонтолог и ботаник, долго работал в Индии, известен своими исследованиями миоценовой (третичной) фауны млекопитающих из Сиваликских холмов в Индии (совместно с P. T. Cautley: «Fauna Antiqua Sivalensis», 1846) и фауны млекопитающих доледникового времени из пещер Девоншира.

Близкий друг Дарвина, Фоконер принимал эволюционисе учение Дарвина лишь с оговорками. — Стр. 115.

131 Джозеф Долтон Гукер (Joseph Dalton Hooker), 1817—1911, крупнейший английский ботаник (систематик растений) времен Дарвина, директор Ботанического сада в Кью. Ближайший друг Дарвина, Гукер впервые познакомился с ним в 1839 г., но сближение их началось в 1843 г. по возвращении Гукера из его путешествия в Антарктику. Гукер был неизменным советником Дарвина по всем вопросам ботаники, первый принял полностью эволюционное учение Дарвина и, вместе с Лайеллем, представил в 1858 г. в Линнеевское общество работы Дарвина и Уоллеса, засвидетельствовав приоритет Дарвина в провозглашении учения об естественном отборе. См. L. Huxley, Life and Letters of J. D. Hooker, тт. I-II, Лондон, 1918.— Стр. 115.

132 Томас Генри Гёксли (Thomas Henry Huxley), 1825—1895, выдающийся английский зоолог, сравнительный анатом и палеонтолог. Ближайший друг Дарвина, Гёксли был крупнейшим в Англии пропагандистом учения Дарвина и активнейшим борцом за него. См. L. Huxley, Life and Letters of T. H. Huxley, тт. I—II, Лондон, 1900. — Стр. 116.

133 Х. Г. Эренберг (Chr. G. Ehrenberg), 1795—1876, немецкий зоолог и палеонтолог, прославившийся своими исследованиями по современным и ископаемым инфузориям, которых, однако, он ошибочно считал сложно организованными животными. Дарвин переписывался с Эренбергом и не раз обращался к нему за консультацией по вопросам его специальности (см., например, Сочинения, т. II, стр. 605, М. — Л., 1936). В данном случае речь идет о какой-то ошибке, допущенной Эренбергом в отношении ископаемых головоногих моллюсков белемнитов.—Стр. 116.

134 Луи Агассиц (J. L. R. Agassiz), 1807—1873, швейцарский зоолог и геолог, с 1846 г. работавший в США. Агассиц известен своими исследованиями по ископаемым рыбам и иглокожим; в 1830-х годах он обосновал доказательство существования в истории земли ледникового периода. По своим теоретическим воззрениям Агассиц был катастрофистом и антиэволюционистом, резким противником Дарвина и одним из горячих проповедников «натуральной теологии». См. выше примеч. 54.— Стр. 116.

135 О Гершеле см. выше примеч. 80.— Несколько неуклюжая острота миссис Бен имела, очевидно, целью подчеркнуть крайнюю степень застенчивости Гершеля, который смущался в обществе так, как *если бы* у него были грязные руки и это было бы замечено другими.— Стр. 117.

136 Об Александре Гумбольдте (1769—1859) см. выше примеч. 79. — Стр. 117.

137 Чарлз Баббедж, или Бэббедж (C. Babbage), 1792—1871, английский буржуазный экономист. На данные его известного сочинения «On

the Economy of Machinery» (Лондон, 1832) часто ссылается К. Маркс в «Капитале».— Стр. 117.

[138] Герберт Спенсер (H. Spencer), 1820—1903, английский буржуазный философ-идеалист, пытавшийся построить систему философии и социологии на основе вульгарного эволюционизма. Позитивист и агностик, Спенсер считал, что «непознаваемое» является объектом религии, представляет собою некую всемогущую силу и лежит в основе мира явлений. Человеческое общество он сравнивал с организмом и при помощи эволюционного учения и биологических закономерностей доказывал «вечность» и «естественность» капитализма и «невозможность» социализма.— Стр. 118.

[139] Генри Томас Бокль (H. T. Buckle), 1821—1862, английский историк и социолог, рассматривавший исторический процесс с позитивистско-идеалистических позиций. Основным фактором исторического развития человеческого общества Бокль считал географическую среду, которая определяет психический склад народа; материальные условия — производное психического склада. Бокль оправдывал буржуазный строй и его колониальную политику. Лучший из русских переводов «Истории цивилизации в Англии» А. Н. Буйницкого (изд. 4-е ,СПб., 1906).—Стр. 118.

[140] Генсли Веджвуд (Hensleigh Wedgwood), 1803—1891, сын Джосайи Веджвуда из Мэра, брат Эммы Дарвин.—Стр. 118.

[141] Эффи (Катерина-Евфимия), дочь Генсли Веджвуда (см. предыдущее примечание), впоследствии жена лорда Фаррера.— Стр. 119.

[142] Генри Милмен (H. Milman), английский историк, декан собора св. Павла в Лондоне.— Сидней Смит (S. Smith), 1771—1845, английский богослов и писатель, автор ряда богословских, политических и литературных памфлетов, славился как «великий остроумец». — Стр. 119.

[143] Томас Маколей (T. Macauley), 1800—1859, английский историк и политический деятель, виг, проводник колониальной политики полного порабощения Индии. Его блестяще написанная пятитомная «История Англии», восхвалявшая английский политический строй, пользовалась большим успехом среди буржуазии. Маркс писал о Маколее, что он подделал «английскую историю в интересах вигов и буржуазии» («Капитал», т. I, стр. 278, 1953).— Стр. 119.

[144] Дарвин упоминает три поколения лордов Станхопов: 1) деда — это Чарлз Станхоп (Stanhope), 1753—1816, английский изобретатель, отличавшийся, как говорит Дарвин, свободомыслием; 2) его сына, по-видимому, ничем не примечательного, кроме описанных Дарвином чудачеств; 3) внука — это Филипп Генри, виконт Мэхон, 1805—1875, государственный деятель и историк.— Стр. 119.

[145] Джон Л. Мотли (J. L. Motley), 1814—1877, известный американский историк и дипломат, в 1869 г. был послом в Англии. Наиболее из-

вестный его труд «История Нидерландской революции» (русский перевод: 3 тома, СПб., 1865—1867).— Джордж Грот (G. Grote), 1794—1871, английский историк. Широко известна его 12-томная «История Греции» (1846—1856), отличающаяся модернизацией афинских политических учреждений и политической жизни Древней Греции. Маркс и Энгельс указывали на извращения истории Греции, характерные для Грота.—Стр. 120.

146 Томас Карлейль (T. Carlyle), 1795—1881, английский реакционный публицист и историк. Жестокую критику исторических воззрений Карлейля, возвеличивавшего роль «сильной личности», «вождя», «героя» в истории (независимо от направления их деятельности — например, Кромвеля и Дантона, прусского короля Фридриха II и Бисмарка), дали Маркс и Энгельс (см. Сочинения, т. 8, стр. 281, М.— Л., 1931). Одно время Карлейль сблизился с чартистами и даже стал подвергать критике эксплуатацию рабочих капиталистами, но после 1848 г. резко отшатнулся вправо, проклинал революцию и призывал к диктатуре буржуазии.— Стр. 121.

147 Чарлз Кингсли (Ch. Kingsley), 1819—1875, английский писатель-романист, богослов, натуралист-любитель, занимавшийся разведением сельскохозяйственных животных. Кингсли и есть тот «знаменитый писатель и богослов», которого Дарвин приводит в «Происхождении видов» (см. Сочинения, т. 3, стр. 660, М.— Л., 1939), не называя его фамилии, как пример священника, сочетавшего веру в бога с верой в эволюционное развитие органического мира.— Стр. 122.

148 В 1843 г. Дарвин начал писать этюд о природе Дауна, оставшийся незаконченным. См. M. L., т. I, стр. 33—36.— Стр. 122.

149 Таким образом, 10 000 экземпляров 2-го издания «Путешествия натуралиста» разошлись в Англии за 30 с лишним лет, с 1845 по 1876 г. Разумеется, эта цифра должна быть значительно увеличена за счет дальнейших английских и американских переизданий, выпускавшихся с 1876 г. по настоящее время. Отметим, что в 1952 г. выпущено факсимильное переиздание первого издания «Путешествия» (1839 г.). Однако ни одна западная страна не знает таких тиражей, как СССР, где с 1917 по 1955 г. «Путешествие натуралиста» выпущено шестью изданиями (не считая сокращенных изданий для юношества) общим тиражом свыше 187 000 экземпляров.— Стр. 126.

150 Дарвин имеет здесь в виду тот «Дневник» жизни и работы, который он вел с 1838 по 1881 г. Перевод этого «Дневника» впервые появляется в настоящей книге (стр. 157—191). — Стр. 126.

151 Второе издание «Коралловых рифов» вышло в 1874 г., второе издание «Геологических наблюдений» (объединяющее две другие геологические работы Дарвина — «Вулканические острова» и «Берега Южной Америки») — в 1876 г. — Стр. 126.

[152] Concholepas — род морских брюхоногих моллюсков из семейства Purpuridae. — Стр. 126.

[153] Этот найденный Дарвином у побережья архипелага Чонос (Юж. Чили) вид усоногих раков, просверливающих раковину *Concholepas peruviana* и поселяющихся в ней, был назван им *Cryptophialus minutus* и отнесен к особому отряду (а не подотряду, как пишет Дарвин в «Воспоминаниях») Abdominalia *, содержащему единственный род с этим единственным видом (см. Ч. Дарвин, Сочинения, т. 2, стр. 76—81 и примеч. 54 на стр. 649, М.— Л., 1936). Интересно отметить малоизвестный факт — помощь, оказанную Дарвину Дж. Д. Гукером, когда Дарвин только приступил к изучению усоногих. Вот что пишет по этому поводу сам Дарвин: «Я весьма обязан д-ру Гукеру, который много лет назад, когда я начал исследование этого моего первого усоногого [т. е. *Cryptophialus minutus*], всесторонне помог мне, показав, как вскрывать наиболее сложные органы, и изготовив для меня несколько очень точных рисунков, которые в настоящее время награвированы с несколькими последующими изменениями» (эти рисунки Гукера воспроизведены в указанном месте 2-го тома «Сочинений» Дарвина). Приведенные слова Дарвина представляют примечание к его описанию *Cryptophialus minutus* (C. D a r w i n, A Monograph on the sub-class Cirripedia: Balanidae, Verrucidae. London, Ray Society, 1854, стр. 566.).— Стр. 126.

[154] Эдуард Бульвер-Литтон (E. Bulwer-Lytton), 1803—1873, английский популярный романист, вначале либерального,а впоследствии (после 1850 г.) реакционного толка. — Стр. 126.

[155] Молверн (Malvern)— курорт с горячими и холодными источниками в Средней Англии (графство Вустершир). — Стр. 126.

[156] В письме к Ч. Лайеллю от 28 сентября 1860 г. Дарвин указывает, что немецкий исследователь А. Крон в работах о цементных железах и о развитии усоногих («Wiegmann's Archiv», тт. XXV и XXVI) «раскрыл две или три гигантские ошибки», допущенные Дарвином. Правда, продолжает Дарвин, речь идет о «не очень трудных моментах, относительно которых я, благодарение небесам, высказался с довольно большим сомнением. Препарирование [усоногих] настолько трудно, что даже Гёксли постигла неудача. Ошибочным является главным образом толкование, которое я даю в отношении отдельных частей, а не мое описание их. Но это были гигантские ошибки, и я рассказываю обо всем этом потому, что Крон ничуть не торжествовал по этому поводу, а отметил мои ошибки

* В настоящее время Abdominalia Дарвина включены в состав подотряда Acrothoracica. О современной классификации усоногих раков и ее отношении к классификации, предложенной Дарвином, см. Д а р в и н, Сочинения, т. 2, стр. 30-32, 40 и 649. М.—Л., 1936.

с величайшей мягкостью и деликатностью (L.L., т. II, стр. 345; слова письма о «не очень трудных моментах» почему-то выпущены Фр. Дарвином; они восстановлены мною по подлиннику письма).— Стр. 127.

[157] Комментатор русского перевода извлечений из «Усоногих раков» Дарвина (Сочинения, т. 2, стр. 645, М. — Л., 1936) Н. И. Тарасов пишет по этому поводу: «Паразитизм как «дополнительных», так и просто карликовых самцов усоногих на гермафродитах или самках весьма сомнителен, так как самцы очень недолговечны и не питаются вовсе, или, во всяком случае, не питаются соками «хозяина», будь то гермафродит или самка. Видимо, и сам Дарвин употребляет здесь слово «паразит» лишь в смысле «эпибионт» (т. е. организма, живущего на поверхности тела другого организма, но не питающегося его соками)».— Стр. 127.

[158] Кто этот «немецкий автор», не известно. Как видно из письма Дарвина Фрицу Мюллеру от 10 августа 1865 г. (L. L., т. III. стр. 38), выступление это произошло незадолго до 1865 г.— Стр. 127.

[159] Об этих указываемых самим Дарвином источниках его эволюционных воззрений см. Сочинения, т. I, стр. XXXIX—XLII, 76—84, 116—119, 329—334, М.— Л., 1935; Сочинения, т. 3, стр. 270, М.— Л., 1939.— Стр. 127.

[160] О «Записной книжке» 1837—38 гг. см. примеч. 100.— Стр. 128.

[161] «Подлинно бэконовский метод», т. е. эмпирический метод исследования, разработанный Френсисом Бэконом (1561—1626). Напомним характеристику бэконовского метода, данную Марксом: «*Чувства* непогрешимы и составляют *источник* всякого знания. Наука есть *опытная наука* и состоит в применении *рационального метода* к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперименты суть главные условия рационального метода» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. III, М.— Л., 1929, стр. 157).— Стр. 128.

[162] Хотя Дарвин субъективно воспринимал процесс формирования в его сознании теории естественного отбора именно таким образом, но, как уже правильно отмечал его сын Френсис, эти слова Дарвина могут вызывать только наше удивление, особенно когда знакомишься с некоторыми отрывками «Записной книжки» 1837—1838 гг., законченной в феврале 1838 г., т. е. за 7—8 месяцев до того, как Дарвин прочитал Мальтуса. Вот что пишет по этому поводу Френсис Дарвин: «Удивительно, что для того, чтобы дать ему [Чарлзу Дарвину] ключ к решению задачи, понадобился Мальтус, между тем как в Записной книжке 1837 г. имеется — хотя и неясно выраженное — следующее предвидение важности переживания наиболее приспособленного: «Что касается вымирания, то мы легко можем видеть, что разновидность страуса (Petise) может оказаться плохо приспособленной, а потому погибнет; или с другой стороны, подобно Orphaeus, будучи благоприятствуема, может

значительно размножиться. В основе этого лежит принцип, согласно которому непрерывно возникающие изменения, порожденные размножением на ограниченной территории и изменяющимися обстоятельствами, продолжают существовать и развиваться в соответствии с приспособленностью к этим обстоятельствам, и таким образом гибель видов является следствием (в противоположность тому, что, казалось бы, имеет место в Америке) неприспособленности к обстоятельствам». Я вряд ли могу сомневаться в том,— заключает Френсис Дарвин,— что, при его знакомстве с взаимозависимостью организмов и с тиранией условий, его опыт и без помощи Мальтуса выкристаллизовался бы в «теорию, с которой можно работать». («The Foundations of the Origin of Species. Two Essays written in 1842 and 1844 by Charles Darwin». Edited by his son Francis Darwin. Cambridge, 1909, стр. XVI.) — Стр. 129.

163 Русский перевод «Очерков» 1842 и 1844 гг. дан в «Сочинениях» Дарвина, т. 3, М.— Л., 1939, стр. 79—230.— Стр. 129.

164 Экономия природы (Economy of Nature), т. е. «Хозяйство природы»,— совокупность всех отношений и связей, естественно возникающих в живой и неживой природе и определяющих то место, которое занимает в природе каждый данный вид организмов. Этот старинный термин в настоящее время не применяется.— Стр. 129.

165 Аза Грей (Asa Gray), 1810—1888, американский ботаник, корреспондент и друг Дарвина, один из первых принявший его эволюционное учение.— Стр. 130.

166 Работы Дарвина и Уоллеса были доложены в заседании Линнеевского общества 1 июля 1858 г. Полный перевод протокола Линнеевского общества, письма́ Лайелля и Гукера и работ Дарвина и Уоллеса см. Ч. Дарвин, Сочинения, т. 3, стр. 231—252, 1939.— Стр. 130.

167 О С. Хоутоне и его выступлениях см. С. Л. Соболь, Полемика вокруг идей Дарвина в период, предшествовавший выходу в свет «Происхождения видов», «Журнал общей биологии», т. I, № 1, стр. 75—104, 1940. В этой статье показано также, что откликов на работы Дарвина —Уоллеса было больше, чем полагал Дарвин. — Стр. 130.

168 Мур-Парк (Moor Park) — курортное место близ Фарнема в графстве Суррей (к юго-западу от Лондона). В одно из своих пребываний в Мур-Парке, в конце 50-х годов, Дарвин посетил гробницу Гильберта Уайта (см. выше примеч. 26). — Стр. 130.

169 Конечно, верно, что в «существе своем» «Происхождение видов» «осталось без изменений» с 1-го издания (1859) по 6-е (1872). Однако дополнения и исправления, вносившиеся Ч. Дарвином в книгу от одного издания в другое, были весьма обширны. Анализ основных изменений последовательных изданий «Происхождения видов» дан А. Д. Некрасо-

вым в статье «Работа Ч. Дарвина над Происхождением видов» (Ч. Дарвин, Сочинения, т. 3, стр. 59—70, М.— Л., 1939).— Стр. 132.

170 До августа 1876 г., когда это было написано Дарвином, в России вышло три издания «Происхождения видов» в переводе С. А. Рачинского — в 1864, 1865 и 1873 гг.— Стр. 132.

171 Как сообщил Френсису Дарвину проф. Мицукури (L.L., т. I, стр. 86), это не соответствует действительности: до 1876 г. в Японии никакого перевода «Происхождения видов» не было издано.— Стр. 132.

172 Речь идет о книге некого Нафтали Галеви из Радома (Польша) «Toledoth Adam» (т. е. «Поколения человека»), присланной автором Ч. Дарвину в 1876 г. Автор писал Дарвину, что он изложил воззрения Дарвина с целью убедить своих единоверцев в истинности эволюционного учения (M. L., т. I, стр. 365—366).— Стр. 132.

173 Нам не удалось установить, какие именно «каталоги или библиографические справочники по дарвинизму», выходившие «ежегодно или раз в два года» в Германии, имел здесь в виду Дарвин. В каталоге личной библиотеки Дарвина, хранящейся в Кембридже (H. W. Rutherford, Catalogue of the Library of Charles Darwin now in the Botany School, Cambridge, 1908), находим на стр. 20 указание на следующее издание (но выходившее после 1876 г.!): «Darwinistische Schriften», № 2—9 и 12, Leipzig, 1878—1882. Большая библиография по дарвинизму была составлена Георгом Зейдлицем — автором книги «Теория Дарвина» («Die Darwinische Theorie»). Зейдлиц, уроженец Петербурга (род. в 1840 г.), был в 70-х годах доцентом зоологии Дерптского университета. Первое издание его книги вышло в Дерпте в 1871 г., второе — в Лейпциге в 1875 г. Для своего времени его книга была одним из лучших курсов дарвинизма. Оба издания снабжены составленным Зейдлицем обширным систематизированным списком литературы по эволюционному учению (начиная с 1859 г.). Во втором издании этот список занимает 49 страниц.— Стр. 132.

174 Подтверждение того, что Дарвин действительно задолго до Форбса пришел к этой идее, см. Сочинения, т. 3, стр. 764, примеч. 76, М.— Л., 1939 и т. 2, стр. 32—36, М.— Л., 1936. В т. 2 (статья Л. С. Берга) указано и название работы Форбса, о которой идет речь.— Стр. 135.

175 Истории вопроса о биогенетическом законе и роли Ф. Мюллера и Э. Геккеля в его разработке посвящена статья И. И. Ежикова «Учение о рекапитуляции и его критики» (в книге: Ф. Мюллер — Э. Геккель, Основной биогенетический закон. Избранные работы. Ред. и вступ. статья И. И. Ежикова. М.— Л., изд. АН СССР, 1940) — Стр. 135.

176 Сент-Джордж-Джексон Майварт (St. G. J. Mivart), 1827—1900, английский анатом и зоолог, профессор Лондонского университета. Резко выступал против Дарвина с идеалистических и автогенетических позиций. На критику теории естественного отбора, развитую Майвартом, Дарвин

дал исчерпывающий ответ в VII главе 6-го издания (1872 г.) «Происхождения видов».— Стр. 135.

[177] Pettifogger (америк.) — уличный адвокат, адвокат, действующий грязными методами, шантажом и обманом. — «Олд-Бейли» — название улицы, где в прежнее время находился в Лондоне уголовный суд, на который (как и на находившуюся тут же уголовную тюрьму) обычно переносилось название «Олд-Бейли».— Стр.136.

[178] Дарвин не всегда, однако, следовал этому правилу. Прямые случаи научной недобросовестности и передергивания фактов вызывали подчас достаточно резкие выступления с его стороны. См., например, его статьи-ответы Хэдсону, Гоуорту, Бри, Уайвилю Томсону (Сочинения, т. 3, стр. 731—733, 754 и соотв. примеч. на стр. 818—820 и 824, М.— Л., 1939). — Стр. 136.

[179] О Шпренгеле и его работе по опылению растений см. вступительную статью И. М. Полякова к 6-му тому «Сочинений» Дарвина (стр. 20—21, М.— Л., 1950).— Стр. 137.

[180] Весь этот комплекс статей по ди- и триморфизму цветов растений был впоследствии переработан Дарвином в монографию «Различные формы цветов у растений одного и того же вида» (см. «Воспоминания», стр. 144 и Соч. т. 7, М.—Л., 1948, где дан перевод этой работы Дарвина со вступит. статьей и коммент. А. П. Ильинского).— Стр. 138.

[181] В Записной книжке 1837—1838 гг. имеется ряд мест, в которых Дарвин совершенно недвусмысленно высказывается за происхождение человека от обезьяноподобных предков.— Стр. 141.

[182] Чарлз Белл (C. Bell), 1774—1842, выдающийся шотландский физиолог, известный своими исследованиями по анатомии и физиологии нервной системы. О его работе «Анатомия выражений» см. вступительную статью С. Г. Геллерштейна к работе Дарвина «Выражение эмоций» (Дарвин, Сочинения, т. 5, стр. 663, М.— Л., 1953).— Стр. 142.

[183] Хартфилд (Hartfield) — деревня в графстве Суррей, где жила старшая сестра Эммы Дарвин Шарлотта Веджвуд со своим мужем священником Ч. Лэнгтоном.— Стр. 142.

[184] Первые слова известного евангельского выражения — «Nunc dimittis servum tuum, Domine» («Ныне отпущаеши раба твоего, господи»), смысл которого, по евангельскому рассказу о Симеоне, увидевшем мессию, следующий: теперь, увидев свершение лучших моих надежд, я могу умереть.— Стр. 143.

[185] См. по этому поводу предисловие Ч. Дарвина к английскому переводу книги немецкого ботаника Германа Мюллера «Опыление цветов». Русский перевод: Ч. Дарвин, Сочинения, т. 6, стр. 652—654 и 686—687, М.— Л., 1950.— Стр. 143.

[186] О терминах «легитимный» и «иллегитимный» см. статью А. П. Ильинского к переводу работы Дарвина «Различные формы цветов» (Сочинения, т. 7, стр. 18 и сл., М.— Л., 1948). О дарвиновской аналогии иллегитимного опыления с бесплодием гибридов см. там же стр. 623—626, а также Сочинения, т. 4, стр. 584—588, М.— Л., 1951.— Стр. 144.

[187] Сущность «конфликта» между Дарвином и Батлером заключается в следующем. Известный немецкий дарвинист Эрнст Краузе напечатал в посвященном Чарлзу Дарвину номере журнала «Kosmos» за 1879 г. статью об Эразме Дарвине, в которой пытался показать, что Эразм Дарвин за 20 лет до Ламарка создал последовательную теорию эволюции, очень близкую к теории Ламарка. Ч. Дарвину статья очень понравилась, и он предложил Краузе издать ее в английском переводе, предпослав ей биографию Эразма, которую сам Дарвин и взялся написать по имевшимся в его распоряжении семейным архивам. Краузе выразил согласие и немедленно исправил и несколько расширил свою статью для английского перевода. В промежуток времени между появлением статьи Краузе в журнале «Kosmos» и моментом подготовки Краузе исправленного текста предназначенного для английского перевода, в Англии появилось сочинение английского романиста и публициста Сэмюэла Батлера (1835—1902) «Старая и новая теория эволюции» (S. Butler, Evolution old and new, 1879), в котором он доказывал, что теория деда (Эразма Дарвина) глубже и ближе к истине, нежели теория внука (Чарлза Дарвина). Намекая на это, Краузе добавил в переработанном тексте своей статьи следующую заключительную фразу: «Система Эразма Дарвина сама по себе представляла весьма значительный первый шаг по тому пути, который был проложен для нас его внуком, но пытаться в наши дни оживить эту систему — как совершенно серьезно делают это некоторые авторы — значит проявлять слабость мысли и устарелость взглядов, в чем никому нельзя позавидовать» (E. Krause, Erasmus Darwin. Translated... by W. S. Dallas, Лондон, 1879, стр. 216). Вполне справедливо отнеся эти слова к себе, Батлер выступил против Дарвина в печати, в крайне грубой форме обвиняя его в том, что он специально предпринял перевод статьи Краузе *с заранее задуманной целью* опорочить его, Батлера, книгу. Дарвин в личном письме к Батлеру объяснил ему, что перевод был предпринят до того, как книга Батлера вышла в свет и что указанная фраза была добавлена автором (Краузе) при переработке статьи после выхода книги Батлера; поэтому обвинение Батлера лишено оснований, но Дарвин признает свою ошибку, выразившуюся в том, что в предисловии к переводу он позабыл оговорить это обстоятельство. Однако Батлер продолжал в печати начатую им компанию против Дарвина, причем теперь уже совершенно нелепо обвинял Дарвина в какой-то фальсификации, в том, что он намеренно скрыл от читателей факт переработки статьи и внесения в нее новых элементов, и выпустил даже специальный грязный памфлет против

Дарвина под заглавием «Unconscious Memory» («Потеря памяти», 1880). Сам Краузе пишет по поводу этой истории следующее: «Дело выглядело крайне комично, ибо если бы здесь имело место намеренное действие, то оно могло бы оказать пользу только одному человеку... самому м-ру Батлеру. В самом деле, если мой очерк в том именно виде, какой он приобрел окончательно, появился за 3 или 4 месяца до книги Батлера, то кто бы мог подумать, что автор намекает на Батлера! Произведение, трактующее о Карле Великом, не могло быть написано до Р. Х., и фальсификатор, который издал бы какой-нибудь кодекс до Р. Х., не стал бы намеками говорить в нем о... Карле Великом. Вся эта история заслуживает упоминания только по двум причинам. Во-первых, потому что некоторые читатели могли слышать о ней, не имея ясного представления о сути дела. Во-вторых, потому что она ясно показывает, что в Англии под покровом внешней вежливости все еще тлеет глубокая ненависть к нарушителю квиетизма [т. е. к Дарвину] *, ибо многие из виднейших газет и журналов Англии не осмелились реагировать на легкомысленные и абсурдные жалобы Батлера, обнаружив таким образом свой истинный образ мыслей. Ни одному из господ редакторов не пришло в голову, прежде чем они пустили в печать злостные заявления Батлера, спросить себя, зачем, собственно говоря, выступил Батлер со столь тяжкими обвинениями против Дарвина из-за факта забывчивости, который никому не причинил вреда, а Батлеру мог принести только очевидное преимущество?» (E. Krause, C. Darwin und sein Verhältnis zu Deutschland, Лейпциг, 1885, стр 184—186).— Лесли Стивен (Leslie Stephen), 1832—1904, английский критик и литературный деятель.— Р. Б. Личфилд (R. B. Litchfield), 1831—1903, английский общественный деятель, педагог и музыкант, один из основателей и многолетний преподаватель Колледжа для рабочих. Был женат на старшей дочери Дарвина — Генриетте. Р. Б. Личфилд неоднократно оказывал Ч. Дарвину литературную помощь, например — в редактировании «Выражения эмоций», в составлении обращения ученых в Парламент по вопросу о разрешении физиологам пользоваться методом вивисекции на животных (см. об этом стр. 187 и примеч. 92 на стр. 244).— Стр. 145.

[188] Фр. Дарвин отмечает (L. L., т. I, стр. 88.), что тем не менее с ноября 1881 по февраль 1884 г. было продано 8500 экземпляров этой книги. Напомним, что впервые Дарвин занялся исследованием дождевых червей в 1837 г. (см. стр. 110 и примеч. 120).—Стр. 145.

[189] In extenso (лат.) —в полном виде, полностью.— Стр. 147.

[190] У Дарвина: «недоверие к дедуктивному методу рассуждения в смешанных науках [in Mixed Sciences]». Этим термином в Англии и Америке обозначают иногда науки, которые могут иметь наряду с теоре-

---

* Напоминаем, что это было написано Эрнстом Краузе в 1885 г.

тическим и практический уклон, например математика, различные отрасли биологии и т. п.— Стр. 150.

[191] Имеется в виду книга: A. H. Huth, The Marriage of near Kin, London, 1875.— Стр. 152.

[192] В тексте, опубликованном Фр. Дарвином (L.L., т. I, стр. 106), почему-то значится «Бельгийское королевское общество» вместо «Бельгийское королевское медицинское общество», как в рукописи Ч. Дарвина.— Стр. 152.

[193] У Дарвина буквально: «не было никаких случаев», однако из контекста ясно, что должно быть: «не было ни одного неудачного случая».— Стр. 152.

[194] Речь идет о Пьере Ван-Бенедене (P. van Beneden), 1809—1894, известном бельгийском зоологе и паразитологе, президенте Бельгийской Академии наук, а не о его сыне — выдающемся цитологе и эмбриологе Эдуарде (1846—1910).—Стр. 152.

[195] Хопден (Hopedene)—дом Генсли Веджвуда (см. примеч. 140) в Суррее.—По поводу даты начала работы над «Воспоминаниями» — «около 28 мая» см. примеч. 1.—Стр. 153.

«ДНЕВНИК РАБОТЫ И ЖИЗНИ»

Примечания С. Л. Соболя

«Дневник» («Journal»), в котором Ч. Дарвин коротко отмечал главнейшие события своей жизни и научной деятельности, был начат им, как видно из его собственноручной записи на заглавном листке рукописи, в августе 1838 г.; последние же записи, относящиеся к концу 1881 г., были, видимо, сделаны Дарвином после 20 декабря этого года. Начиная с 1846 г. Дарвин вел записи для каждого года в двух вертикальных столбцах, в левом из которых он записывал преимущественно сведения о ходе своей исследовательской и научно-литературной работы, а в правом — о различных семейных событиях, о заболеваниях своих и членов семьи, о поездках на курорты, к друзьям и родичам, на научные съезды и пр. Подробность записей не одинакова в разные годы — иногда Дарвин ограничивался только обобщающей, итоговой записью за несколько прошедших месяцев, а то и за целый год. «Дневник» написан крайне лаконично — Дарвин, видимо, писал его исключительно для самого себя, так сказать, для собственного контроля и учета хода своей работы, а может быть — и с целью использовать его в будущем как хронологическую канву при составлении своей автобиографии. Последняя, как известно, и была начата им в том же 1838 г., что и настоящий «Дневник», но доведена только до 1820 г. Лишь в последние годы жизни, в 1876—1881 гг., Дарвин написал известные уже нам «Воспоминания о развитии моего ума и характера».

На английском языке «Дневник» до настоящего времени не опубликован. Френсис Дарвин лишь частично использовал его в своих ремарках в L.L. и в составленной им краткой хронологической таблице жизни и научного творчества Чарлза Дарвина, которой открывается первый том M. L. При переводе «Дневника» мы старались возможно ближе держаться лаконичного текста подлинника, добавляя в квадратных скобках лишь слова, необходимые для облегчения чтения не всегда ясного текста.

[1] Абергел — см. примеч. 6 к «Воспоминаниям».— Об этих самых ранних воспоминаниях см. Воспоминания Дарвина о первых годах детства (M. L., т. I, стр. 1—5).— Стр. 157.

[2] Плейс-Эдвардс — см. примеч. 24 к «Воспоминаниям».— Стр. 157.

[3] Пистилл-Райадер (Pistyll Rhayader) — цепь невысоких гор в центре Северного Уэльса, тянущаяся от Ллайн-Пен-Райадер вниз по течению реки Ллайвнант к реке Дови. — Стр. 157.

[4] См. примеч. 5 к «Воспоминаниям». Там же даны сведения о всех других членах семьи доктора Роберта Дарвина.— Стр. 157.

[5] Элизабет Веджвуд (1793—1880) — двоюродная сестра Ч. Дарвина, старшая сестра Эммы Веджвуд (впоследствии жены Ч. Дарвина). С 1868 г. Элизабет жила в деревне Даун поблизости от семьи Ч. Дарвина.— Монтгомери (Montgomery) и Бишопс-Касл (Bishops Castle) —два маленьких города, расположенные к юго-западу от Шрусбери: первый в восточной части Уэльса, второй — в Шропшире, на границе с Уэльсом.— Стр. 157.

[6] М-р Коттон (Cotton)— см. «Воспоминания», стр. 70.— Стр. 157.

[7] Бала (Vaynor Parle Bala)— местечко и озеро на северо-западе Северного Уэльса.— Стр. 158.

[8] Приведенная Дарвином цитата из протоколов Плинпевского общества в Эдинбурге заимствована им из указываемого им номера «Nature» (статья «Local Scientific Societies»). К чему относятся слова «Trans. Bot. Soc., vol. XI», неясно. См. также примеч. 36 и 37 к «Воспоминаниям».—Стр. 158.

[9] Данди (Dundee), Сент-Андрус (St. Andrews), Стёрлинг (Sterling)— места в Шотландии к северу от Эдинбурга.—Упоминаемая Дарвином поездка в Париж с дядей Джосайей Веджвудом была единственным посещением материка Европы, совершенным Чарлзом Дарвином за всю его жизнь.— Стр. 158.

[10] См. примеч. 46 к «Воспоминаниям».— Стр. 160.

[11] См. примеч. 12 и 48 к «Воспоминаниям».— Стр. 160.

[12] В действительности Дарвин впервые поехал в Кембридж лишь после рождественских каникул — в начале 1828 г. См. примеч. 81 к «Воспоминаниям» (стр. 214).— Стр. 160.

[13] О Фоксе см. примеч. 68 к «Воспоминаниям».— Об Олберте Уэе см. «Воспоминания» (стр. 79).— Стр. 160.

[14] О Герберте см. примеч. 75 к «Воспоминаниям».—Батлер — также один из кембриджских студентов-друзей Дарвина.—Баттертон (Butterton)— тот преподаватель математики в Бармуте, которого Дарвин характеризует в «Воспоминаниях» (стр. 74) как «очень тупого человека».—Стр. 160.

[15] Осмастон-Холл — имение родителей Уильяма Дарвина-Фокса близ города Дерби.—Стр. 160.

[16] О Рамси и Досе см. «Воспоминания» (стр. 82).— Стр. 160.

[17] См. примеч. 84 к «Воспоминаниям».—«Отклонил предложение о путешествии», т. е. отказался от участия в путешествии на «Бигле».—Стр. 161.

[18] Фалмут (Falmouth) — портовый город в юго-западной Англии на берегу Ла-Манша.— Стр. 161.

[19] Вулидж (Woolwich)—порт на Темзе в нескольких километрах ниже Лондона.— Стр. 161.

[20] Дарвин, очевидно, имеет в виду свою статью «Очерк отложений окрестностей Платы с остатками вымерших млекопитающих» («A sketch of the deposits containing extinct mammalia in the neighbourhood of Plata», Proceedings Geol. Society of London, II, стр. 542—544, 1838), доложенную им в 1837 г. в Геологическом обществе. Вероятно, необходимость сформулировать в этой статье, над которой он мог начать свою работу еще в марте, вопрос о соотношениях между вымершими и современными южноамериканскими неполнозубыми, и вызвала у Дарвина то чувство, которое он ниже выразил словами: «был сильно поражен».— Стр. 162.

[21] У Дарвина буквально: «Also speculated much about Existence of Species» (стр. 6 рукописи). Вряд ли возможно здесь перевести последние три слова цитаты как «о существовании видов». Дарвина волновал в это время вопрос именно о сущности или существе вида, и пришлось выбрать для перевода слова «Existence» более редкое, но все же применяемое в английском языке значение этого слова.— Стр. 163.

[22] О Глен-Рое см. примеч. 102 к «Воспоминаниям». Долина Глен-Рой находится в северо-западной Шотландии (графство Инвернесс). Отсюда, судя по дальнейшим словам Дарвина, он спустился на юг, где в порту Гринок (в устье р. Клайд) сел на пароход и доехал до Ливерпуля, откуда сухопутным путем (через Овертон в северо-западной части Северного Уэльса) добрался до Шрусбери.— Стр. 163.

[23] «Записи со слов моего отца» — эти записи были использованы Дарвином впоследствии при составлении характеристики отца в «Воспоминаниях» (стр. 47—58).— Стр. 163.

[24] Под «метафизическими изысканиями» здесь и «метафизическими вопросами» ниже, в записи от 1 августа 1838 г., следует, как нам кажется, понимать вопросы религии. См. вступит. статью (стр. 21).— Стр. 163.

[25] Как мы уже знаем из «Воспоминаний» (см. стр. 97—98), Дарвин впоследствии полностью отказался от выводов, к которым пришел в этой своей работе о параллельных террасах Глен-Роя.— Стр. 164.

[26] О теории кратеров поднятия см. примеч. 123 к «Воспоминаниям». Интересно отметить, что критику теории кратеров поднятия мы обнаруживаем лишь во втором издании «Путешествия натуралиста» (в гл. XXI об острове Маврикия). Очевидно, уже передав рукопись первого издания Фиц-Рою, Дарвин задумался над этим вопросом и в середине сентября

занялся его изучением. Однако то обстоятельство, что в «Приложениях» к первому изданию «Путешествия натуралиста» (1839, стр. 609—629), написанных во время печатания книги и содержащих ряд исправлений и дополнений к тексту, Дарвин не обсуждает вопроса о кратерах поднятия, свидетельствует, что в это время он не пришел еще к определенному решению.— Стр. 164.

[27] Виндзор — город на правом берегу Темзы, в 30 км к западу от Лондона, с старинным королевским замком, в котором хранится богатое собрание произведений итальянских и голландских художников эпохи Возрождения.—Стр. 164.

[28] Предисловие к первому изданию «Дневника изысканий» занимает стр. VII—IX, а приложение о теории эрратических валунов — стр. 615—625 «Приложений» издания 1839 г.— Стр. 164.

[29] В этот день в Мэре была совершена помолвка Чарлза Дарвина с Эммой Веджвуд.—Стр. 164.

[30] В этом доме Чарлз Дарвин прожил до 14 сентября 1842 г., когда он переселился со своей семьей в Даун, т. е. всего 3 года и 8,5 месяца. На доме была утверждена мемориальная доска с надписью «Charles Darwin, 1809—1882, lived here 1839—1842» (т. е. «Чарлз Дарвин, 1809—1882, жил здесь в 1839—1842 гг.»). Весною 1941 г. этот дом был разрушен авиабомбой, сброшенной на Лондон немецкими фашистами. См. фотографию (стр.109) — Стр. 165.

[31] «Horticultural Transactions»—«Садоводственные труды»: сокращенное название журнала «Transactions of the Horticultural Society of London».— Стр. 165.

[32] Съезды Британской ассоциации (полное название «British Association for the Advancement of Science»), основанной в 1831 г., происходят ежегодно в различных центрах как самой Англии, так и ее доминионов. Дарвин, судя по его «Дневнику», принимал личное участие в следующих съездах Британской ассоциации: в 1839 г. (Бирмингем), в 1846 г. (Саутгемптон), в 1847 г. (Оксфорд), в 1849 г. (Бирмингем; на этом съезде Дарвин был одним из вице-президентов), в 1855 г. (Глазго); на съезде Британской ассоциации 1860 г. в Оксфорде в секции D произошла на заседании 28 июня после выступления Р. Оуэна знаменитая схватка между Гёксли и епископом Уилберфорсом.— Стр. 165.

[33] Приводим здесь список всех детей Ч. Дарвина:

1. Уильям-Эразм (1839—1914), банкир.
2. Анна-Элизабет, или Энни (1841—1851).
3. Мэри-Элеонора (1842—1842).
4. Генриетта-Эмма, или Этти, в замужестве миссис Личфилд (1843—1929), составитель книги «Жизнь и письма Эммы Дарвин».

5. Джордж-Говард (1845—1912), знаменитый астроном.
6. Элизабет, или Бесси (1847—1925).
7. Френсис, или Френки 1848—1925), известный ботаник-физиолог, сотрудник отца по многим работам, издатель писем и других документов Чарлза Дарвина.
8. Леонард, или Лэнни (1850—1943), евгенист.
9. Горас (1851—1928), инженер.
10. Чарлз-Уоринг (1856—1858).— Стр. 166.

[34] Имеется в виду том «Зоологических результатов», посвященный птицам.—Стр. 166.

[35] Отметим, что здесь впервые Дарвин, называвший до сих пор свою работу о коралловых рифах статьей, начинает говорить о ней как о книге.—Стр. 166.

[36] Эта запись представляется несколько загадочной: кто этот Конингтон, рукописи которого Дарвин сокращает и приводит в порядок, приступив к написанию работы о вулканических островах? Нигде больше в дарвиновских работах, письмах и других документах это имя не встречается. Единственное предположение, какое можно высказать, это то, что фамилию эту надо читать не Конингтон, а Ковингтон,—«скрипач и юнга при кормовой каюте» на «Бигле», ставший, с разрешения Фиц-Роя, на втором году плавания слугой Дарвина. Дарвин писал о нем в письмах родным, что это чудаковатый парень, который не очень нравится ему, но вполне его устраивает, так как умеет охотиться на птиц и приготовлять их шкурки для коллекции. Не записывал ли также Ковингтон под диктовку Дарвина его геологические наблюдения над вулканическими островами и не об этих ли «рукописях Ковингтона» идет речь?— Стр. 167.

[37] Флетчер (Fletcher), очевидно,— один из переписчиков рукописей Дарвина. Другим и притом постоянным переписчиком Дарвина был сельский учитель в Дауне Э. Норман.— Стр. 168.

[38] Эту поездку в Линкольншир Дарвин совершил, чтобы осмотреть небольшую ферму, приобретенную им в тех краях. По пути он посетил знаменитого гибридизатора соборного декана Манчестерского Уильяма Герберта («великого творца гибридов», «еще более еретичного в вопросе о видах, чем м-р Вестиджес», т. е. анонимный автор «Следов творения»,— см. «Исторический очерк» к «Происхождению видов», Дарвин, Сочинения, т. 3, стр. 263, 264) и известного английского натуралиста и путешественника Чарлза Уотертона (C. Waterton, 1782—1865), и осмотрел в Чатсуорте большую оранжерею, которая «представляет собою настоящий уголок тропического леса». Об этой поездке, об У. Герберте и Ч. Уотертоне Дарвин подробно рассказывает в своих письмах к Гукеру и Лайеллю от июля—октября 1845 г., (L. L., т. I, стр. 343), откуда взяты приведенные здесь цитаты.— Стр. 168.

39 Эта запись, видимо, внесена сюда почему-то лишь в конце 1846 или в начале 1847 г. Ср. с записью, сделанной после 18 декабря 1847 г.— Стр. 169.

40 Нам не удалось выяснить, что имел в виду Дарвин, говоря о «новой форме рода Balanus — Arthrobalanus»,— такого названия в труде Дарвина об усоногих нет, как нет у Дарвина и никакой «статьи» об Atrhrobalanus.— Conia — один из синонимов рода Tetraclita из семейства Balanidae.— Megatrema — один из синонимов рода Pyrgoma из того же семейства. См. C. Darwin, A Monograph of... Cirripedia: Balanidae, Лондон, 1854, стр. 321 (Tetraclita) и 354 (Pyrgoma).— Стр. 169.

41 Об этой поездке в Саутгемптон Дарвин в октябре 1846 г. писал Гукеру: «Мы (я и жена) наслаждались нашей неделей безмерно: доклады все были скучны, но я встретил так много друзей, завязал так много новых знакомств (особенно среди ирландских натуралистов) и совершил так много приятных экскурсий, что хотел бы, чтобы вы были здесь. В воскресенье мы совершили очень приятную экскурсию в Винчестер с Фоконером, полковником Себайном, д-ром Робинсоном и другими. Никогда еще не было у меня такого чудесного дня» (L. L., т. I, стр. 351).— Нол-Парк — Knole Park.—Стр. 169.

42 Balanus (морской желудь) — основной род семейства Balanidae.— Acasta — второй после Balanus род того же семейства.— Clisia — один из синонимов рода Verruca из семейства Verrucidae, следующего за семейством Balanidae в дарвиновской системе усоногих. Описание этих трех родов см. в том же томе монографии Дарвина: стр. (соответственно) 177—302, 302—321 и 496—526.— Tubicinella — 10-й (по системе Дарвина) род семейства Balanidae (описание там же, стр. 430—438).— Coronula— 8-й род того же семейства (описание там же, стр. 397—423).— Стр. 170.

43 Очевидно, и здесь, как в 1846 г. (см. выше примеч. 41), речь идет о прогулках участников съезда Британской ассоциации — в данном случае в ряд мест, расположенных вокруг Оксфорда.— Стр. 170.

44 Под «Инструкцией» имеется в виду статья «Геология», написанная Дарвином по предложению Дж. Гершеля для «Руководства для научных исследований» — сборника статей под ред. Гершеля. Русский перевод см. во 2-м томе Соч. Дарвина, М.—Л., 1936, стр 613—637.— Стр. 170.

45 Перевод общей характеристики *Lepas anatifera* на русский язык см. во 2-м томе Соч. Дарвина, М.— Л., 1936, стр. 52—55.— Стр. 170.

46 Уильям Сэмюэл Симондс (W. S. Symonds), 1818—1887, геолог, автор ряда популярных книг по геологии. Джозеф Гукер был женат на дочери Симондса.—Упоминаемые здесь места прогулки Дарвина расположены по берегу Ла-Манша к западу от острова Уайт.— Стр. 170.

47 Молверн см. примеч. 155 к «Воспоминаниям».— Стр. 171.

[48] К упомянутым выше, в июльской записи 1849 г., *стебельчатым усоногим* относятся «морские уточки» (Lepadidae), которым посвящен первый (меньший по объему) том «Усоногих раков», вышедший в 1851 г.— К сидячим усоногим, упоминаемым в апрельской записи 1850 г., относятся «морские желуди» (Balanidae), которым в основном посвящен второй, бóльший по объему, том «Усоногих раков», вышедший в 1854 г.— Pachymina — усоногого с таким названием в труде Дарвина об усоногих раках нет; вероятно, это описка и речь идет о Pachylasma — роде Balanidae (см. в томе Balanidae, 1854, стр. 475—481).— Стр. 171.

[49] Лит-Хилл (Leith Hill Place)—имение Джосайи Веджвуда 3-го, брата Эммы Дарвин и мужа старшей сестры Ч. Дарвина Каролины.— Хартфилд см. примеч. 183 к «Воспоминаниям».—Рамсгет (Ramsgate) — морской курорт на берегу Северного моря в юго-зап. Англии.— Стр. 171.

[50] Conia — см. выше примеч. 40.— Elminius — род Balanidae, описание см. в томе Balanidae, 1854, стр. 345—354.— Стр. 172.

[51] Энни — дочь Дарвина, умершая в возрасте десяти лет.—Стр.172.

[52] Имеется в виду Всемирная торгово-промышленная выставка в Лондоне (в Гайд-Парке). По словам дочери Дарвина Генриетты, Чарлз Дарвин в течение целой недели вместе с женой и детьми интенсивно посещал Выставку, которая сильно заинтересовала его.— Стр. 172.

[53] Acasta — подрод рода Balanus; описание см. в томе Balanidae, 1854, стр. 302—321. — Pyrgoma — род Balanidae; описание там же, стр. 354—374.—Escuria — по-видимому, какое-то искаженное переписчиком название.— Platytypes, по-видимому, искаженное Platylepas —род Balanidae; описание там же, стр. 424—430.— Chelonobia — род Balanidae; описание там же, стр. 382—397.—Tubicinella, Xenobalanus, Chthamalus, Chamaesipho — роды Balanidae; описание там же, стр. 430—474.— Octomeris и Catophragmus — роды Balanidae; описание там же, стр. 482—491. Verruca — род семейства Verrucidae; описание там же, стр. 496—526.— Джордж Б. Соуэрби (G. B. Sowerby), 1812—1884, английский зоолог; был издавна связан с Дарвином; им были определены и описаны собранные Дарвином ископаемые моллюски Южной Америки и некоторых островов, посещенных «Биглем» (см. C. Darwin, Geological Observations, Лондон, 1891, стр. 171—177 и 605—623). Таблицы к этим описаниям были изготовлены его сыном зоологом Дж. Б. Соуэрби младшим. Вероятно, им же изготовлены и рисунки к «Усоногим ракам».— Стр. 172.

[54] Регби (Rugby)— небольшой город в центральной Англии (графство Уорикшир), где с 1852 г. обучался в средней школе старший сын Дарвина Уильям, которому было тогда 13 лет.— Стр. 172.

[55] Райгет (Reigate) — небольшой город в Суррее, прямо на юг от Лондона, на середине пути между Лондоном и побережьем Ла-Манша.— Слова в скобках добавлены Дарвином карандашом. Хотя первая желез-

нодорожная линия в Англии была построена в 1825 г., но еще в 1852 г. железные дороги были внове, чем, надо думать, объясняется, что Дарвин счел интересным отметить в своем «Дневнике» факт возвращения домой из Лит-Хилла по железной дороге.— Стр. 172.

[56] В этой записи Дарвин перечисляет последние роды усоногих (Verruca из сем. Verrucidae, Alcippe из сем. Lepadidae и Cryptophialus из отряда Abdominalia), над которыми он работал в 1853 г., заканчивая подготовку к печати второго тома «Усоногих раков» (см. том Balanidae, 1854, стр. 495—586). Заключительные слова записи «Класс Cirripedia», вероятно, означают, что вся работа над усоногими была закончена в 1853 г. В 1854 г. до середины года шла работа над корректурами этой книги и тома об ископаемых Balanidae и Verrucidae.— Стр. 173.

[57] Истборн (Eastbourn) — курорт на юго-востоке Англии, на берегу Ла-Манша. Брайтон (Brighton) и Гастингс (Hastings) — города на берегу Ла-Манша к западу (первый) и к востоку (второй) от Истборна.— Стр. 173.

[58] Хермитейдж (Hermitage) — имение Генри (Гарри) Веджвуда — брата Эммы Дарвин; было расположено близ Чобгемского поля (Chobham Camp), где в 1853 г. летом были устроены большие военные маневры. Дарвину и его семье давал пояснения старый друг его по «Биглю» Б. Д. Саливен, некогда офицер на «Бигле», а теперь адмирал и видный гидрограф.— Стр. 173.

[59] Важная дата в истории творчества Дарвина: начало подготовки им к печати большого труда о происхождении видов, который так и остался незаконченным.— Стр. 173.

[60] Слова в скобках добавлены карандашом.— Стр. 173.

[61] Эти опыты были поставлены Дарвином для выяснения вопроса о длительности сохранения жизнеспособности семенами различных растений в морской воде. Вопрос интересовал Дарвина в связи с поставленной им проблемой о возможности распространения видов растений с материков на океанические острова путем переноса семян морскими течениями. См. Ч. Дарвин, Сочинения, т. 3, стр. 681—688 и 814—815, М.—Л., 1939.— Стр. 174.

[62] Карлайл (Carlisle) — город в северной части Камберленда поблизости от юго-западной части границы Шотландии с Англией.— Стр. 174.

[63] Часть записи от 13 октября (находящаяся в скобках) и запись от 16 декабря добавлены карандашом.— Стр. 174.

[64] Сара-Елизавета Веджвуд (1778—1856) — сестра Джосайи Веджвуда («дяди Джоса»). —Стр. 174.

[65] Запись от 6 декабря добавлена карандашом.— Чарлз-Уоринг — последний ребенок Дарвина, проживший лишь полтора года. См. запись от 28 июня 1858 г.— Стр. 174.

[66] Мур-Парк см. примеч. 168 к «Воспоминаниям».— Стр. 174.

[67] Селборн см. примеч. 26 и 168 к «Воспоминаниям».— Стр. 175.

[68] Сандаун (Sandown)— морской курорт на острове Уайт в Ла-Манше. Южнее Сандауна, на том же восточном берегу Уайта, расположен другой курорт Шанклин (Shanklin).— Стр. 175.

[69] Шанклин см. выше примеч. 68.— Стр. 175.

[70] Марианна — самая старшая сестра Дарвина.— Стр. 175.

[71] Выше, в записи от 14 июня, Дарвин говорит, что прервал работу над главой о голубях (для большого труда о видах). Это произошло, очевидно, в результате наступивших 18 июня событий, приведших Дарвина к необходимости начать составление «Краткого извлечения» (т. е. «Происхождения видов») из труда о видах, к чему он и приступил 20 июля на острове Уайт. По-видимому, однако, уже приступив к первой главе «Извлечения», он почувствовал, насколько ему трудно кратко и вместе с тем ясно и убедительно изложить вопрос об изменениях в домашнем состоянии, и это побудило его, надо думать, по возвращении домой сначала закончить прерванную в июне главу (для большого труда) об изменчивости у голубей.— Стр. 176.

[72] Илкли (Ilkley) — курорт в Пеннинских горах в северной части Англии.— Стр. 176.

[73] См. С. Л. Соболь, К истории создания Дарвином его «Исторического очерка воззрений на происхождение видов», «Бюллетень МОИП. Отд. биологии», т. 54 (1), стр. 85—95, 1949.— Стр. 177.

[74] Садбрук-Парк (Sudbrooke Park) — водолечебница д-ра Лэна.— Стр. 177.

[75] Т. е. начал свои исследования над насекомоядными растениями.— Стр. 178.

[76] Это, видимо, описка Дарвина: его статья о британских орхидеях 1860 г. была опубликована 9 июня того же года, т. е. до поездки в Торки. В Торки скорее всего была написана его статья о примуле, напечатанная в «Journal of the Linnean Society» («Botany», VI, стр. 77—96) в 1862 г.— Стр. 178.

[77] Торки (Torquay)— курорт на восточном побережье Девоншира; здесь на взморье (Ла-Манш) Дарвин отдыхал вместе со всей своей семьей в июле-августе 1861 г.— Стр. 178.

[78] В подлиннике слово написано неразборчиво. На полях рукою Френсиса Дарвина поставлено слово «German» (немецкое) с вопросительным знаком.— Стр. 179.

[79] Борнемут (Baurnemouth) — дачное место на берегу Ла-Манша к западу от Саутгемптона (где жил сын Дарвина Уильям.)—Стр. 179.

[80] Молверн-Уэлс] (Malvern Wells или Malvern Hills) см. примеч. 155 к «Воспоминаниям».— Стр. 179.

[81] Три последних записи (13 и 20 апреля и 22 мая) добавлены карандашом. —Стр. 180.

[82] Две последние записи добавлены карандашом.—Коплеевская медаль (Copley medal) присуждается Королевским обществом наиболее выдающимся естествоиспытателям и считается в Англии величайшей почестью, какой может удостоиться ученый.— Стр. 180.

[83] Речь идет о корректуре статьи Дарвина «О половых отношениях трех форм *Lythrum salicaria*», доложенной в Линнеевском обществе в июне 1864 г., но увидевшей свет лишь в 1865 г. Термин «гомоморфный» первоначально применялся Дарвином в том же смысле, как позже принятый им термин «иллегитимный»(см.примеч. 186 и 180 к «Воспоминаниям»).— Стр 181.

[83а] Слова «1500 экземпляров» добавлены карандашом. — Стр. 183.

[84] Слова «на взморье» добавлены карандашом.— Стр. 183.

[85] По поводу этой поездки дочь Дарвина Генриетта Личфилд пишет: «Этим летом мы провели несколько месяцев в Кардине (Caerdeon) [близ Бармута] в Северном Уэльсе, переночевав по дороге туда в Шрусбери. Мы посетили «Маунт» — старый дом отца; хозяева приняли нас очень любезно и показали нам весь дом сверху донизу. Но у отца был очень огорченный вид, и помню, как он сказал: «Если бы я мог остаться в этой оранжерее на пять минут в одиночестве, я убежден, что увидел бы своего отца в его кресле на колесах так же реально, как если бы он действительно находился здесь передо мною» (E. D., т. II, стр. 195).— Стр. 183.

[86] Генри Колбёри (H. Colburn) — лондонский издатель, выпустивший в 1839 г. первое издание «Путешествия на Бигле».— Стр. 184.

[87] См. следующую запись, 1871 г., из которой видно, что последняя корректура была исправлена 15 января. — Стр. 184.

[88] Севноукс-Коммон (Sevenoaks Common) — дачное место к югу от Дауна.— Стр. 185.

[89] Из этой записи на первый взгляд как будто следует, что в 1874г., приступая к своему исследованию о действии на растение перекрестного опыления (скрещивания), Дарвин полагал, что скрещивание оказывает на организм вредное влияние в противоположность самоопылению. Такое понимание этой фразы было бы, однако, ошибочным, так как мы знаем, что Дарвин уже в конце 30-х и особенно в 40-х годах постепенно все более приходит к мысли о важности перекрестного оплодотворения и вреде постоянного самоопыления, а в первом издании «Происхождения видов» (1859, стр. 103—104) он писал по этому вопросу следующее: «Скрещивание играет важную роль в природе, так как поддерживает однообразие и по-

стоянство признаков у особей одного и того же вида или одной и той же разновидности. Оно, очевидно, будет влиять всего действительнее на животных, спаривающихся для каждого рождения, но, как уже сказано, мы имеем основания полагать, что скрещиванию время от времени подвергаются все растения и все животные. Если это будет случаться даже через длинные промежутки времени, то происшедшая от этого скрещивания молодь будет настолько превосходить силой и плодовитостью потомство, полученное от продолжительного самооплодотворения, что будет иметь более шансов на выживание и размножение...». Эти слова неизменно переходили из одного издания «Происхождения видов» в другое (см. Д а р в и н, Сочинения, т. III, стр. 345, М.—Л., 1939), а работа «Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире» (1876) была целиком посвящена экспериментальному обоснованию этого исходного положения. Поэтому запись о вредном (evil) действии скрещивания следует понимать только в следующем смысле: «начал работу по доказательству *ошибочности представлений* о вредном действии скрещивания», что подтверждается и записью от 3 октября 1875 г., где сказано: «...начал [писать работу] «О преимуществах скрещивания» 1 сентября».— Стр. 186.

90 Абинджер (Abinger) — город в графстве Суррей, где Дарвины бывали у Т. Х. Фаррера — мужа Эффи Веджвуд. См. «Воспоминания», стр. 119, и примеч. 141 к «Воспоминаниям».—Бассет (Basset)—дачное место близ Саутгемптона.— Стр. 186.

91 Эта фраза добавлена карандашом.— Стр. 187.

92 В середине 70-х годов английские антививисекционисты развернули широкую пропаганду против права врачей и физиологов пользоваться методом вивисекции на животных. В 1875 г. вопрос был поставлен в Парламенте и для подготовки соответствующего билля была создана «Королевская комиссия по вопросу о вивисекции». Дарвин энергично выступил вместе с рядом выдающихся английских биологов и врачей против антививисекционистов.— Стр. 187.

93 См. выше, примеч. 89.— Стр. 188.

94 См. примеч. 195 к «Воспоминаниям».— Стр. 188.

95 Эми (Amy Ruck)— первая жена Френсиса Дарвина, умерла от родов в возрасте 26 лет.— Стр. 188.

96 Т. е. к сочинению о различных формах цветка у растений одного и того же вида. — Стр. 189.

97 Вопрос о функциональном значении воскового налета на листьях и плодах некоторых растений интересовал Дарвина начиная с 1873 г. Особенно усиленно он занимался им в 1877—1878 гг., собирая литературные данные, посылая запросы многочисленным ботаникам и сам ставя разнообразные опыты. Дарвин полагал, что, наряду с защитой растения

от вредных насекомых и действия соленой воды, восковой налет в первую очередь препятствует усиленному испарению. Это последнее обстоятельство заставляло его искать точные данные об экологическом распределении растений с восковым налетом на листьях в сухих и влажных районах. Работа Дарвина о восковом налете осталась незаконченной, и сам он ничего не опубликовал по этому вопросу, но Фр. Дарвин использовал часть материалов отца в своей статье в «Journal of the Linnean Society» (т. XXII).—Самопроизвольное движение растений и гелиотропизм: эти исследования вошли в состав работы «Способность к движению у растений» (1880); «Черви» — имеется в виду работа о дождевых червях (1881).— Стр. 189.

98 Стонхендж (Stonehenge) — классическое место мегалитических построек типа кромлехов близ г. Солсбери. Постройки эти относятся к неолиту, но во времена Дарвина считались остатками кельтских друидийских храмов. Дарвин считал, что глубина залегания в земле гигантских камней-плит, из которых сооружены эти постройки, должна была значительно вырасти со времени их сооружения благодаря деятельности дождевых червей. С целью выяснения этого вопроса Дарвин и поехал в Стонхендж. О наблюдениях его там см. Д а р в и н, Сочинения, т. II, стр. 176, 228 и др., М.—Л., 1936.— Стр. 189.

99 Присуждение Ч. Дарвину Кембриджским университетом почетной степени доктора прав (Legum Doctor = L.L.D.) сопровождалось обычными церемониями. Студенты спустили с хоров подвешенную на нитке игрушечную обезьянку в качестве символа «человеческого предка» и кольцо с привязанными к нему лентами, знаменовавшее «отсутствующее звено». Публичный оратор произнес традиционную речь на латинском языке, заканчивавшуюся словами: «Tu vero, qui leges naturae tam docte illustraveris, legum doctor nobis esto», т. е.: «Ты же, кто столь основательно раскрыл законы природы, будь для нас доктором прав». В переводе исчезает остроумная игра слов: docte (основательно и учено) и doctor (доктор и ученый) и leges (законы) и legum (законов и прав). На торжественном ужине, устроенном в честь Дарвина Кембриджским философским обществом, Гёксли произнес тост, в котором между прочим сказал: «Истинно это учение об эволюции или ложно, но, полагаю, я буду вполне осторожен, сказав, что с того времени, когда Аристотель осуществил свое великое обобщение современных ему биологических знаний, не было создано ни одного произведения, которое могло бы сравниться с «Происхождением видов» как связным обзором явлений жизни, проникнутым и вдохновленным единой основной идеей».— Стр. 189.

100 Барлстон (Barlaston) — город в Стаффордшире.— Стр. 190.

101 См. выше примеч. 5, а также запись от 8 января 1880 г.— Стр. 190.

[102] Уэртинг (Worthing) — город на берегу Ла-Манша в графстве Суссекс. Здесь жил некто Антони Рич (Anthony Rich), 1804? — 1891, воспитанник и впоследствии почетный член Кембриджского университета. Он завещал Дарвину или семье Дарвина (в случае если Дарвин умрет до него) все свое состояние, за исключением дома в Уэртинге, который был им завещан Гексли. Единственным мотивом, руководившим при этом Ричем, было его восторженное преклонение перед идеями и гением Дарвина и энергией Гексли как борца за дарвинизм.— Стр. 190.

[103] Медаль Бэйли (Baly medal) была присуждена Дарвину Королевским медицинским колледжем.— Стр. 190.

[104] Лаура Форстер (Laura Forster) — знакомая Дарвинов, в доме которой в Абинджере они иногда останавливались во время своих летних поездок.— Стр. 190.

[105] Конистон (Coniston) — местечко на берегу озера Конистон в «Озерном крае» (сев. Англия) в Уэстморленде. Здесь Дарвины отдыхали в августе 1879 г. Летом 1881 г. они отдыхали в тех же местах в Паттердейле (Patterdale).— Стр. 190.

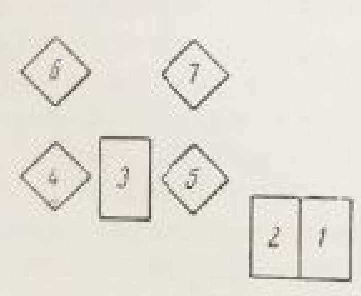
[106] Ида — дочь лорда Т. Фаррера (из Абинджера), жена Гораса Дарвина.— Стр. 191.

[107] Добавлено карандашом.—Стр. 191.

[108] Последние ботанико-физиологические и цитологические исследования Ч. Дарвина. Перевод их на русский язык см. Д а р в и н, Сочинения, т. 7, стр. 589 — 624, М.—Л., 1948.— Стр. 191.

[109] Паттердейл см. выше примеч. 105.— Стр. 191.

[110] Академик В. Н. Сукачев во время своего пребывания в Лондоне в 1956 г. посетил могилу Ч. Дарвина в Вестминстерском аббатстве и зарисовал расположение плит на полу (в левом приделе от входа), под которыми находятся могилы Дарвина и других великих английских естествоиспытателей (см. вклейку при стр. 185). С любезного разрешения В. Н. Сукачева воспроизводим его чертеж:



1. Ч. Р. Дарвин.
2. Дж. Гершель.
3. Ис. Ньютон.
4. Лорд Кельвин (У. Томсон.)
5. М. Фарадей.
6. Дж. Дж. Томсон.
7. Э. Резерфорд.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Август 209
Августин св. 210
Агассиц Л. 98, 116, 208, 218, 223
Адамс Дж. К. *185*
Айлес (Eyles) В. 208
Алисон 205
Альберт принц 113, 222
Ардинг (Гарди) У. 205
Аристотель 245
Ашуорт Дж. 204, 205, 206, 207

Баббедж (Бэббедж) Ч. 29, 117, 118, 121, 223
Баббингтон (Babbington) Ч. 212
Байрон Д. Г. 60, 147
Барло (из Шропшира) 31, 107
Барло Нора 196, 215
Батлер (из Бармута) 160, 235
Батлер (из Шрусбери) 44, 45, 46, 62, 157, 158, 201
Батлер С. 28, 144, 231, 232
Баттертон 160, 235
Бекленд (Бакленд) У. 31, 113, 218, 222
Белл Ч. 142, 230
Бен К. 117, 223
Берг Л. С. 229
Берик лорд см. Хилл
Бисмарк 225
Битнер В. В. 198
Бломфилд см. Дженинс Л.
Блуменбах И. 207
Бокль Г. Т. 32, 118, 119, 224
де-Бомон Эли 112, 221, 222
Бонплан Э. 214
Бретоно 202
Бри 230
Броун Р. 31, 32, 97, 113, 114, 137, 218, 221
Булвер-Литтон Э. 126, 226
фон-Бух Л. 221, 222
Бэкон Фр. 227
Бэн А. 201
Бэрд 132

---

*) В настоящий указатель включены все имена (за исключением имени самого Ч. Дарвина), упоминающиеся как в текстах Ч. Дарвина (стр. 39—191), так и во вступительной статье (стр. 15—36), в «Примечаниях» (стр. 195—246) и на вклейках (последние отмечены курсивом). В скобках в иностранном написании даны только те имена, которые приведены в том или ином месте текста не по-русски, а лишь в иностранном написании.

Ван-Бенеден П. и Э. 152, 233
Вержвуд Генри (Гарри) 241
Веджвуд Генсли 118, 224, 233
Веджвуд Джосайя I (из Этрурии) 199
Веджвуд Джосайя II (из Мэра, дядя Джос) 71, 86, 158, 161, 167, 199, 200, 209, 215, 220, 224, 235, 241
Веджвуд Джосайя III (из Лит-Хилла) 199, 240
Веджвуд Джулея 203
Веджвуд Китти 107, 220
Веджвуд Сара-Елизавета 174, 241
Веджвуд Сусанна см. Дарвин (Веджвуд) Сусанна
Веджвуд (Лэнгтон) Шарлотта 230
Веджвуд Элизабет 157, 183, 190 191, 235
Веджвуд Эмма см. Дарвин (Веджвуд) Эмма
Веджвуд (Фаррер) Эффи (Евфимия) 119, 224, 244
Вергилий 46
Вернер А. Г. 208
Вилле Б. 198
Вордсворт У. 98, 147, 218, 219
Вундт В. 200, 201

Галеви Нафтали 229
Гальтон С. 59, 203
Гальтон Фр. 59, 203
Гарди 66 см. Ардинг У.
Гарнетт (из Шрусбери) 42, 43
Гаррисон Дж. 30
Геккель Э. 28, 135, 229
Гёксли (Huxley) Л. 223
Гёксли Т. 22, 29, 31, 32, 116, 124, 136, 144, 149, 202, 223, 237, 245
Геллерштейн С. Г. 201
Гельмгольц Г. 200, 220
Генри 61, 204
Генсло Дж. С. 76, 80, 81, 83, 84, 86, 94, 95, 96, 112, 140, 160, 211, 212, 214, 217, 218
Герберт Дж. 77, 160, 211, 235
Герберт У. 168, 238
Гергард 202
Гершель Дж. 32, 83, 117, 214, 223, 239, 246
Гёте И.—В. 122, 145
Гильдебрандт 202
Гомер 46, 74
Гораций 46, 73, 209
Гоуорт 230
Грант А. 204, 205, 208
Грант Р. 66, 69, 158, 205, 206, 207, 208
Грей 147
Грей Аза 130, 135, 139, 228
Греттон (из Шропшира) 200
Греэм 205
Греэм У. 24, 36
Гринбаум Ф. Т. 202
Грот Дж. 32, 120, 121, 225
Гукер Дж. Д. 22, 31, 32, 96, 114, 115, 116, 124, 130, 134, 135, *185*, 214, 223, 226, 228, 238, 239
Гумбольдт А. 83, 113, 214, 223

Дальтон Дж. 204
Дантон 225
Дарвин Анна-Вайолет 203
Дарвин (Личфилд) Генриетта-Эмма (Этти) 168, 172, 174, 177, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 206, 221, 232, 237, 240, 243
Дарвин Горас 191, 238, 246
Дарвин Джордж-Говард 168, 238
Дарвин Элизабет (Бесси) 238
Дарвин Ида 191, 246
Дарвин Каролина-Сара 40, 71, 157, 158, 199, 240
Дарвин (Лэнгтон) Катерина-Эмили (Кэтрин) 40, *48*, 181, 199

Дарвин Леонард (Лэнни) 173, 175, 179, 238
Дарвин (Паркер) Марианна 158, 175, 199, 242
Дарвин Мэри-Элеонора 237
Дарвин Роберт-Уоринг 20, *40*, 41, 47—58, 86, 92, 163, 170, 195, 196, 199, 203, 215, 235
Дарвин (Веджвуд) Сусанна 40, *41*, 199, 220
Дарвин Сусанна-Элизабет (Сюзен) 181, 199
Дарвин У. О. 212
Дарвин Уильям-Эразм 142, 184, 187, 237, 240, 242
Дарвин Френсис (Френк, Френки) 15, 16, 29, 31, 145, 173, 187, 195, 196, 199, 200, 202, 205, 207, 210, 211, 212, 215, 216, 220, 221, 227, 228, 232, 233, 234, 238, 242, 244, 245
Дарвин Чарлз-Уоринг 174, 175, 238, 241
Дарвин (Рак) Эми 188, 244
Дарвин (Веджвуд) Эмма 30, 107, 108, *113*, 164, 167, 169, 174, 179, 196, 199, 221, 224, 235, 237, 240, 241
Дарвин Энни (Анна-Элизабет) 108, 166, 172, 221, 237, 240
Дарвин Эразм (дед Ч. Дарвина) 27, 48, 58, 66, 171, 190, 198, 199, 202, 203, 212, 219, 231
Дарвин Эразм-Олви (брат Ч. Дарвина) 26, 58, 59, 157, 158, 172, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 189, 190, 191, 195, 196, 199, 202, 203, 204
Дарвин-Фокс У. 79, 80, 160, 162, 212, 235
Декарт 118
Дератани Н. Ф. 201
Джемсон Р. 68, 69, 70, 207, 208
Дженинс (Бломфилд) Л. 82, 196, 213
Дженинс С. 82, 213
Дженнер д-р 180
Дженнер 202
Джорджоне 211
Джоуль Дж. П. *185*
Д'Олбени см. Собесский Стюарт
Дондерс 200, 201
Дос (Dawes) 82, 83, 160, 236
Дункан Э. 62, 204, 205

Ежиков И. И. 229

Заблудовский П. Е. 213
Зейдлиц Г. 229

Йесперсен (Jespersen) П. 205, 206
Ильинский А. П. 230, 231

Карл Великий 232
Карл II 87
Карлейль Т. 26, 27, 28, 32, 36, 59, 121, 202, 203, 225
Каслри 87, 90, 216
Кейс (из Шрусбери) 44, 157, 199, 200
Кельвин лорд (У. Томсон) 246
Кинг Ф. П. 216
Кингсли Ч. 122, 225
Кирби 160
Колбёрн Г. 184, 243
Колдстрим Дж. 66, 158, 205, 206
Кольер Дж. 1 (фронтиспис)
Кольридж С. 98, 147, 218
Конингтон (Козингтон?) 167, 238
Корк 119
Коттон (из Шропшира) 70, 157, 235
Краузе Э. 28, 144, 202, 231, 232
Кромвель 225
Крон А. 226
Кэй-Шаттлуорт Дж. 69
Кювье Ж. 206, 207

Лавуазье А. Л. 204
Лайелль, жена Ч. Лайелля, 112
Лайелль Ч. 22, 31, 32, 52, 91, 96, 97, 111, 112, 113, 121, 128, 129, 130, 134, 136, 174, 202, 208, 216, 217, 221, 222, 223, 226, 228, 238
Ламарк Ж. Б. 66, 111, 199, 206, 231
Ламуру Ж. В. Ф. 206
Лансдаун 52 см. Шелборн
Лафатер И. К. 87, 215
Леббок Дж. 220
Левин В. Л. 203, 212
Лейбниц Г. В. 118
Лейтон У. 41, 200
Лепковский Ю. 198
Лизарс 207
Листер Дж. *185*
Личфилд Р. Б. 144, 232
Луи 202
Лэмб Ч. 58, 202, 203
Лэн д-р 242
Лэнгтон Ч. 199, 230

Майварт С.-Д. 135, 229
Макджилливрей У. 70, 208, 209
Макинтош Дж. 72, 82, 160, 209
Маколей Т. 32, 51, 119, 120, 121, 213, 224
Мальтус Т. 128, 227
Маркс К. 26, 29, 209, 224, 225, 227
Мегайр Г. *160*
Мёррей Дж. 131, 170, 177, 182, 184, 186, 191
Миллер У. 96, 218
Милмен Г. 119, 224
Милнс М. 120
Мильтон Дж. 98, 147, 219
Мин А. 217
Мицукури 229
Монро А. (I, II, III) 62, 64, 205
Мотли Д. 120, 224
Мурчисон 202
Мурчисон Р. И. 31, 32, 113, 222
Мэхон см. Станхоп
Мюллер Г. 143, 230
Мюллер Фр. 135, 227, 229

Некрасов А. Д. 228
Нерон 201
Николай I 32, 113, 222
Норман Э. 238
Ньютон И. 33, 118, *185*, 246

Одюбон Ж. 69, 207
О'Коннель 213
Оуэн (из Шропшира) 71, 209
Оуэн Ричард 31, 32, 115, 116, 222, 237

Павловский Е. Н. 202, 219
Паннекок 202
Паркер Г. 158, 199
Паркс 61, 204
Пейли У. 75, 100, 210
Пемтертон (из Шропшира) 55
Пизон 201
Пипотт (из Шропшира) 56
Пирсон Дж. 73, 210
Плиний 48, 201
Погодин М. П. 28
Поляков И. М. 230
Попова О. Н. 198
дель Пьомбо Себастьяно 77, 211

Рамзай У. *185*
Рамси 82, 83, 160, 214, 236
Рамси (Рамсай, Рамзай) А. (Э.?) 82, 214
Рафаэль 211
Резерфорд (Rutherford) Г. У. 229
Резерфорд Э. 246
Рейнольдс Дж. 77, 211
Рич А. 191, 246
Ричмонд Дж. *112*, *113*
Робинсон 239

Саливен Б. Д. 241
Саути Р. 218
Себайн 239
Седжвик А. 76, 84, 85, 94, 112, 160, 210, 211, 214, 218, 222
Сенека 201
Симондс У. 170, 239
Скотт Вальтер 60, 69, 207
Смит С. 119, 120, 224,
Смит Т. 203
Собесский Стюарт Ч. Э. граф Д'Олбени 87, 216
Соболь С. Л. 215, 217, 228, 242
Соуэрби Дж. Б. ст. 240
Соуэрби Дж. Б. мл. 172, 240
Спенсер Г. 23, 33, 34, 103, 118, 119, 201, 220, 224
Станхоп лорд 120, 224
Станхоп Ф. Г. лорд Мэхон 119, 121, 224
Станхоп Ч. 224
Стивен Л. 144, 232
Стивенс Дж. 79, 212
Сукачев В. Н. 246

Тарасов Н. И. 227
Тацит 201
Тёрнер Дж. 83
Тимирязев К. А. 198
Тициан 211
Томпсон Г. 79
Томсон Дж. 59, 203
Томсон Дж. Дж. 246
Томсон У. 230
Томсон У. см. Кельвин лорд
Тэйлор Э. Б. 23, 103, 220

Уайт Г. 61, 204, 228
Уилберфорс епископ 29, 237
Уитли Ч. 76, 211
Уоллес А. Р. 34, 130, 134, 175, *185*, 223, 228
Уотертон Ч. 69, 168, 207, 238
Уэвелль 213 см. Юэлл
Уэй О. 79, 160, 235

Фарадей М. 246
Фаррер Т. Х. 244, 246
Фиц-Рой Р. 16, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 94, 124, 161, 196, 216, 217, 237
Фицуильям 77, 211
Флетчер 168, 238
Фозергилл Ф. 30
Фоконер Х. 32, 115, 222, 239
Фокс У. см. Дарвин-Фокс У.
Форбс Э. 135, 208, 229
Форстер Л. 190, 246
Фридрих II 225

Хабберсти 158
Хат (Huth) 152, 153, 233
Хилл лорд Берик 71
Холл Б. 207
Холодковский Н. А. 219
Хоп Ч. 62, 64, 204, 205
Хорнер Л. 69, 207, 208
Хоутон С. 130, 228
Хэдсон У. Г. 230

Шатский Н. С. 208
Шекспир У. 59, 60, 147
Шелборн маркиз Лансдаун 51, 52
Шелли П. Б. 147
Шпренгель Х. К. 137, 138, 230

Эвклид 59, 75
Эйнсуорт У. 63, 205, 207
Энгельгардт М. А. 217
Энгельс Ф. 26, 209, 225, 227
Эрвин У. 196
Эренберг Х. 116, 223
Этон Т. 83

Юэлл (Уэвелль) У. 82, 114, 122, 213

Чарлз Дарвин

Воспоминания о развитии моего ума и характера

*

Утверждено к печати
Отделением биологических наук Академии наук СССР

*

Редактор издательства *М. В. Медникова*
Технический редактор *А. А. Киселева*
Оформление художника *Л. А. Рабенау*

*

РИСО АН СССР № 19—7В. Сдано в набор 9/VII 1957 г.
Подп. в печать 12/X 1957 г. Формат бум. $60 \times 92^{1}/_{16}$.
$15^{3}/_{4}$ печ. л. + 8 вкл. Уч.-изд. л. 13,4(12,9+0,5 вкл.)
Изд. № 2498 Тип. зак. 1539.
Тираж 15000 экз.

Цена 8 р. 35 коп.

*

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21.

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
91	16 сн.	только	только то
142	15 сн.	ахва-	захва-
183	8 св.	125	1250
196	12 сн.	«Reagle»	«Beagle»
200	2 св.	доска.	доска».
202	4 сн.	начала	С начала
239	7 св.	Atrhro-	Arthro-
248	3 св.	Вержвуд	Веджвуд

Ч. Дарвин. Автобиография

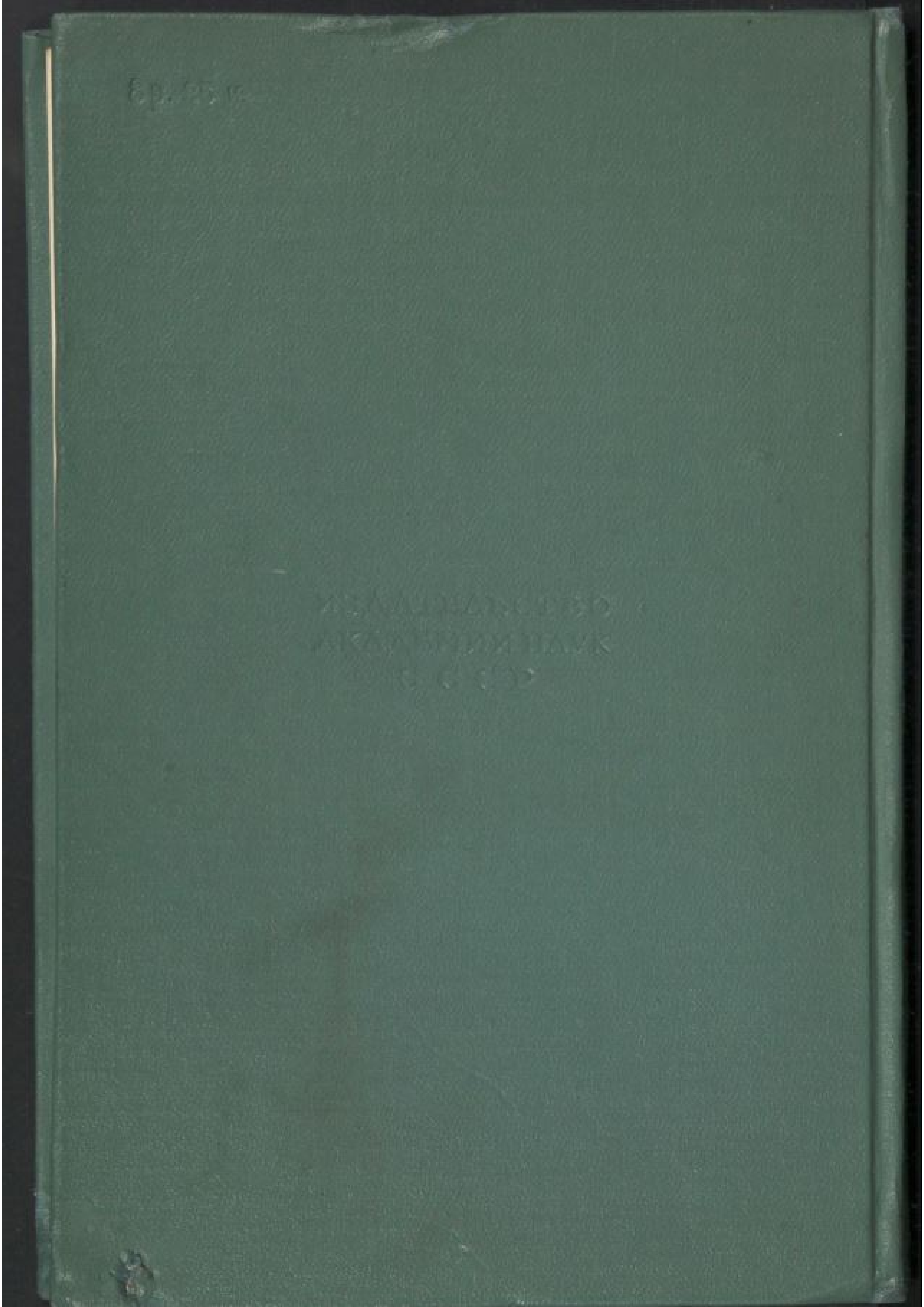
Чарлз Дарвин
Воспоминания о развитии моего ума и характера

*

Утверждено к печати
Отделением биологических наук Академии наук СССР

*

Редактор издательства *М. В. Медникова*


ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР